

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**

**Тезисы конференции
молодых ученых**

*в рамках Дней славянской письменности
и культуры*

13–14 октября
2020 г.

Москва
2020

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)
С47

Ответственные редакторы:
Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова

Редколлегия:

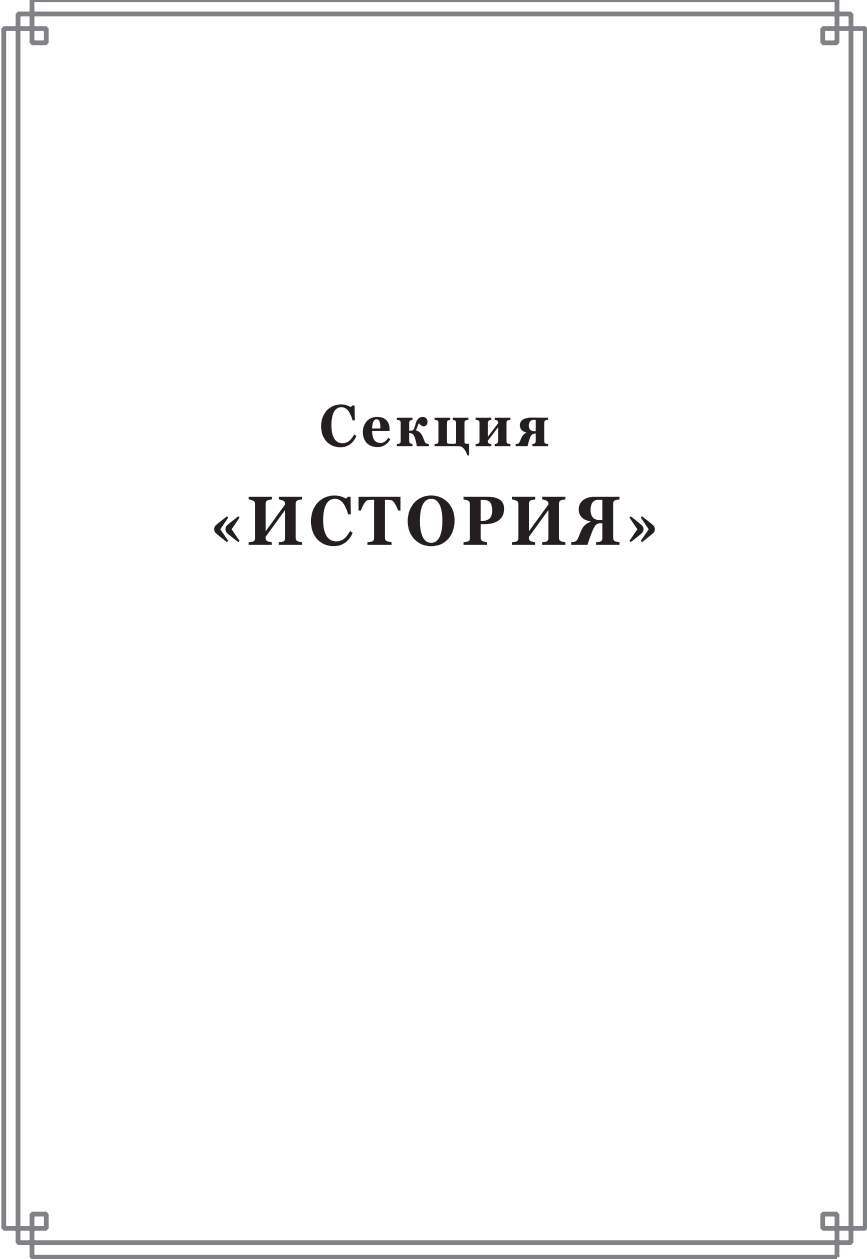
Н.А. Лунькова
Л.Ю. Пахомова
М.Н. Саенко
М.В. Ясинская

Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13–14 октября 2020 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2020. — 312 с.

Более двадцати лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной научной конференцией. С 2014 г. она проходит в формате конференции молодых ученых. В 2020 г. участники из Калининграда, Санкт-Петербурга, Москвы, Ростова-на-Дону, Иванова, Казани, Кирова, Тольятти, Екатеринбургa и Тюмени, а также Италии, Словении, Молдовы, Беларуси и Китая продолжили эту традицию. Вновь обсуждался широкий круг проблем, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном, международном контексте; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой; с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

ISSN 2619-0869
DOI 10.31168/2619-0869.2020

© Коллектив авторов, текст, 2020
© Институт славяноведения РАН,
2020

**Секция
«ИСТОРИЯ»**

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ, ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.1.01

Побелогорская рекатолизация Чешских земель (по материалам реформационной комиссии 1627–1629 гг.)

Наталья Руслановна Белова, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; e-mail: theNatusik@yandex.ru

Ключевые слова: история Чехии, католическая церковь, рекатолизация

The Re-Catholicisation of Czech Lands (Based on the Materials of the Reformation Commission 1627–1629)

Natalia R. Belova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; e-mail: theNatusik@yandex.ru

Keywords: Czech history, Catholic church, re-Catholicisation

Сложная религиозная ситуация в Чешских землях, связанная с поражением Чешского сословного восстания 1618–1620 гг., обусловила проведение рекатолизационной политики, которая была направлена на возвращение населения в католическую веру и создание конфессионального единства в стране. Первые, очень слабые попытки рекатолизации имели место при Рудольфе II в начале XVII в., но их инициатором выступала не королевская власть, а католическая церковь и часть магнатов — так называемая Испанская партия. После поражения сословного восстания 1618–1620 гг. рекатолизация приобрела всеобщий и насильственный характер, что привело к нескольким волнам эмиграции из страны. В первые годы после Белогорской битвы из страны были изгнаны протестантские проповедники,

а согласно императорскому патенту 1624 г. и Обновленному земскому уложению 1627 г., единственной допустимой конфессией признавался католицизм.

Для эффективного проведения всеобщей рекатолизации 5 февраля 1627 г. была учреждена реформационная комиссия, деятельность которой является предметом нашего исследования. Комиссия состояла из четырех человек, как духовных, так и светских лиц (кардинал Гаррах, Ярослав Боржита из Мартиниц, Фридрих из Талмберка и Кристоф Вратислав из Митровиц).

Деятельность реформационной комиссии 1627–1629 гг. пришлась на период, когда всеобщая рекатолизация только началась и велась серьезная полемика по вопросу о методах реализации этой политики. Кроме того, как отметила Й. Менделова, на период 1627–1629 гг. пришлась самая большая волна эмиграции¹, что делает еще более важным изучение деятельности реформационной комиссии и предлагаемых ею методов рекатолизации.

В качестве источников нами были использованы опубликованные письма и декреты реформационной комиссии из фондов Архиепископского архива в Праге² и Пражского городского архива³. Письма и декреты, содержащиеся в публикациях, адресованы императору, королевским чиновникам, городской администрации и представителям шляхты.

Свою цель реформационная комиссия определила следующим образом: «чтобы во всем Чешском королевстве реформацию в религии наконец провели»⁴. Под реформацией в данном случае понимается изменение религиозной ситуации в Чешских землях, возвращение населения в лоно католической церкви. Декреты комиссии касались всех слоев населения, поскольку рекатолизация должна была привести к установлению конфессионального единства в стране. В своих письмах и декретах члены комиссии требуют прислать им списки всех жителей, «оседлых и неоседлых, а также их батраков, жен, детей и слуг мужского и женского

пола» с указанием их вероисповедания⁵. Списки составлялись и дополнялись на протяжении всего периода деятельности комиссии.

Важно рассмотреть вопрос об отношении комиссии к не-католикам. В исследованных источниках чаще всего встречаются понятия «сектанты» и «еретики», а некатолические вероисповедания называются «сектами» или «заблуждениями». Однако некатолики рассматриваются не только и не столько как еретики, но и как нарушители государственного порядка. В одном из декретов они названы «противниками Его Императорской Милости и опасными нарушителями приказов Его Милости»⁶. Подобные характеристики встречаются в источниках довольно часто. Особое внимание комиссия уделяет некатолическим проповедникам, часть которых несмотря на декреты об их изгнании все еще оставалась в стране. В одном из писем комиссия требует арестовать вдову, укрывавшую некатолических проповедников⁷.

Следует остановиться на рассмотрении методов и средств, предлагаемых комиссией для рекатолизации Чешских земель. Не имея возможности углубляться в подробности, отметим основные черты деятельности реформационной комиссии. Во-первых, всем некатоликам предлагалось усвоить католическое вероучение, в чем им должны были помогать католические священники и наставники. Это свидетельствует о стремлении добиться не формальной смены вероисповедания, а глубокой рекатолизации, укоренения католицизма в сознании людей. С этим связана задача комиссии контролировать повседневную жизнь населения. Часто члены комиссии пишут о необходимости следить за тем, чтобы новообращенные регулярно причащались и ходили на исповедь к католическим священникам. Фактически светская власть в лице чиновников должна была контролировать духовную жизнь населения с целью создания конфессионально единого общества. Такую черту побелогорской рекатолизации отмечает в своей статье В. Хмеларжова⁸.

Во-вторых, реформационная комиссия считала необходимым действовать как мирными, так и насильственными методами для достижения целей рекатолизационной политики. Для каждого некаатолика устанавливался срок, в течение которого он должен был перейти в католицизм. В случае отказа от обращения или несоблюдения установленных сроков следовали наказания от запрета заниматься предпринимательской деятельностью до тюремного заключения или изгнания из страны. Широко распространенной мерой было квартирование солдат в населенных пунктах до тех пор, пока некаатолическое население не соглашалось либо принять католицизм, либо отправиться в эмиграцию. Подобные меры вызывали недовольство населения и местных властей, о чем свидетельствуют обращения к комиссии с просьбой избавить их от солдат. За выполнение инструкций комиссии и осуществление наказаний отвечали местные власти в городах и шляхта в своих владениях, что ограничивало возможности комиссии влиять на проведение рекатолизации.

Деятельность реформационной комиссии 1627–1629 гг. не привела к желаемым результатам, даже в феврале 1629 г. комиссия жаловалась на большое количество некаатоликов⁹. При проведении рекатолизации комиссия сталкивалась с равнодушием землевладельцев и местных властей, с нежеланием применять насильственные методы или способствовать эмиграции.

Примечания

¹ *Mendelová J.* Dekrety reformační komise pro Nové Město Pražské z let 1627–1629 (edice). Praha, 2009. S. 7.

² *Dopisy reformační komise v Čechách z let 1627–1629* / ed. A. Podlaha. Praha, 1908.

³ *Mendelová J.* Dekrety reformační komise pro Nové Město Pražské z let 1627–1629 (edice).

⁴ *Dopisy reformační komise v Čechách z let 1627–1629.* S. 1.

⁵ *Mendelová J.* Dekrety... S. 61.

⁶ *Ibid.* S. 87.

⁷ Dopisy reformační komise v Čechách z let 1627–1629. S. 107.

⁸ *Chmelařová V.* Imprisonment as a violent means of confessional transition: The Silesian town of Cieszyn // Religious violence, Confessional Conflicts and Models for violence prevention in Central Europe (15th–18th centuries). Praha; Stuttgart, 2017. S. 266.

⁹ *Mendelová J.* Dekrety... S. 121.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.02

**Обозначение происхождения студентов
иезуитских университетов в Граце и Трнаве
в конце XVI — первой половине XVII вв.:
географический или этнолингвистический
принцип**

Дмитрий Олегович Жаров, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: dozharov@yandex.ru

Ключевые слова: иезуиты, матрикулы, университеты, монархия Габсбургов, королевство Венгрия

**The Indication of Students' Origin
in the Jesuit Universities
Graz and Nagyszombat (Tyrnava)
in the End of the Sixteenth — First Half
of the Seventeenth Century:
Geographic or Ethnolinguistic Principle**

Dmitry O. Zharov, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia Federation; e-mail: dozharov@yandex.ru

Keywords: Jesuits, matricula, universities, Habsburg monarchy, Kingdom of Hungary

В Средние века членами университетских корпораций были люди, приехавшие из разных регионов и говорившие на разных языках. В ходе так называемых академических странствий (*peregratio academica*) студенты со всей Европы

стекались в такие центры, как Париж и Болонья. В конце XIV–XV вв. в Европе выросло число университетов, была регионализация высших школ, которые стали ориентироваться на студентов из ближайших земель¹. В XVI в. произошла конфессиональная сегментация университетов, что привело к изменению направлений студенческих миграций. В этот период выбор места обучения был обусловлен не только его географической близостью и качеством образования, но и конфессиональной направленностью учебного заведения. Университеты, которые в предшествующую эпоху имели сугубо региональное значение (например, Виттенберг, Гейдельберг, Лувен), приобрели интернациональный статус, туда ехали студенты, желавшие получить образование в рамках той или иной конфессиональной доктрины (так, кальвинисты стремились в Гейдельберг, лютеране — в Виттенберг)². В особенности увеличилось количество студентов из тех земель, где собственных университетов не было (например, из Венгрии). Теперь различные университеты становились международными центрами для подготовки священников и учителей для определенной конфессии³.

Одна из проблем, стоящих при исследовании студенческих миграций, — это определение места происхождения студента. Для решения этой задачи исследователи традиционно обращаются к матрикулам*. В большинстве университетов в раннее Новое время матрикулы вели на латыни. Помимо иных характеристик (имя, социальное положение, факультет обучения и др.) в документах указывали родину студента. Существовало несколько способов записи того, откуда родом студент: отмечали конкретный населенный пункт или обозначали церковный диоцез. Интерпретация этих параметров не вызывает сложностей, и по ним можно довольно точно определить, откуда прибыл студент. В то же

* Матрикулы — ежегодные списки, куда вносили сведения о студентах, поступавших в университет.

время в матрикулах мы часто встречаем термины, записанные по типу *Italus, Germanus, Ungarus* и т. п. (далее мы условно будем называть их региональными). Термины в таком виде можно трактовать либо как обозначение регионального происхождения студента, либо как этноязыковую принадлежность. Составители матрикул прямо не объясняли, что имеется в виду, и, следовательно, могут возникнуть неточности при интерпретации.

В связи с указанной проблемой мы сформулировали следующую исследовательскую задачу — на примере матрикул двух университетов определить, какую информацию несут в себе региональные термины. Задача носит источниковедческий характер, так как, решив ее, мы уточним значение, представленных в матрикулах данных, и, следовательно, расширим информативную ценность источника. Подобное прояснение, в свою очередь, даст нам возможность с большей точностью подходить к конкретной исторической проблеме — определению географического происхождения студентов.

Наша методика заключается в анализе случаев совместного использования двух типов терминов. Мы соотносим точную географическую привязку населенного пункта и региональный термин. Если населенные пункты лежат там, где предположительно обозначает региональный термин, то вероятно соблюдается территориальный принцип. И, наоборот, если мы выявляем явное несовпадение населенного пункта с предполагаемым регионом, то это может свидетельствовать об отсутствии связи с конкретной территорией. Кроме того, из одного населенного пункта могут происходить студенты, обозначенные одним и тем же региональным термином. Если это условие не выполняется, мы в праве предположить, что термин относится не к территории, а к этноязыковой принадлежности.

Мы обратились к проблеме соотношения географического и этноязыкового принципов обозначения студентов на примере матрикул двух тесно связанных друг с другом

иезуитских университетов монархии Габсбургов: Грацского⁴ и Трнавского⁵ (ныне Трнава в Словакии, по-венгерски этот город назывался Надьсомбат). Особый интерес представляют региональные термины, относящиеся к территории Венгерского королевства, а именно *ungarus*, *s(c)lavius*, *croata*. Мы сравнили их употребление в матрикулах двух университетов для решения поставленной проблемы: определения смысла, который вкладывали в них составители матрикул.

Рассмотрим сначала примеры употребления относящихся к Венгерскому королевству региональных терминов в Грацком университете с 1586 по 1600 гг. На этот период приходится первый этап истории университета, когда отмечается резкое падение числа новых студентов. Этот спад связывают с осложнением внутривосточной ситуации в Штирии, вызванным переходом к активной фазе рекатолизации земель Внутренней Австрии⁶. Всего за 1586–1600 гг. в Грац прибыло 66 студентов из земель Венгерской короны, которые были записаны под одним из региональных терминов, из них в 23 случаях вместе с регионом составители также вписали населенный пункт, что дало нам возможность сопоставить два этих показателя и посмотреть, с какими поселениями соотносятся региональные термины. Выяснилось, что студентам, записанным как *ungarus* соответствуют города, находившиеся на территории собственно Габсбургской Венгрии (Чепрег, Мишкольц, Цеглед и др.), включая Верхнюю Венгрию (Липто, Нитра). Студенты, записанные как *croata* и *slavius*, прибыли из района Загреба, а также поселения Вараждин на севере современной Хорватии. Близость географической локализации позволяет сделать предположение, что под *slavius* составители матрикул Граца понимали жителей соседней с Хорватией Славонии. В Граце мы не фиксируем ни одного случая, при котором два студента с одним региональным термином прибыли из одного и того же поселения. Это позволяет нам сделать вывод о том, что студентов из Венгерского королевства в матрикулы

записывали главным образом в соответствии с территорией, откуда они прибыли, а не с этноязыковой принадлежностью. При этом известно, что иезуиты в Граце принимали во внимание мультиязыковую среду студенчества: например, речь на открытии университета была произнесена на 18 языках. Это, однако, не сказалось на принципе идентификации студентов в матрикулах⁷.

Иначе выглядит ситуация в Трнавском университете. Мы проанализировали данные за 1635–1642 гг., так как в последующие годы в матрикулы систематически больше не вносились сведения о родине студента. Составители матрикул венгерского университета пользовались теми же терминами (*ungarus, slauus, croata*), но мы фиксируем два существенных различия. Во-первых, *slauus* в Трнаве относится к студентам не из Славонии, а из Верхней Венгрии (большая часть современной Словакии): из 29 студентов-«славян» 25 происходят из районов современной Словакии (Тренчин, Сухе, Трнава и др.). В отличие от Славонии на географических картах XVI–XVII вв. этот регион никак не выделяется**. З. Чепреги заметил, что во второй половине XVI в. термин *slauus* могли использовать для обозначения жителей северо-западной Венгрии, из комитатов Тренчин и Нейтра, «преимущественно населенных словаками»⁸. Исследователь воспринимает этот термин как географический, относящийся к определенной территории, которую мы не встречаем на картах. Принять эту трактовку при анализе матрикул Трнавского университета не позволяет следующий факт: мы встречаем несколько примеров, когда из *одного города* прибыли студенты, записанные *разными* региональными терминами. Из самой Трнавы учились студент

** Мы обратились к картам Г. Лазурса-Таншtedтера (1528), В. Лазия (1556), М. Зундта (1567), И. Жамбоки (1579), Л. Хулзия (1595) и Н. Вишшера (1662). На двух последних картах выделяется «Верхняя Венгрия», но ни на одной мы не находим упоминания Славонии в районе указанных городов.

ungarus и студент *slauus*⁹, из Виштука на западе современной Словакии — один *slauus* и один *croata*¹⁰. В соответствии с предложенной нами методикой мы предполагаем, что региональные термины в данном случае несут в себе информацию не столько о территории, сколько об этноязыковой принадлежности студента.

Мы пришли к выводу, что одни и те же термины, используемые для обозначения студентов, несли в себе разное содержание. Матрикулы Грацского университета фиксировали регион, откуда приехал студент, матрикулы Трнавского университета — его этноязыковую принадлежность. Мы считаем, что выявленные различия были отражением двух трендов «рекрутирования» студентов: интернационального в Грацском университете и регионального в Трнаве. Анализ матрикул показал, что в первые 10 лет существования университета в Трнаве 95% его студентов прибыли из Венгрии. Составителям не было смысла придерживаться территориального принципа, так как большинство студентов относилось к одному крупному региону. В связи с этим был выбран иной способ дифференцирования студентов, который хорошо подходил для страны со смешанным и многоязычным населением. Этот способ, однако, не прижился, и с 1643 г. происхождение студента стали записывать только в тех редких случаях, если студент прибыл не из земель Венгерского королевства.

Примечания

¹ A history of the university in Europe. Vol. I. Universities in the Middle ages / edited by H. de Ridder-Symoens. Cambridge, 1992. P. 285–290.

² *Asche M.* Peregrinatio academica in Europa im konfessionellen Zeitalter // *Jahrbuch für europäische Geschichte* 6. 2005. S. 3–35.

³ *Baumgart P.* Universitäten im konfessionellen Zeitalter: gesammelte Beiträge. Münster, 2006; *Kohnle A.* Die Universität Heidelberg als Zentrum des reformierten Protestantismus im 16. und frühen 17. Jahrhundert // *Die ungarische Universitätsbildung und Europa*. Pécs, 2001. S. 141–163.

⁴ Die Matrikel der Universität Graz / bearbeitet von J. Andritsch. Bd. 1: 1586–1630. Graz, 1977.

⁵ *Matricula univeristatis Tyrnaviensis 1635–1701* / szerk. A. Zsoldos. Buda, 1990.

⁶ *Krones F.* Geschichte der Karl-Franzens Universität in Graz. Graz, 1886. S. 279–280; *Pörtner R.* The Counter-Reformation in Central Europe: Styria 1580–1630. Oxford, 2001. P. 117–130.

⁷ *Evans R.J.W.* The making of the Habsburg monarchy: 1550–1700: An Interpretation. Oxford, 1979. P. 114.

⁸ *Csepregi Z.* Sprachliche und ethnische Verhältnisse in Ungarns Lutherum an der Wende vom 16. zum 17. Jahrhundert // *Hungarian Studies*. N 31 (1). 2017. S. 77–78.

⁹ *Matricula univeristatis...* 15. old.

¹⁰ *Ibid.* 6. old.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.03

**«Зело пристрашно...»:
страх и родственные ему чувства
на страницах источника XVII столетия**

Арсений Владимирович Богатырев, независимый исследователь, Тольятти, Российская Федерация;
e-mail: sob1676@yandex.ru

Ключевые слова: эмоциональная жизнь; тревожные состояния; Московское царство; Речь Посполитая; дипломатическая документация; В.М. Тяпкин

**“Very scary...”: Fear and Related Feelings
on the Pages of the Source
of the Seventeenth Century**

Arseniy V. Bogatyrev, independent researcher, Tolyatti, Russian Federation; e-mail: sob1676@yandex.ru

Keywords: emotional life; anxiety states; Muscovy; Polish-Lithuanian Commonwealth; diplomatic documentation; Vasily M. Tyapkin

Без сомнения, страх сопутствовал человечеству во все времена. В данном исследовании предпринята попытка изучить проявления этой эмоции и сходных с ней состояний на материале документов дипломатической миссии В.М. Тяпкина в Речи Посполитой 1673–1677 гг.¹ Это позволит лучше понять особенности мировосприятия человека того времени, постичь отдельные «границы» его внутреннего микрокосма.

Эмоциональные переживания прошлых поколений уже становились предметом литературоведческих и исторических наблюдений², недавно антропологическому аспекту «пугающего» была посвящена конференция — феномен вновь рассматривался не без привлечения примеров из древнерусской литературы³. Донесения Тяпкина, конечно, достаточно известны⁴, но с данных позиций памятник еще не подвергали анализу. Отчет (статейный список), письма дипломата к московскому начальству о происходящем в Польско-Литовском государстве и за его границами предлагают читателю немало напряженных сцен, проскальзывал между участниками событий и страх.

Трепет знаком персонажу древнерусской письменной культуры, распознавался как один из основных «цветов» чувственного «спектра»⁵. В разбираемом источнике довольно четко разграничивается страх в душевном настрое самого резидента и страх в эмоциях иных людей. Тяпкин избегает применять слово «страх» по отношению к себе, предпочитая разоблачать его в действиях других. Анализ материалов показал, что «страшные» эпитеты часто попадают в текстах 1674–1675 гг. Одно из объяснений этому находим в судьбоносном событии в истории Польши — выборах (1674 г.) нового монарха в соответствии с традициями шляхетской «вольности».

Разнообразие средств лингвистического описания страха указывает на его распространенность, важность для автора, его современников («настрашили», «пристрашно», «страхование», «страшить», «устраша») ⁶. Некоторые из перечисленных

слов нашли отражение в специальной литературе⁷. Также присутствуют обозначения сходных состояний — «опасаяся», «опасно», «стережемся», «тревожатца», «ужасатся»⁸. Тяпкин разделяет «страх» и «ужас»⁹, степень страха имеет «градацию»: дабы подчеркнуть его силу, в источнике используются уточнения «великий» и «зело»¹⁰. «Страшный» соседствует у дипломата с «немилосердным»¹¹, связан с жестокостью, безжалостностью. При этом «боятца» применяется и в негативном смысле, и как синоним «уважать», «почитать» (например, Бога)¹².

Исходя из документов Тяпкина, можем вычленить триггеры «страшного»:

— «Сверхъестественные» проявления (с осторожностью отнесем сюда и боязнь стихийных природных явлений¹³). К «сумнениям» подталкивали «дурные знамения», считавшиеся «буревестниками» тяжких испытаний. Подобное характеризует переломные моменты: в России второй половины — конца XVII в. внимательно присматривались к знакам, под влиянием страха объясняли их с негативных позиций¹⁴. Боялись не только «непознанного / таинственного»¹⁵, «неопределенного», но и вполне однозначно трактуемых зловещих манифестаций, того, что они влекли за собой. Смущало и вмешательство «иных сил», не связанное явно с предзнаменованиями (эпизод с говорящей головой)¹⁶. Нередко страх не имеет выраженного объекта, близок экзистенциальной тревоге¹⁷. Для Тяпкина, как, надо думать, верующего человека, сохраняло актуальность понятие «страх Божий»¹⁸.

— Война и ее тяготы. Польско-турецкий конфликт 70-х гг. XVII в. создавал ситуации, выводившие из душевного равновесия и вызывавшие дрожь. Горожан испытывали на прочность осады «с жестоким приступом», карательные акции, голод, мор — страх перед так и названной «страшной» смертью¹⁹. Если использовать терминологию Т.А. Гавриловой, мы видим витальный («как бы не разбили»), интраперсональный (боязнь «пропасть напрасно»)

и интерперсональный («страх расставания с близкими») уровни негативной эмоции²⁰. Тяпкин уже не столь крепок в вере, не столь уверен в божественном промысле (который защитит от всего), как, например, древнерусский книжник²¹.

— Произвол со стороны правителя, что особенно актуально для польских магнатов и шляхты, чьи настроения выразил резидент. Можно считать специфической особенностью «вольного» шляхетского общества, подмеченной «москвитом». Через него как будто доносится эхо Смуты, когда И. Тимофеев увязывал страх Бориса Годунова перед Лжедмитрием с нелегитимностью первого²². Вступивший на престол в 1674 г. король Ян III Собеский (по высказыванию резидента, захвативший престол²³) вызывал опасения, боялись укрепления власти государя вопреки иллюзорной «золотой вольности». Тут же Тяпкин показывает, как страх используется политиками в качестве инструмента достижения целей²⁴.

— Ответственность за «высокое» поручение. Не выявляется в житийной литературе²⁵, указанную категорию тревог допустимо расценивать как своеобразное «новшество». Этот страх присущ Тяпкину, которого мучила мысль «ростерять»²⁶ царские дела, испортить «имидж» России (из-за действий определенных дипломатов²⁷). В такую разновидность эмоции очевидно вкладывалось положительное смысловое содержание, такое беспокойство говорило о старательности исполнителя.

Можно выделить и иные побудительные мотивы страха, но ограничимся вышеперечисленным. Заметно, что гораздо сильнее, нежели «аномальные» явления, страшили индивида вполне земные трагедии, страх перед войной, властью и другим периодически затмевал все остальное.

Источник помогает разобраться, какие формы выражения принимал страх. Он мог вылиться в паническое бегство, изменить внешность, превратить в «безсловесное животное»²⁸, заставлял пойти на отчаянные шаги, поступиться

принципами. В целом дипломат больше регистрирует внешние проявления переживания, нежели внутренние трансформации: примеры духовного плана, которые явлены в некоторых сочинениях XVII столетия²⁹, здесь сравнительно редки. Во многих случаях у Тяпкина находит отражение не страх индивидуальный, но его коллективная ипостась — мы видим страх, охватывающий массы; целые города, контингенты крепостей ввергнуты в трепет³⁰.

Всеобъемлющий характер страха виден из перечисленных Тяпкиным категорий населения, которые, на его взгляд, нередко ему поддавались: магнатория, особо влиятельные круги; жители городов (мещане); шляхта и хлопы, пополнявшие ряды воинов, жолнеров. Обличая растерянность последних, Тяпкин дает оценку: бегство с полей сражений он считает «срамотным»³¹, изображает его в комичном, едко-сатирическом ключе.

Противоположный боязни смысл несут встречающиеся у Тяпкина «мужественность», «смелость», «храбрость»³². Причем понятию «храбрость» автор нередко придает ироническую окраску, насмехаясь, например, над «удальими» проделками московского гонца Максима Бурцова или коря за самонадеянность польских «рыцарей».

Преодоление страха, отраженное в слове «храбрость», ведет к победе, которая сопутствует подобного склада героям, дает возможность «чюдо поистинне сотворить»³³. Чаще всего такими добродетелями наделялся в приведенных Тяпкиным документах пропагандистского толка непосредственно Ян III. Доблесть оказывается присущей не только человеческому существу, но и неодушевленным предметам. Довольно необычно приложение подобного к частям тела — для нашего времени странно звучит сочетание «мужественная рука»³⁴.

Историография «трепетного» в сказаниях, «хождениях», описаниях паломничеств, публицистике существует, но страх утвердился и в разбираемых нами «делопроизводственных»

текстах 70-х гг. XVII в. Иногда вставая на острие трагического / комического, «страшное» подчиняет себе как русского, так и поляка; как главенствующего, так и «рядового». Оно многолико и многозначно, с ним сложно бороться — приходится принимать, облекать в слова и наделять эпитетами. Причины «пугающего» разнообразны, его воздействие велико, оставляя след в поступках начальственных людей. От несущего дрожь практически нет спасения, оно неотступно следует за современником: вопреки нынешним представлениям, страх часто заставлял не в каком-то отдаленном глухом месте, а при массовом стечении народа и в ярком свете дня.

Примечания

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а, 161, 163, 164, 166, 178, 182.

² *Аллатов С.В., Шамин С.М.* Радость в жизни русских князей и дружины (X–XIV вв.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2013. Вып. 3. С. 89–93; *Zolina P.* Феномен страха в русской литературе. Vrnо, 2015; *Травников С.Н., Ольшевская Л.А., Решетова А.А.* «И нападе на нихъ страхъ...»: эмоция страха в древнерусской паломнической литературе // Эмоция и жест: визуальные репрезентации эмоциональных состояний. Международная конференция (Москва, РГГУ, 13–15 декабря 2018 г.). URL: <https://www.rsuh.ru/upload/press/Програм-ма%20NEW.pdf> (дата обращения: 04.04.2020); *Попович А.И.* «Болезнь сердца» в «Сказании о Борисе и Глебе»: эмоциональный аспект жертвенной модели поведения // Вопросы всеобщей истории. 2018. № 20. С. 159–166.

³ Антропология страха. IV Ежегодная конференция в рамках совместного проекта издательства Новое литературное обозрение и Европейского университета «Антропологизация гуманитарных и социальных наук». СПб., 17–18 мая 2019. URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/et_dep/Antopology_of_Fear/Anthropology_of_Fear_2019-program_160519.pdf (дата обращения: 14.02.2020).

⁴ Среди последних примеров: *Флоря Б.Н.* О русско-австрийских политических контактах в 70-х гг. XVII в. // Исторические записки. М., 2019. Вып. 18 (136). С. 49–55; *Богатырев А.В.* К предьстории нововведений в российском погребальном церемониале (В.М. Тяпкин на похоронах

Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 1–2. С. 7–22.

⁵ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 50.

⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 433, 478 об.; Д. 164. Л. 15 об., 74 и др.; Богатырев А.В. Некоторые дополнения и уточнения к Словарю русского языка XI–XVII вв. // *Slavia Orientalis*. 2015. Т. LXIV/3. С. 584; *Он же*. Два «Михаила архангела» против «Иоанна предтечи»: неординарный русский перевод XVII в. // *Таинство слова и образа: сб. матер. научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии памяти проф. МДА М.М. Дунаева / отв. ред. В.М. Кириллин, Д. Барицкий, С. Пантелеев*. М., 2017. С. 214.

⁷ Гамаюнова Ю.И. Историко-этимологическое исследование названий эмоций в русском языке XI–XVII вв. (семантический и лингвокультурологический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003. С. 39–48.

⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 383 об., 432; Д. 163. Л. 7, 91 об.; Д. 178. Л. 60 об.; Богатырев А.В. Польский город последней четверти XVII в. глазами русского дипломата // *Вектор науки ТГУ*. 2011. № 2 (16). С. 203.

⁹ Гришин А.А. Феномен ужаса: этико-философский анализ: дис. ... канд. философ. наук. Иваново, 2015. С. 15.

¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161. Л. 150; Д. 164. Л. 121 об.; Богатырев А.В. Два «Михаила архангела»... С. 214.

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 479 об.

¹² Там же. Д. 178. Л. 25.

¹³ Черкасова А.И. «Колика беда им на море бысть страшна и неисповедима...» (маринистические описания в русских хождениях XII–XV вв.) // *Слово. Словесность. Словесник. Материалы межрегиональной научно-практической конференции преподавателей и студентов / отв. ред. А.А. Решетова, Т.В. Федосеева*. Рязань, 2016. С. 122–125.

¹⁴ Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 474–475.

¹⁵ Мишина Л.Н., Осипова А.А., Франчук О.В. К вопросу о работе с текстами древнерусских житий в средней школе // *Перспективы науки и образования*. 2018. № 6 (36). С. 170.

¹⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 523; Иванов П.И. Описание Государственного архива старых дел. М., 1850. С. 311.

¹⁷ Богатырев А.В. По мистическим местам Речи Посполитой вместе с русским дипломатом XVII в. // *Север*. 2013. № 7–8. С. 207; Тиллих П.

Патологическая тревога, витальность и мужество // Московский психотерапевтический журнал. 1994. № 2. URL: https://psyjournals.ru/files/25664/mpj_1994_n2_Tillich.pdf (дата обращения: 13.02.2020).

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 493; *Богатырев А.В.* Новое свидетельство о смерти каменецкого кастеляна Павла Потоцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2. С. 79.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 30 об.; Д. 182. Л. 2 об.; *Туфанова О.А.* Творчество Аввакума: поэтика трагического // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. Ф.С. Капица. М., 2010. Сб. 14. С. 125; *Донской Г.Г.* Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV–XVI вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2011. С. 22.

²⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 54 об.; Д. 164. Л. 121 об., 141; *Баканова А.А.* Системное описание страха смерти // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 17.

²¹ *Федотова М.С.* Позиция редактора в славянской рукописной традиции поучений Исаака Сирина XIV–XVI вв. // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 355.

²² *Михайлова Т.В., Михайлов А.В.* Семантика оценки и причины в двухчастных высказываниях с именным причастием в древнерусских текстах потестарной семантики XVI–XVII вв.: «внутренний мир/внешний мир» // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 39.

²³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 103 об.–104.

²⁴ Там же. Л. 104, 499 об.

²⁵ *Мишина Л.Н., Осипова А.А., Франчук О.В.* К вопросу о работе с текстами древнерусских житий... С. 170.

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164. Л. 141.

²⁷ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1991. Кн. 6. Т. 11–12. С. 497.

²⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 460, 496 об.

²⁹ *Михайлова Т.В., Михайлов А.В.* Семантика оценки... С. 38–39.

³⁰ *Богатырев А.В.* Польский город... С. 203.

³¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а. Л. 494 об.–496 об.; Д. 163. Л. 83 об., 139 об.

³² Там же. Д. 161а. Л. 452, 469–469 об., 494 об.; Д. 163. Л. 29 об.; Д. 182. Л. 2, 38 об.

³³ Там же. Д. 163. Л. 31 об.

³⁴ Там же. Д. 166. Л. 424.

У истоков понятия «славянство»:

Й.Г. Гердер, Н.М. Карамзин

и славянский элемент в русской идентичности

Sara Mazzoni, Университет Мачераты, Мачерата, Италия;
e-mail: mazzoni.aras@gmail.com

Ключевые слова: славянское самосознание, история понятий, народность, XVIII в., XIX в., панславизм

At the Roots of the Concept “Slavjanstvo”. Herder, Karamzin and the Slavic Element of Russian National Identity

Sara Mazzoni, University of Macerata, Italy;
e-mail: mazzoni.aras@gmail.com

Keywords: Slavic consciousness, history of concepts, narodnost', eighteenth century, nineteenth century, Pan Slavism

Термин «славянство», который трудно перевести на любой неславянский язык, появился в России в 1830-х — 1840-х гг. и постепенно стал широко употребляться в публицистических текстах¹. Круг значений, связанный с этим термином, сформировалось ранее, еще в предыдущие десятилетия, параллельно с понятием «народность». Оба считаются ключевыми словами в истории русской мысли первой половины XIX в. Однако если история концепта «народность» уже тщательно изучена, в том числе с точки зрения *Begriffsgeschichte*², то понятие «славянство» еще не привлекало внимания исследователей. В исследовании кратко анализируются некоторые аспекты воззрений Й.Г. Гердера (1744–1803) и Н.М. Карамзина (1766–1826), которые позволяют рассуждать о культурных основах понятия «славянство» до развития идеологии так называемого панславизма второй половины XIX в.

Как известно, глава «Славянские племена» в сочинении Гердера «Идеи к философии истории человечества»

(1784–1791) является одним из основополагающих текстов, на которые опиралось славянское Возрождение XIX в., своеобразным манифестом, вдохновившим славянские народы на политическое и культурное самоопределение на новом историческом этапе. В свою очередь, этот текст является итогом многолетних гердеровских рассуждений о развитии таких видов человеческой деятельности, как разум, искусство и язык, и как следствие, истории человечества в целом.

Уже в ранних сочинениях Гердера заметно стремление философа исследовать происхождение языка и его роль в развитии индивидов и общностей. Во-первых, Гердер отмечает общее происхождение речи и мысли, так как человек способен осмыслить только то, что может выразить языком. Во-вторых, благодаря своей коммуникативной функции речь способствует передаче и преемственности традиций, а также развитию цивилизации и культуры³. Следовательно, язык лежит в основе самой идеи «народа». В работе «О новейшей немецкой литературе. Фрагменты» (1766–1768) Гердер говорит о различных «возрастах» языка, считая поэзию его «молодостью», которая своим символическим и метафорическим богатством способствует пониманию культуры говорящих. Кроме того, поэзия является более эффективным способом изучения истории того или иного народа, чем изучение истории правительств, политики или войн⁴. Таким образом Гердер обосновывает концепцию взаимосвязи эстетики и истории, которая будет занимать особое место в литературных прениях о народности в России XIX в.

В сочинении «Тоже философия истории» (1774) Гердер рассматривает историю всего человечества как ряд сменяющих друг друга великих цивилизаций, самая «молодая» из которых оказывается более сильной и более развитой, чем предшествующие. В «Идеях к философии истории человечества» немецкий философ рассматривает различные народы (или группы народов) с точки зрения их «духа» и их исторической роли. В основе данного мировоззрения, являющегося

всеобъемлющим в диахроническом и космополитическим в синхроническом планах, лежит понимание природы и истории, включающее цивилизации, народы, индивиды и живые организмы. Данная система, по Гердеру, охватывает и славян: он трактует их как «одну-единственную нацию»⁵, с одним языком, одним «духом» и предопределенной ролью в развитии цивилизации.

В отличие от воззрений большинства немецких романтиков, гердеровские теории не были созвучны так называемому национализму. Понятие «нация» у Гердера отличается от «отечества» и не ограничивается пределами «государства». Наоборот, «нация» почти идентична понятию «народ», критерием принадлежности к которому является язык. С момента распространения гердеровских идей в России отчетливо встал вопрос об оценке славянского элемента в русской идентичности, который мы рассмотрим на примере основных произведений Н.М. Карамзина.

В «Письмах русского путешественника» Карамзина, пожалуй, наиболее ярко отразилась близость его взглядов к идеям немецкого философа. В «Письмах» Карамзина содержатся две концепции. С одной стороны, герой является представителем «молодой» русской культуры, желающей войти в круг европейской цивилизации. С другой стороны, встреча с Гердером убеждает писателя в историческом прогрессе цивилизации, в котором народы находятся на едином лингвистическом, культурном и биологическом континууме⁶. Иначе говоря, хотя Карамзин и признает особое место России в ряду других европейских культур, он отрицает какую-либо качественную значимость данного статуса. На этом фоне славянский элемент — «соединяющее звено» между Россией и другими народами Европы и мира. При этом Карамзин подчеркивает: «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами»⁷.

Осмысление славянского «элемента» приобрело важное значение в период подготовки к написанию «Истории

государства российского», когда автор размышлял о необходимости изучения государственной истории, что позволило бы извлечь из сложности человеческого совокупного прогресса все особенные черты одного народа: «Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем»⁸. На этом этапе эволюции взглядов Карамзина происходит его отход от космополитизма и актуализация значимости неразрывной связи каждого человека с отечеством. Следуя примеру Гердера, в первом томе «Истории государства российского» Карамзин описывает славян и признает их первородное единство, обусловленное лингвистической общностью. Однако политическое, религиозное и культурное влияние соседних народов, а также обширность населенного славянами пространства привели к распаду этого единства. В результате с возникновением первых славянских государств разные славянские языки стали отражать своеобразие различных политических реалий. На этом фоне отношение между русской идентичностью и славянским элементом обретает значение как задача исторического исследования, в основе которого — выявление национальных черт русского народа, отождествляемого с подданными русского государства.

Эволюция размышлений Карамзина о русской идентичности играет важную роль в развитии понятия славянства в России второй четверти XIX в. В этой эволюции славянский элемент имеет функцию «соединяющего звена». Однако, если в «Письмах русского путешественника» она реализуется в синхроническом плане, то в «Истории государства российского» она осуществляется в диахронической перспективе, в перспективе всеобщей истории.

Примечания

¹ Славянство//Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 15.03.2020).

² Зорин А. «Кормя двуглавого орла...»: литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века.

М., 2001. С. 341; *Бадалян Д. А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XIX вв. СПб., 2006. С. 108–122; *Miller A. Natsija, Narod, Narodnost' in Russia in the 19th Century: Some Introductory Remarks to the History of Concepts* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2008. № 56. Heft 3. S. 379–390.

³ *Гулыга А.В.* Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» // *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / под ред. А.В. Гулыги. М., 1977. С. 612–648.

⁴ *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. С. 208.

⁵ Там же. С. 470.

⁶ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / под ред. Ю.М. Лотмана. Л., 1984. С. 212.

⁷ Там же. С. 254.

⁸ *Карамзин Н.М.* История государства российского. В 12 т. / под ред. А.Н. Сахарова. М., 1989. Т. I. С. 14.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.05

Болгария в идеологии «русского» панславизма (1820–1870-е гг.)

Константин Александрович Касаткин,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: kuzo1825@mail.ru

Ключевые слова: Юрий Иванович Венелин, Александр Фомич Вельтман, Иван Петрович Липранди, Болгария, панславизм

Bulgaria and “Russian” Pan Slavism in the Nineteenth Century

Konstantin A. Kasatkin, St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: kuzo1825@mail.ru

Keywords: Ivan Liprandi, Aleksandr Veltman, Yuriy Venelin,
Bulgaria, Pan Slavism

Панславизм, сформировавшийся как идейное течение в 1840-е гг., не являлся целостной идеологией — скорее он представлял собой совокупность разнородных и зачастую конкурирующих концепций, признававших, однако, несомненной культурно-историческую общность славянских народов¹. Так, получивший распространение среди австрийских славян «истинный» панславизм выполнял компенсаторную функцию, позволяя апеллировать к многомиллионной общности в борьбе за свою национальную самобытность. Поэтому он не предполагал ни политической интеграции, ни формирования унифицированного общекультурного пространства².

В Российской империи, стремившейся к реализации внешнеполитических амбиций, панславизм получил совершенно иное толкование. В первой половине XIX в. российские власти видели в распространении представлений о славянском братстве угрозу легитимным режимам и европейской стабильности. Но уже во время Крымской войны Россия оказалась в международной изоляции, рухнули иллюзии относительно единой христианской семьи европейских народов, и российская элита вынуждена была пересмотреть свои позиции. В данном контексте идеи славянского братства оказались весьма кстати. Этот «имперский», или «русский», панславизм в отличие от западной модели нес в себе огромный интегрирующий потенциал: его отличительной особенностью было отождествление интересов России с интересами всего славянства, что давало аргументы для обоснования внешнеполитической экспансии, трактуя ее как исполнение Империей высокой миссии и даже исторической необходимости³. Формирование «русского» панславизма началось в конце 1820-х гг., а становление в качестве важного элемента идеологии пришлось вторую половину XIX в. В центре рассуждений идеологов находились прежде всего южнославянские народы, но именно болгары, в силу исторических, культурных и политических факторов, очень рано стали занимать одно из центральных мест в построениях

российских панславистов. Рассмотрим этот процесс на примере работ Ю.И. Венелина, А.Ф. Вельтмана и И.П. Липранди, проследив эволюцию представлений о болгарях во взглядах теоретиков «русского» панславизма в 1820-е — 1870-е гг.

Не являясь в строгом смысле деятелем панславистского движения, именно Венелин сформулировал ряд теоретических положений, которые впоследствии стали неотъемлемой частью его «имперского» извода. Несмотря на то, что идеи Венелина казались фантастическими даже современникам, его труд «Древние и нынешние болгаре» стал важной отправной точкой этих идеологических построений. Венелин не только обосновывал славянское происхождение болгар, но и пытался реконструировать общее русско-болгарское прошлое, называл Аттилу «русским царем»⁴, а гуннскую империю — «Россией, державой между Дунаем и Волгою»⁵. Прежде история России не простиралась глубже призвания Рюрика, а ее границы почти совпадали с границами Империи. Венелин, отождествив болгар с русскими, показал, что история российской государственности началась как минимум на пять столетий раньше, чем принято считать, а истинные пределы России выходят за рамки общепринятых. Для него Русь — не одна только Российская империя, а бескрайнее Славянство, занимающее территории и далеко за Дунаем⁶.

Существенно расширил и углубил идеи Венелина один из его последователей — А.Ф. Вельтман, который стал официально признанным деятелем «имперского» панславизма. Венелин сомневался в возможности проследить историю славян до их прихода в Европу, поэтому ограничивал хронологические рамки античностью, и, не имея более ранних письменных источников, объявлял другие гипотезы фантазерством. Однако это не помешало ему обосновать теорию переселения славянских племен из Индии в Европу, которое произошло якобы задолго до прихода греков и римлян⁷.

Вельтман был убежден, что славянские народы представляют отдельную цивилизацию, являясь носителями

особенного духа, отличного от западного рационализма и восточного фатализма. Уникальность славян заключалась, по его мнению, в приверженности к единственно истинным «тримуртическим» верованиям, хранителями которых они остаются со времен переселения из Индии. В христианстве Вельтман видел новый этап развития «тримуртической» религии, ислам же считал «халдейским расколом в веровании магов»⁸, а рационализм и атеизм Европы рассматривал как современное воплощение буддизма⁹. Он утверждал, что славяне со всех сторон окружены врагами и только объединившись могут отстоять свою самобытность. Первым правителем, которому это якобы удалось, был Атила. Впоследствии безуспешные попытки собрать славян под рукой киевских князей предпринимал Святослав¹⁰. Согласно Вельтману, если в древности славяне смогли отстоять свою независимость и самобытность, встав под общие знамена, то и теперь они могут спастись от ига австрийцев или турок под крылом российского орла. Противостояние России с Востоком и Западом трактовалось им как противостояние носителей истинной «тримуртической» религии с «буддистами» и приверженцами «дуалистических верований».

В середине XIX в., в условиях внешнеполитической изоляции России, идеи «русского» панславизма начинают распространяться в государственной и военной среде. Одним из его приверженцев стал И.П. Липранди, военный и государственный служащий, знакомый Венелина и близкий друг Вельтмана, знаток европейских областей Османской империи, чьи записки, по выражению самого автора, «шли на самый верх», а статьи публиковались в крупных российских журналах. В своих многочисленных работах Липранди удачно соединил концепции, обусловленные насущными потребностями российской политики второй половины XIX в., со славистическими теориями Венелина и Вельтмана. Уже в начале 1850-х гг. автор последовательно доказывал, что болгары должны стать главной опорой российского влияния

на Балканском полуострове. С одной стороны, такая позиция была связана с общностью веры. Болгары, по мнению Липранди, единственный, кроме русских, народ, сохранивший чистоту православия, в то время как другие поддались католической пропаганде или исламизации. Кроме того, Липранди заимствовал у Венелина и Вельтмана тезис об общности исторических судеб болгарского и русского народов, которые имели опыт пребывания под властью одного правителя¹¹. И, наконец, вслед за Венелиным Липранди видел в Болгарии «классическую страну»¹², перед которой Россия находится в неоплатном историческом долгу, а значит, первоочередной задачей Империи должно стать достижение независимости Болгарии.

Так идеи о русско-болгарской взаимности, высказанные Венелиным, сформировали ядро теории «имперского» панславизма и благодаря государственным и общественным деятелям стали неотъемлемой частью политики России на Балканах во второй половине XIX в., что проявилось в стремлении России создать Великую Болгарию в качестве проводника своего влияния на полуострове.

Примечание

¹ *Arato E.* The Slavic Thought: its Varieties with the Slavonic Peoples in the First Half of the 19th Century // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1976. Vol. 22. N 1/2. P. 73–98.

² *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // *Новая и новейшая история.* 2016. № 5. С. 4–6.

³ Там же. С. 10–15.

⁴ *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгаре. М., 1829. С. 228.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ *Гачев Г.Д.* «Древние и нынешние болгаре» Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф // *Венелин в болгарском Возрождении* / отв. ред. Г.К. Венедиктов. М., 1998. С. 47.

⁷ *Вельтман А.Ф.* Индо-германы, или сайване. М., 1856. С. 4–7.

⁸ *Вельтман А.Ф.* Первобытное верование и буддизм. М., 1864. С. 12.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Вацуро В.Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов (Этюды и разыскания) // Вацуро В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 580.

¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 673. Оп. 1. Д. 247. Л. 8.

¹² Там же. Л. 9.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.06

Роль Перы Тодоровича в развитии радикализма в Сербии (1875–1879 гг.)

Ирина Сергеевна Пуяткина, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: antze1984@mail.ru

Ключевые слова: радикальная партия, социализм, общественно-политические движения, Сербия, Светозар Маркович, Пера Тодорович, Никола Пашич

Pera Todorović and the Rise of Radicalism in Serbia (1873–1879)

Irina S. Putyatina, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russian Federation; e-mail: antze1984@mail.ru

Keywords: radical party, socialism, social and political movements, Serbia, Svetozar Marković, Pera Todorović, Nikola Pašić

Организационному оформлению радикальной партии, чья история хорошо изучена как в сербской, так и в отечественной историографии¹, предшествовал небольшой период времени после смерти первого сербского социалиста С. Марковича (1846–1875). Именно тогда оставшиеся без лидера социалисты искали основания для выработки более соответствовавшей сербским реалиям политической платформы и дальнейшей политической борьбы. На этот временной

отрезок (1875–1879 гг.) приходится пик публицистической и политической активности одного из основателей радикальной партии и последователя С. Марковича Перы Тодоровича (1852–1907).

П. Тодорович рос в большой семье зажиточного торговца из села Водице недалеко от Смедеревской Паланки. Отец стремился обеспечить ему хорошее образование. Однако в силу своего характера, Тодорович был исключен из высшей гимназии в Белграде, а затем бросил торговую школу в Пеште и в 1872 г. перебрался в Нови-Сад. Там в это время находился С. Маркович, знакомство с идеями которого в корне изменило жизнь Перы².

Под влиянием Марковича Тодорович решил продолжить образование в Цюрихе, где познакомился с другими последователями своего учителя, в том числе с будущим лидером сербского радикализма Н. Пашичем, а также поддерживал контакты с обучавшимися там русскими революционерами-народниками³.

В 1860–1870-е гг. в Сербии официально не существовало партий и общественно-политическая жизнь концентрировалась вокруг печатных изданий. Поэтому после возвращения на родину в 1873 г. Тодорович принимал деятельное участие в издании газет С. Марковича *Јавност* («Общественность») и *Глас јавности* («Голос общественности»).

В то же время в Сербии существовала скупщина, представлявшая на тот момент хоть и слабую, но все же возможность парламентской борьбы. Поэтому еще при жизни Марковича обязанности в группе, эволюционировавшей позднее в радикальную партию, распределились следующим образом: один человек отвечал за агитацию в народе и партийные печатные органы, другой — лидер оппозиции в скупщине. Сначала это были С. Маркович и А. Богосавлевич соответственно, позднее П. Тодорович и Н. Пашич⁴. Как правило, такое разделение было обусловлено еще и тем, что агитатор практически постоянно находился под следствием

за так называемые преступления в печати, а партия не должна была оставаться «обезглавленной».

После суда над С. Марковичем в июне 1874 г. в Белграде начал выходить первый в Сербии социалистический журнал *Рад* («Труд»), издателем и ответственным редактором которого был П. Тодорович. После того как под давлением властей этот журнал также прекратил свое существование, Тодорович участвовал в издании газеты *Ослобођење* («Освобождение») — последней газеты скончавшегося от туберкулеза 26 февраля 1875 г. С. Марковича. В том же году именно под редакцией Тодоровича вышел первый номер газеты *Старо ослобођење* («Старое освобождение»), название которой было призвано подчеркнуть решимость последователей С. Марковича в отстаивании его политических идей.

Возможность реализации их устремлений представилась на местных выборах в органы общинного самоуправления, на которых верх одержали социалисты — последователи Марковича. Либералы попытались опротестовать результаты выборов, но 15 февраля 1876 г. общинное собрание подтвердило победу социалистов. П. Тодорович вместе со своими единомышленниками организовал манифестацию в Крагуевце, участники которой пронесли красное знамя с надписью *Самоуправа* («Самоуправление»). Событие стало знаковым и получило название *Црвени барјак* («Красное знамя»). Реакция правительства не заставила себя ждать — в город были введены войска, а Тодорович и другие участники акции были арестованы 21 февраля 1876 г. Они использовали судебный процесс для пропаганды своих политических идей. Речь Тодоровича, произнесенная им 29 мая 1876 г., стала квинтэссенцией его взглядов и программой движения последователей С. Марковича в этот период.

Манифестация имела большой резонанс и получила широкое, хотя в основном и негативное, освещение в западно-европейской печати⁵. Несмотря на все попытки обвинения, Тодоровичу удалось избежать наказания за организацию

манифестации, и суд приговорил его за преступления в печати, ограничившись сроком в девять месяцев тюрьмы.

В сербской исторической литературе существует большой корпус работ, посвященных манифестации *Црвени барјак* и, несмотря на широкую палитру мнений, большинство исследователей склоняются к той точке зрения, что с этого события берет начало история радикализма в Сербии, первыми мучениками которого, как новой политической веры, стали осужденные на процессе⁶.

Известно, что Н. Пашич, на момент манифестации находившийся в Белграде, негативно воспринял известие о ней, считая ее делом несерьезным⁷. Однако *Црвени барјак* оказался действенным средством пропаганды, сделав последователей Марковича известными на всю страну, поскольку речь П. Тодоровича получила широкое распространение.

После начала сербско-турецкой войны П. Тодорович был отпущен под залог и ушел на фронт добровольцем. Однако после ее окончания, власти инициировали повторный судебный процесс против организаторов демонстрации в Крагуевце, и по заочному решению апелляционного суда от 21 апреля 1877 г. П. Тодорович был приговорен за подготовку государственного переворота к четырем годам девяти месяцам тюрьмы⁸. Узнав о приговоре, он решил эмигрировать. Тодорович на время осел в Нови-Саде, где с весны 1878 г. начал издание нового журнала *Стража* («Дозор»). Последний двойной номер *Стражи* вышел в феврале 1879 г., а уже в следующем месяце Тодорович получил предписание от министерства внутренних дел о необходимости незамедлительно покинуть Австро-Венгрию. Именно с прекращением издания этого журнала некоторые исследователи связывают окончание эпохи С. Марковича в сербской политике⁹.

Изучение общественно-политической деятельности П. Тодоровича в указанный временной интервал дает нам все основания опровергнуть устоявшееся мнение о том, что после смерти С. Марковича социалистическое движение в Сербии переживало кризис. Одним из важных показателей

успешности деятельности его последователей стала победа на выборах в органы общинного самоуправления в Крагуевце в 1876 г., а также мирная демонстрация *Црвени барјак*, ставшая знаковым моментом в истории сербского радикализма. Ключевую роль в этих событиях играл ближайший сподвижник С. Марковича — П. Тодорович, который после смерти лидера в 1875 г. продолжал активную публицистическую деятельность. Организация Николой Пашичем радикальной партии в 1881 г. стала логичным следствием всей подготовительной работы проведенной как самим Марковичем после 1872 г., так и его последователями.

Примечания

- ¹ См.: *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича: Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998; и другие его работы.
- ² Подробнее об идеологии С. Марковича и П. Тодоровича см.: *Воронкова (Путятина) И.С.* Разбуженный Герценом? Светозар Маркович в России и на Западе: мифы и реальность // *Родина*. 2009. № 8. С. 99–101; *Путятина И.С.* Светозар Маркович и Пера Тодорович о проблемах развития сербской государственности в 60–80-е гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- ³ *Нинчић В.* Пера Тодоровић. Београд, 1956. С. 27.
- ⁴ *Пешич М.* Политичке странке и увођење парламентаризма у Србији од 1881. до 1903. Ниш, 2017. С. 74–80.
- ⁵ См. напр.: *Volksstaat*. 20.02.1876. N 21. // *Марковић С.* Целокупна дела. Књ. XV. Београд, 1996; *Arbeiter Wochen-Chronik*. 12.03.1876. N 11 // *Ibid.*
- ⁶ *Живановић Ж.* Политичка историја Србије у другој половини XIX в. Књ. II. Београд, 1924. С. 148.
- ⁷ *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба: 1845–1926. Књ. I. Београд, 1990. С. 296; *Шемякин А.Л.* У истоков Сербской Народной радикальной партии. Пера Тодорович и Никола Пашич — «друзья-соперники» // *Историки-слависты МГУ. Книга 10. Славянский мир профессора Матвеева*. М., 2013. С. 124.
- ⁸ Пресуда Апелацијоног суда по кривици // *Црвени барјак у Крагујевцу 1876*. Грађа, II. Крагујевац, 1976. С. 339.
- ⁹ *Перовић Л.* Пера Тодоровић — више од личне судбине // *Тодоровић П.* Писма. Личности и личност. Београд, 2000. С. 50.

Количество славянских народов как политическая проблема 40-х — 50-х гг. XX в.

Александр Вячеславович Зайцев,

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;

e-mail: zajczew.aleks2013@yandex.ru

Ключевые слова: карпаторуссы, лужицкие сербы, боснийцы,
Всеславянский комитет, Славянский конгресс, народность

List of Slavic Peoples as a Political Problem in the 1940s–50s

Aleksandr V. Zaitsev, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russian Federation;

e-mail: zajczew.aleks2013@yandex.ru

Keywords: Carpathian Russians, Sorbs, Bosnians, All-Slavic
Committee, Slav Congress, nationality

В 1941 г. в Москве был организован Всеславянский комитет (фактически заработал в 1942 г.), члены которого должны были в полноте представлять славянские народы. На учредительном собрании 5 октября 1941 г. присутствовали четыре представителя русских и по одному от других национальностей: украинцев, белоруссов (так тогда писали), поляков, болгар, чехов, словаков, сербов, хорватов, словенцев, черногорцев, македонцев.

Тем не менее в списке не у всех членов комитета была указана национальность. Это относилось к карпато-руссу И. Локоте и представителю ляхов О. Лысогорскому¹. В разных номерах журнала Всеславянского комитета (далее — ВСК) «Славяне» член ВСК Р. Стийенский назывался то югославским, то черногорским, то сербским поэтом². После смерти карпато-русского члена ВСК И. Локоты его заменил «представитель от карпато-украинцев» И. Туряница³.

В № 8 за 1943 г. журнала Всеславянского комитета «Славяне» была помещена справка о славянах, составленная при участии академика Н.С. Державина. В ней говорилось, что «обычно принято» разделение славян на восточных (русских, украинцев, белоруссов), западных (поляков, чехов, словаков, кашубов и сербов-лужичан) и южных (сербов, хорватов, словенцев, болгар и македонских славян). Карпато-руссов в списке не было, как, впрочем, и черногорцев. В статье «Славяне» в 51-м томе первого издания Большой советской энциклопедии (БСЭ), подписанной тем же Н.С. Державиным, был принят принцип деления славян по языковым группам. К западным славянам отнесли, в частности, кашубов, поморских словинцев и сербов-лужичан; к южным — македонских славян. Карпато-руссам и черногорцам опять места не нашлось.

В Национальный комитет Американского Славянского конгресса, образованного в 1942 г., были включены представители всех славянских народов, живших в США. Их насчитали 11: поляки, чехи, словаки, русские, украинцы, карпатские русские, сербы, хорваты, словенцы, болгары, македонцы. По состоянию на 1947 г. в список были добавлены белорусы⁴. Черногорцев не было, видимо, из-за малой численности их в США. В 1944 г. представители СССР, в том числе в США, дали понять карпато-руссам, что считают их украинцами⁵.

В начале марта 1945 г. на предварительный Славянский конгресс в Софии приехали, как писал анонимный автор отчета для ВСК, представители русских, украинцев, белоруссов, поляков, чехов, болгар, сербов, хорватов, словенцев, черногорцев⁶. Из материалов конгресса ясно, что в составе югославской делегации приехал и член ВСК, представляющий македонцев, — Димитр Влахов. Он призвал к предоставлению автономии Пиринской Македонии⁷. Очевидно, не все в Болгарии признавали македонцев отдельным народом. Представителя словаков на конгрессе не было; причины

не объяснялись, однако думаю, что они не были связаны с участием марионеточной Словакии в войне против СССР. Скорее всего, организаторы не желали допустить дискуссии о будущем статусе Словакии.

В конце 1946 г. в Белграде прошел Первый послевоенный славянский конгресс. При его организации список славянских народов был точно определен председателем мандатной комиссии: те же, что в Софии (считая македонцев), и словаки⁸. Председатель ВСК генерал А.С. Гундоров на конгрессе заявил: «Из двенадцати славянских народов пять живут в Югославии»⁹. И это при том, что на конгрессе ожидалась делегация лужицких сербов¹⁰.

Для СССР карпато-русский вопрос был решен превращением Народной Республики Закарпатская Украина в Закарпатскую область. Таким образом, карпато-руссы были признаны украинцами, иначе пришлось бы образовать как минимум Карпато-Русскую АССР в составе УССР. Однако в Северной Америке на эту проблему смотрели иначе. В 1950 г. генеральный секретарь Канадского Славянского конгресса Дж. Бойд (И.И. Бойчук) жаловался Славянскому комитету СССР: «У нас есть карпато-руссы, есть карпато-украинцы. Есть между ними лемки, которые были под Польшей. Есть несколько человек, которые не хотят признать, что они украинцы». Бойд предполагал, что карпато-руссы в конечном счете исчезнут. В сложившихся же условиях он считал нецелесообразным требовать от них самоидентификации как украинцев. Ему было достаточно того, что они состоят в «прогрессивной» общественной организации¹¹.

Журнал Славянского комитета СССР «Славяне» писал о лужицких сербах и в 40-е, и в 50-е годы, называя их то народом¹², то народностью¹³, то национальностью¹⁴. В результате возникла неловкая ситуация: народ в «социалистической семье народов» оказался без территориальной автономии. Советская этнография давала ответ: лужицкие сербы — народность¹⁵. Судьба народности могла быть двойкой: или

развиться до нации, или ассимилироваться¹⁶. Учитывая численность лужицких сербов, первый вариант был вполне естествен¹⁷.

К тому же статус народности не препятствовал дарованию территориальной автономии (народы Крайнего Севера в РСФСР)¹⁸. В любом случае вопрос о славянском народе, не получившем территориальной автономии, старались не вспоминать.

Еще меньше оснований для оптимизма было у малых народов Польши. ПНР строилась как унитарное государство, и ни о какой автономии на ее территории, кроме культурной, речь не шла. Философ О.К. Шевченко, подытоживая судьбу малых славянских народов, винит прежде всего великие державы и Польшу, но возлагает ответственность и на всё международное сообщество: «В угоду Польше, СССР, США, Великобритании был поставлен крест на гармоничном развитии десятка (это можно считать преувеличением. — А. З.) европейских этносов. Если в части, касающейся силезцев и кашубов, заметны попытки вернуть историческую память о прошедшей трагедии, то в отношении русинов продолжается “заговор молчания”»¹⁹. Полагаю, что в обстановке межнациональной нетерпимости, сложившейся в Восточной Европе после Второй мировой войны, великие державы не смогли бы гарантировать автономию всех малых славянских народов.

В Федеративной Народной Республике Югославия, напротив, существовала территориальная автономия без титульной нации. Крупный югославский чиновник писал о ней для журнала «Славяне»: «смешанная в национальном отношении республика Босния-Герцеговина»²⁰. Тогда в ФНРЮ не знали, как называть жителей республики, не принадлежащих ни к сербам, ни к хорватам.

Перед редакцией журнала «Славяне» этот вопрос встал в 1956 г., когда в нем была помещена статья о Югославии. Из нее следовало, что все перечисленные в статье

национальности страны составляют в общей сложности 87% ее населения²¹. Остальные 13% приходились, как можно было догадаться, на тех жителей Боснии и Герцеговины, которые не считали себя ни сербами, ни хорватами. На заседании редколлегии статью признали неудачной, слышалась критика: «В статье не говорится, кто же живет в Боснии и Герцеговине»²².

Почти одновременно с этим в статье «Славяне» второго издания БСЭ в списке славянских народов были упомянуты боснийцы (а также черногорцы, кашубы и лужичане)²³. Причем термин не связывался с религиозным самоопределением, как произошло в СФРЮ и при распаде Югославии.

Вторая мировая война вызвала в Европе стремление к этническому упрощению и однородности, чему не препятствовали великие державы. В этих условиях национальным меньшинствам не на что было рассчитывать, кроме исторического везения. Боснийцам повезло, да и то лишь отчасти, если посмотреть на нынешнюю Боснию и Герцеговину.

При составлении списка славянских народов научные работники и общественные организации 1940-х гг. руководствовались различными критериями. Решающим политическим фактором в судьбе малых славянских народов оказалась воля руководства СССР и славянских стран. Сейчас и научные работники, и общественные организации славян свободны от политического давления и могут руководствоваться при подсчете славянских народов объективными критериями.

Примечания

¹ *Кикешев Н. И.* Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2008. URL: http://sklaviny.ru/libris/lib_k/kik00.php (дата обращения: 13.03.2020).

² *Стийенский Р.* Черногорцы // Славяне. 1942. № 3. С. 29; *Стийенский Р.* Боснийский партизан // Славяне. 1942. № 5–6. С. 53.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 1. Л. 55об.

- ⁴ ГА РФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 167. Л. 90.
- ⁵ *Шевченко К. В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX в. М., 2011. С. 370.
- ⁶ ГА РФ. Ф. Р-6646. Оп. 4. Д. 4. Л. 1.
- ⁷ Там же. Л. 38.
- ⁸ ГА РФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 40. Л. 47.
- ⁹ *Гундоров А.* Новое славянское движение и задачи славянских организаций // Славяне. 1947. № 1. С. 67.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-6646. Оп. 4. Д. 97. Л. 4.
- ¹¹ Там же. Д. 53. Л. 10об.
- ¹² *Крениц К.* Лужицкие сербы — славянское национальное меньшинство Германской Демократической Республики // Славяне. 1956. № 1. С. 17–20.
- ¹³ *Шнеллер В.* Лужицкие школы // Славяне. 1958. № 3. С. 39.
- ¹⁴ *Арбат Ю.* В городе лужичан // Славяне. 1958. № 12. С. 33.
- ¹⁵ *Агаев А. Г.* Некоторые теоретические проблемы народности как этнической общности. Автореферат дисс. на соискание ученой степени д-ра филос. наук. Ереван, 1966. С. 4.
- ¹⁶ Там же. С. 41.
- ¹⁷ Там же. С. 33.
- ¹⁸ *Константинов Ф. Т.* Некоторые проблемы будущего наций и народностей. М., 1970. С. 7–8.
- ¹⁹ *Шевченко О. К.* Историческая судьба русинов и вопрос об ООН на Крымской конференции 1945 г. // Русин. 2015. № 2 (40). С. 182.
- ²⁰ *Зихерл Б.* Новая конституция Югославии // Славяне. 1946. № 1. С. 15.
- ²¹ *Комиссаров П.* Как разрешен национальный вопрос в Югославии // Славяне. 1956. № 6. С. 19.
- ²² ГА РФ. Ф. Р-9170. Д. 27. Л. 21.
- ²³ Славяне // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 39. 1956. С. 291.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.28

Язык из Киева проведет*

Сергей Александрович Козлов, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация;
e-mail: sergeikozloff@mail.ru

Ключевые слова: Киевская Русь, Об управлении империей, Повесть временных лет, путь за варяг в греки, культурный перевод

The *Yazik* Will Lead from Kiev

Sergei A. Kozlov, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation; e-mail: sergeikozloff@mail.ru

Keywords: Kievan Rus', De administrando imperio, Primary Chronicle, Route from Varangians to Greeks, cultural translation

Первое и самое подробное описание знаменитого водного пути из Руси в Византию происходит из девятой главы византийского историко-дипломатического трактата «Об управлении империей» (*De administrando imperio, DAI*), озаглавленной «О росах, отправляющихся с моноксилами из Росии в Константинополь».

Это уникальное свидетельство чрезвычайно информированного современника, датируемое на полтора столетия раньше летописного «пути из варяг в греки» и традиционно приписываемое императору Константину VII Багрянородному (номинально правил с 913, фактически — с 945 по 959 гг.), не раз становилось предметом дискуссий. С точки зрения ряда историков, у нас нет достаточных оснований

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ (проект № МК-623.2020.6).

для утверждений, что непосредственным автором этого описания был личный посланник (василик) сопровителя Константина — Романа I Лакапина (920–944), направленный в Киев в 944 г. для ратификации договора с князем Игорем. Одни исследователи ссылаются на отсутствие надежных сведений о визите ромеев в еще дохристианский Киев и в качестве альтернативы предлагают считать, что данные *DAI* о Руси / руси были собраны в самом Константинополе, куда ежегодно прибывали русские купцы. Другие обращают внимание, что славянизмы гл. 9 искажены меньше, чем скандинавизмы, и делают вывод, что источником этих данных были славяноязычные болгары или славяне.

В докладе мы приведем новые аргументы в пользу гипотезы о посещении ромеями Киева в 944 г. и покажем, что оба возражения против нее не разрешимы при традиционном подходе к *DAI* как продукту чисто византийского словесного творчества, лишенного каких-либо локальных влияний. Для этого мы сделаем попытку «обратного перевода» гл. 9 с византиноцентристских позиций на исходный «язык» смешанного населения Руси и применим к ней определенную логику объяснения межкультурных взаимодействий — понимание чужой культуры как перевода, апробированную антропологами круга Э. Эванс-Причарда. Таким образом, нас будет интересовать не столько текст гл. 9, сколько процесс ее создания. Если посмотреть на гл. 9 с точки зрения процесса, то на первый план выходит вопрос о цепочке различных «посредников» (или агентов), участвовавших в сборе, переводе, систематизации и редактировании материалов о Руси / руси, в ходе которых исходное этнокультурное знание местных информантов было «переведено» в адаптированный для византийской аудитории текст на среднегреческом языке, доступный нам сегодня.

Конечным звеном этой цепочки, очевидно, был Константин Багрянородный, номинальный автор «дидактического» раздела *DAI* (гл. 1–13). Его руке принадлежит финальная

редактура и адаптация гл. 9 для сына Романа — будущего наследника престола и главного адресата трактата (использование греческих технических терминов и константинопольских топографических реалий, подчеркивание инструментальной роли печенегов в русско-византийской дипломатии).

Поскольку сам Константин VII не посещал Русь, в своей работе он должен был опираться на служебные записки и рапорты (условное «росское досье»), подготовленные послами и чиновниками ведомства дрома. Вопреки критике ряда ученых, гипотеза о посещении Киева ромейским чиновником, собравшим «росское досье», подтверждается не только содержательной переключкой гл. 9 с Повестью временных лет (ПВЛ), на что обратил внимание Д. Оболенский¹, но и некоторыми формальными данными. В частности, жанровой формой гл. 9 (экфрастическое с элементами периплического жанра описание днепровских порогов и жертвоприношений руси на Хортице, выдающее наблюдения очевидца, принадлежавшего к византийской культуре) и ее местом в композиционной структуре *DAI* (сразу после 7-й и 8-й глав «о базиликах»).

Судя по скандинавизмам и славянизмам, зафиксированным в гл. 9, этот анонимный базилик контактировал в Киеве с кем-то из местных жителей. В их числе, очевидно, были представители правящего рода Рюриковичей, о чем говорит упоминание в пассаже 9.3–7 княжеских имен Святослава (Σφρευδοσθλάβος) и Игоря (Ἰγῶρ), а также Вышгорода (Βουσεῦραδέ), названного в ПВЛ «Ольгиным градом» (Лавр., стб. 60; Ипат., стб. 48).

Этому, на первый взгляд, противоречит «ославяненная» ономастика гл. 9 и немотивированная вариативность греческих огласовок городов «внешней Руси» (-γᾱρδ/-γᾱρδ), как будто исключающая русь из числа ее непосредственных информантов. Самым экономным объяснением этого противоречия является, однако, не замена руси на болгар или

славян, противоречащая «взгляду с реки / моря», а добавление недостающего промежуточного звена — славянских переводчиков. Это подтверждается указанием Ибн Хордадбега, согласно которому устную речь русских купцов, торгующих с Византией, «переводят слуги-славяне», а также известие ПВЛ под 6415 (907) г., упоминающим в составе многоплеменной коалиции князя Олега, собранной для похода на Византию, «тиверцев, известных как толмачи» (Лавр., стб. 29; Ипат., стб. 21). Имеется, кроме того, одно известие специально для времени Константина VII, происходящее из трактата *De cerimoniis* (II, 15 (597.13, 15–16; 598.12 Reiske)) и называющего среди участников делегации княгини Ольги, которым полагались денежные подарки, неких переводчиков (ἑρμηνευταί), включая личного «переводчика архонтиссы» (ὁ ἑρμηνεύς τῆς ἀρχοντίσσης).

Посредничество славян-переводчиков в русско-византийских переговорах находит дополнительное основание в пассаже *DAI* о днепровских порогах (9.24–65). В нем описаны семь порогов, местные названия которых даны в греческой транслитерации, причем, в пяти случаях приведены два названия каждого из порогов «по-русски» и «по-славянски»: 1) Ἐσοουπῆ, что переведено как «не спи»; 2) Οὐλβοροί/Ὀστροβουνηπράχ, «островок порога»; 3) Γελανδρί, «шум порога»; 4) Αειφόρ/Νεασήτ, назван по гнездовью пеликанов (др.-рус. неаьсыть); 5) Βαρουφόρος/Βουληνηπράχ, «кипение воды»; 6) Λεάντι/Βερούτζη, назван из-за большой заводи; 7) Στρούκουν/Ναπρεζή, «малый порог».

Хотя содержательно данный пассаж словами ромейского посла воспроизводит лоцию порожистого участка Днепра, несомненно, отсылающую к судоходной практике руси², формально-лингвистически почти все названия порогов для византийской аудитории пояснены из древнерусского (древневосточнославянского) языка, а сами «славянские» названия, как отмечалось выше, подверглись меньшему искажению,

чем «росские», что убедительно объясняется гипотезой о славянах-переводчиках.

Из-за дефицита данных трудно однозначно установить, присоединился ли василик к торговому каравану руси или, наоборот, некий проводник из руси сопровождал ромейское посольство, возвращавшееся по днепровскому пути из Киева, как предполагают авторы московского издания *DAI*³. Исходя из содержания гл. 9, первое предположение кажется более вероятным. Иначе придется допустить, что византийская посольская делегация в полном составе отправилась в «мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание» (9.102–104), что противоречит не только путевому описанию *DAI*, но и соображениям дипломатической безопасности⁴.

Итак, «культурный перевод» 9 гл. *DAI* дает новую информацию о дипломатических каналах Византии и, в частности, позволяет судить о локальных посредниках в ее контактах с Русью. Судя по всему, основу «росского досье» составили сведения, полученные через посредство славянских переводчиков от русских элит Киева (видимо, из числа Рюриковичей), чем и объясняется та глубина познания в языке и культуре киевской руси, которую демонстрирует *DAI*. Учитывая, что каналы коммуникации ромеев в Восточной Европе не распространялись севернее Крыма и Степи, как об этом говорят наши источники, можно сделать вывод, что само это «досье» стало возможным благодаря инфраструктуре и практикам, сложившимся на Руси для функционирования международной торговли. Это позволяет представить более сложную картину русско-византийских отношений до крещения Руси, чем это обычно считается.

Примечания

¹ Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio: A Commentary* by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman / ed. by R.J.H. Jenkins. Vol. II. London, 1962. P. 19.

² Ср. указание гл. 9.45–50, связывающее с порогом Λειφόρ/Νεασοῖτ наибольшую угрозу для торговых караванов руси, с аналогичными свидетельствами скандинавских рунических надписей: *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации. М., 2001. С. 296, 337.

³ Константин Багрянородный. Об управлении империей / ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 293.

⁴ О маршруте «василика Романа I Лакапина» см.: *Козлов С.А.* Василики на путях Гардарики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10/9. URL: <https://history.jes.su/S207987840007494-2-1> (дата обращения: 02.02.2020).

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.08

Переписка П.А. Сырку как источник по содержанию личной библиотеки

Дарья Юрьевна Чернышенко, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: gaal.freude@gmail.com

Ключевые слова: личные библиотеки, славистика, переписка, П.А. Сырку

Correspondence of P.A. Syrku as a Source for the Contents of a Personal Library

Daria U. Chernyshenko, Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Keywords: personal libraries, Slavic studies, correspondence, P.A. Syrku

Эпистолярное наследие ученых представляет собой уникальный исторический источник. Большие комплексы переписки опубликованы и представлены в тематических сборниках и изданиях частных архивов видных деятелей науки и культуры XIX–XX вв. Перед исследователем возникают задачи обнаружения, классификации, восстановления

целостности переписки, в некоторых случаях — установления даты конкретного документа (если письмо сохранилось только в виде черновика) и др.

Наше внимание привлекла часть опубликованной переписки П.А. Сырку¹, подготовленной Институтом литературы Болгарской академии наук, А.Н. Николовым и Л.А. Герд на материалах болгарских и российских архивных собраний². Анализ переписки ученого позволяет установить круг его общения, личных и деловых контактов. Однако для нас переписка — это еще один источник, позволяющий установить состав личной библиотеки исследователя истории и культуры славян и соседних народов.

Личная библиотека П. А. Сырку в 1906–1908 гг. поступила на хранение в Императорский Санкт-Петербургский университет³ и библиотеку Императорской Академии наук⁴. За прошедшие пять лет в библиотеке Российской академии наук (далее — БАН) было выявлено 450 книг на славянских и 150 — на других европейских языках и пять наименований газет на славянских языках, происходящих из собрания П.А. Сырку. Выявление экземпляров, принадлежавших этому собранию, происходит разными способами. Так, издания, находящиеся в настоящий момент в Иностранном отделении БАН, идентифицируются просмотром — *de visu*, в ходе плановой сверки наличия фонда библиотеки. Таким образом велась на начальном этапе работа и с экземплярами, хранящимися в Славянском фонде БАН, позже были сверены с архивным документом «Книга поступлений Славянского отделения»⁵. В дальнейшем поиск изданий велся в описи собрания, включенной в «Книгу поступлений Славянского отделения» [Т. 3–4] за 1903–1909 гг.⁶ Газеты из собрания П.А. Сырку до недавнего времени выявлялись по «Книге поступлений Славянского отделения» [Т. 3] за 1903–1907 гг.⁷

Расширение круга источников, а именно привлечение эпистолярного наследия ученого, позволило значительно

углубить наши знания о составе личного собрания. Представленная в издании «Сырку в Болгарии» переписка выборочно охватывает период с 1878 по 1903 гг. Документы отражают не только период пребывания П.А. Сырку за границей, но и повествуют о времени его проживания в Петербурге. Так, он вел переписку со своими учителями и наставниками: В.И. Ламанским, А.А. Куником, А.Н. Пыпиным; коллегами: Б.П. Хышдеу, Хр. Попконстантиновым, С. Бобчевым и др. Анализ переписки П.А. Сырку позволяет представить состав его библиотеки — книжные и периодические издания. Особенно ценно было соотнести выявленные наименования с экземплярами, хранящимися в настоящее время в Газетном фонде БАН. Нам удалось выявить три названия газет, упоминаемых в переписке П.А. Сырку: *Българин*, *Витоша*, «Македония. Вестник политический и филологический».

В письме В. И. Ламанскому от 14 сентября 1878 г. из Тырново П.А. Сырку дает характеристику современной болгарской прессы и отмечает газету *Българин*. Газета выходила в Гюргеве, Бухаресте, Русе в период с 1878 по 1887 гг. Составители и редакторы: Хр. Г. Бъчеваров и Дим. К. Попов. В литературе мы встречаем следующую характеристику этого издания: «информационный вестник с русофильскими тенденциями»⁸. В БАН были выявлены три экземпляра, изданных в Гюргеве в 1878 г., номера (брой; далее — бр.) 84–86, без владельческих помет.

Следующее название, которое мы встречаем в переписке П.А. Сырку, это *Витоша*. Это была одна из первых газет, выходивших в Софии, в типографии «Янко С. Ковачев». Она просуществовала с 1879 по 1880 гг. и выпускалась под редакцией Т. Бурмова, М. Балабанова, Гр. Начевича, А. Чернева. Всего увидело свет 98 выпусков. Исследователи полагают, что газета была печатным органом консервативной партии⁹. В БАН сохранилось девять экземпляров издания: бр. 58–59 за 1879 г. и бр. 75, 84, 87–88, 94, 96–97 за 1880 г., без

владельческих помет. Газета упоминается в письме А.Н. Пыпину от начала февраля 1879 г., где П.А. Сырку сетует на то, что издание готовится к печати в течение продолжительного времени.

Третья газета, упоминаемая в переписке П. А. Сырку, — **«Македония. Вестник политический и филологический»**. Ее название встретилось нам всего один раз в письме М. Дринову от 31 марта 1879 г. Однако обнаруженные нами в фондах БАН экземпляры являются наиболее интересными во всей представленной подборке. Периодическое издание выходило в Константинополе в период с 1866 по 1872 гг. под редакцией П.Р. Славейкова. Это был общественно-политический и общеобразовательный вестник, в котором также обсуждались экономические темы. В БАН выявлено 10 экземпляров: бр. 17–21 за 1871 г. и бр. 3, 11, 14–16 за 1872 г., без владельческих помет, но с маргиналиями, марками, наклейками. На всех выявленных экземплярах сохранилась полностью или частично наклейка: «В Кишинев. Настоятелю Киприанского монастыря Архимандриту Кузьме Зографскому». Одна из газет содержит следы цензуры.

Мы предполагаем, что эти экземпляры попали в фонды БАН именно из личного собрания П.А. Сырку. На это указывает тот факт, что он был учеником в Киприановском монастыре, который в свою очередь был метохом* болгарского Зографского монастыря на Афоне¹⁰ и мог сохранить контакты со своими наставниками. Во-вторых, датировка газет 1871–1872 гг. достаточно ранняя, они были адресованы настоятелю монастыря и могли поступить в собрание ученого значительно позже: ведь материал, опубликованный в № 16–21 за 1871 г.¹¹, напрямую перекликается с темой научных исследований П.А. Сырку.

* Метох — барская усадьба (обычно — церковь или небольшой монастырь), оказавшаяся в зависимости от др., более крупного феодала (монастыря или церкви).

Отдельно хотелось бы осветить финансовую составляющую обмена литературой между исследователями. Так или иначе, этот вопрос поднимается в переписке. П. А. Сырку не только получал от коллег материалы, которые ему присылали, желая получить рецензию, но он и сам заказывал новые и недостающие для занятий книги, подробно расписывая своим адресатам, какие тома у него уже есть. Вопрос об оплате почтовых расходов и оплате самих изданий поднимался достаточно редко. В качестве благодарности исследователь отправлял свои академические сочинения¹² и периодические издания¹³. Только в переписке с Хр. Попконстантиновым мы находим свидетельство обсуждения финансовых вопросов¹⁴.

Переписка славистов представляет собой неисчерпаемый источник по истории развития науки. Благодаря сохранившимся комплексам документов нам удастся частично реконструировать состав личных собраний исследователей, а также очертить круг научных контактов и обозначить характер отношений внутри сообщества, на материалах обмена научной литературой.

Примечания

¹ Герд Л. А., Николов А. Н. П.А. Сырку в Болгарии (1878–1879). София, 2012.

² Там же. С. 14.

³ Иваск У.Г. Сырку, Полихроний Агапиевич // Частные библиотеки в России. Ч. 2. СПб., 1912. С. 52.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Сырку Полихроний Агапиевич (1855–1905): к 160-летию со дня рождения: каталог выставки. СПб., 2016. С. 6

⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 239. 429 л.; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 239. 343 л.

⁷ Чернышенко Д.Ю. Выявление и первичное описание газет из собрания П.А. Сырку в фондах БАН // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 3 (68). С. 112–114.

- ⁸ Българска възрожденска книжнина. Т. 1. София, 1957. С. 356.
- ⁹ *Душков Ж.* Български периодични издания със заглавия ороними. Част I. 1878–1919. // Научни трудове на Русенския университет 2010. Т. 49. Серия 6.2. С. 152.
- ¹⁰ *Герд Л. А., Николов А. Н.* П.А. Сырку в Болгарии (1878–1879). С. 20.
- ¹¹ *Жеков Н.* Век Търновскаго Патриарха Евтимия. Македония. Г. V. № 16 (20.V.1871) — № 21 (25.V.1871).
- ¹² *Герд Л. А., Николов А. Н.* П.А. Сырку в Болгарии (1878–1879). С. 324.
- ¹³ *Там же.* С. 294.
- ¹⁴ *Там же.* С. 288.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.09

**Электронная библиотека сайта
Центрального разведывательного
управления США как источник
по изучению внешней политики Югославии
в 1940–1980-е гг.**

Борис Сергеевич Новосельцев, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: bnovoseltsev@yandex.ru

Ключевые слова: ЦРУ, источниковедение, холодная война,
Югославия, интернет-источники

**Electronic Library of the Website
of the Central Intelligence Agency of the United
States as a Source for the Study
of Foreign Policy of Yugoslavia in the 1940s–80s**

Boris S. Novoseltsev, Institute of Slavic Studies, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russian Academy of Sciences;
e-mail: bnovoseltsev@yandex.ru

Keywords: CIA, source studies, Cold War, Yugoslavia, Internet
sources

Первые десятилетия XXI в. проходят под знаком развития интернет-технологий и дигитальной революции. Это оказывает существенное влияние на все сферы жизни современного общества, в том числе и на развитие исторической науки в плане изменений в методологии исследований, появления новых подходов и видов источников и, особенно, в отношении расширения круга материалов по истории, доступных любому исследователю в любой точке земного шара, не выходя из собственного кабинета. С одной стороны, это заметно упрощает труд историков, с другой — ставит перед ними новые, специфические задачи.

Одним из частных примеров происходящих изменений стало появление интернет-библиотек, а в последние годы — интернет-архивов, существование которых меняет привычный заданный механизм работы историка по выявлению источника в архивном фонде, публикации и введению его в научный оборот.

Исследователям истории второй половины XX в., прежде всего специалистам по международной проблематике, может быть интересен массив доступных в интернете источников, относящихся к деятельности американских разведывательных служб¹. Эти документы размещены на сайте Центрального разведывательного управления США (ЦРУ) в разделе, который называется «Электронная библиотека» (*Library. Electronic Reading Room*). В данный момент она насчитывает более 11 млн страниц различных источников, относящихся к деятельности ЦРУ. Эти документы публикуются на основании Исполнительного приказа Президента США №13526² от 29 декабря 2009 г. и более ранних Исполнительных приказов №12958³ и №13292⁴ об автоматическом рассекречивании исторических документов 25-летней давности и старше. Первоначально исследователи могли работать с ними исключительно в Национальном архиве в Колледж-Парке, штат Мэриленд, США. Но с января 2017 г. они доступны онлайн⁵ и ежегодно пополняются по мере

прохождения ими процедуры рассекречивания и получения одобрения к публикации.

На сайте размещены сканированные копии оригинальных документов, их качество может различаться, а, кроме того, в некоторых вымарана часть информации. Как правило, это сведения личного характера, например, фамилия, имя или какие-то другие данные об упоминаемых в отчетах лицах, но во многих документах отсутствуют целые абзацы или даже страницы текста. Доступ к каждому материалу возможен по отдельной ссылке, причем сотрудники ЦРУ провели работу по систематизации источников. Они разделены на коллекции, чаще сформированные по проблемному принципу (например «Стратегическое оповещение и роль разведки: уроки, извлеченные из советского вторжения в Чехословакию в 1968 г.»); снабжены внутренней нумерацией; краткой аннотацией; по каждому документу указана дата его создания, дата рассекречивания и дата размещения в интернете.

Навигация по электронному интернет-архиву представлена в виде стандартной поисковой строки, позволяющей находить источники, совпадающие с заданным запросом в названии или имеющие с ним совпадение в тексте аннотации. Кроме того, существует опция продвинутого поиска, позволяющая делать запросы по документам, относящимся к определенной коллекции, искать их по номеру, дате публикации или типу содержимого. Такая система навигации далека от идеала. Например, не хватает возможности фильтрации данных по году создания и по стране, с которой они связаны. В итоге возникает ситуация, при которой по поисковому запросу выдается несколько десятков тысяч единиц источников, большая часть которых связана с ним весьма косвенно.

Среди размещенных на сайте документов можно выделить два наиболее интересных для изучения типа источников. Это информационные отчеты или записки оперативных сотрудников ЦРУ, а также аналитические материалы, подготовленные сотрудниками ведомства. Некоторые представленные

документы ранее уже были опубликованы в сборниках и активно используются историками⁶, однако большая их часть до сих пор не введена в научный оборот. Работа с подобными источниками имеет свою специфику и предполагает серьезный критический анализ полученной из них информации.

Особенно это касается информационных оперативных отчетов сотрудников американской разведки на местах, в которых зачастую присутствует неточная или непроверенная информация, они в значительной степени состоят из слухов, догадок и предположений. Информаторами сотрудников ЦРУ, особенно в социалистических странах, таких как Югославия, часто становились люди, скептически настроенные по отношению к режиму. Поэтому некоторые основанные на полученных данных донесения рисуют довольно мрачную картину ситуации в стране, иногда — не вполне соответствующую действительности⁷. Впрочем, сгущение красок и попытки нащупать самый острый и драматический сценарий развития событий являются характерной особенностью анализа ситуации со стороны сотрудников спецслужб.

Говоря о проблемных материалах, подготовленных аналитиками центрального аппарата ЦРУ, необходимо отметить, что они, безусловно, являются источником другого порядка: не только в том, что касается объема или наличия иллюстративного и статистического материала, но в первую очередь благодаря высокому уровню анализа, обобщений, выводов и прогнозов. В качестве примера здесь можно привести материал, озаглавленный «Югославия: приближение кризиса?» (*Yugoslavia: An Approaching Crisis?*)⁸, подробно и точно рассматривающий экономический, политический и международный аспекты, ставшие предпосылками будущего югославского кризиса, и анализирующий его возможные последствия для самой Югославии, западных и социалистических стран.

В качестве предполагаемой тенденции следует отметить, что рассматриваемый период (середина 1940-х — 1980-е гг.) неравномерно освещен в документах американского разве-

дывательного ведомства. Отдельные процессы и явления в определенные временные периоды привлекали внимание ЦРУ в большей степени, чем другие. Это становится понятно из количества оперативных отчетов и аналитических материалов, посвященных той или иной проблематике. Много материала по истории Югославии относится к периоду 1948–1953 гг. — времени первого советско-югославского конфликта, причем складывается впечатление, что наиболее интенсивно американская разведка разрабатывала темы возможности интервенции со стороны СССР или других социалистических стран на территорию Югославии, а также устойчивости югославского режима и необходимости оказания ему помощи со стороны Запада. Вторым по степени внимания ЦРУ к событиям, происходившим в Югославии, периодом следует назвать начало 1980-х гг. — период неопределенности путей дальнейшего развития Югославии после смерти Йосипа Броза Тито и ожидания будущего кризиса. События 1960–1970-х гг. и активность Югославии как одного из лидеров Движения неприсоединения отражены в документах в значительно меньшей степени.

Специфика рассматриваемого источника:

- происхождение документов;
- способ их рассекречивания, который заведомо предполагает, что не все материалы будут опубликованы, а в тех, что выкладываются в интернет-архиве, пропущены целые страницы и абзацы;
- их неоднородность и неравноценность — диктуют особый методологический подход к ним.

К рассматриваемым документам следует подходить с позиций максимально строгого критического анализа, а все сделанные выводы должны подтверждаться данными иного происхождения. В то же время в качестве дополнительного источника материалы электронной библиотеки ЦРУ будут весьма интересны для исследователей.

Примечания

- ¹ Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act. Electronic Reading Room. (Далее — CIA. FOIA.). Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/>. Дата последнего обращения: 27.02.2020.
- ² Executive Order 13526 of December 29, 2009 // Wikisource. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_13526. Дата последнего обращения: 13.03.2020.
- ³ Executive Order 12958 of April 17, 1995 // Wikisource. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_12958. Дата последнего обращения: 13.03.2020.
- ⁴ Executive Order 13292 of March 25, 2003 // Wikisource. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_13292. Дата последнего обращения: 13.03.2020.
- ⁵ CREST: 25-Year Program Archive // CIA. Library. Electronic Reading Room. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/collection/crest-25-year-program-archive>. Дата последнего обращения: 13.03.2020.
- ⁶ См., напр., Dokumenta CIA o Jugoslaviji: 1948–1983. Priredio Momčilo Pavlović. Beograd, 2009.
- ⁷ См., напр., CIA. FOIA. Comments on Political Situation in Yugoslavia. 22.01.1952. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R010100430009-7.pdf>. Дата последнего обращения: 14.03.2020.
- ⁸ CIA. FOIA. Yugoslavia: An Approaching Crisis? 31.01.1983. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP86T00302R000801270010-6.pdf>. Дата последнего обращения: 14.03.2020.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.10

«Чешский миф» коллаборациониста Эмануэля Вайтауэра

Тимур Владимирович Гимадеев, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация;
e-mail: daigodumu@yandex.ru

Ключевые слова: история Чехии, коллаборационизм, Вторая мировая война, Протекторат Богемии и Моравии

The “Czech Myth” of Emanuel Vajtauer

Timur V. Gimadeev, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation; e-mail: daigodumu@yandex.ru

Keywords: Czech history, collaborationism, Second World War, Protectorate of Bohemia and Moravia

Одной из ведущих фигур чешского коллаборационизма в период фашистской оккупации был журналист Эмануэль Вайтауэр (1892–?), человек крайне необычной судьбы, многие детали которой и сейчас окутаны завесой тайны. Выходец из многолетней семьи небогатого почтового служащего, Вайтауэр сумел получить хорошее образование и стать доктором психологии; впрочем, он быстро оставил научную деятельность, посвятив себя политике. Большую часть 1920-х гг. он провел в статусе коммунистического агитатора: посетил революционную Россию, стал одним из первых членов Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), несколько лет в США занимался коммунистической агитацией, но в итоге за это был депортирован. В 1929 г., после перехвата руководства КПЧ Клементом Готвальдом, покинул партию. С 1931 г. сотрудничал с издательством *Melantrich*, связанным с Чешской национально-социальной партией, работал в партийной газете *České slovo*. Встал на антикоммунистические и вместе с тем — антифашистские позиции, в период Судетского кризиса призывал к борьбе с гитлеровской Германией¹. После Мюнхенского сговора, однако, совершил, по выражению Б. Человского, «смертельное сальто»: уже к концу 1938 г. он выступил с призывом к сотрудничеству с нацистами в книге *Jak po Mnichovu* («Как после Мюнхена?»). После окончательной оккупации страны стал частью «семерки активистов», встав в ряд ведущих нацистских агитаторов. В период оккупации страны опубликовал несколько пропагандистских брошюр².

Весной 1943 г. Вайтауэр издал работу *Český mythus* («Чешский миф»)³, в которой, не будучи профессиональным историком, фактически сформулировал исторический нарратив, целью которого было примирить чехов с победой гитлеровской «новой Европы». Структурно книга Вайтауэра подразделяется на восемь глав: введение, заключение и шесть глав, посвященных шести выделяемым Вайтауэром главным «мифам» чешской истории.

Сочинение Вайтауэра не представляет собой самостоятельное историческое исследование: оно основано на работах ученых-историков, автор эпизодически привлекал исторические источники. Хотя Вайтауэр и хорошо владел немецким, английским, французским, испанским и русским языками, опирался он на чешскую и немецкую историографии.

При разборе первого «мифа» о Чехии как природной крепости Вайтауэр писал о трудах историков-краеведов Й.В. Шимака, Ф. Вацека и Ф. Роубика, доказывавших, что относительно невысокие горы не могли служить достаточно надежными рубежами страны⁴. Во второй главе, в которой Вайтауэр выступил против концепции Ф. Палацкогo о противоборстве демократических и мирных чехов феодальной воинственности немцев, подспорьем Вайтауэру послужили труды Й. Пекаржа, также активно оспаривавшего романтическую концепцию Палацкогo⁵. В главе третьей, речь в которой шла о положении Чехии в Священной Римской империи, Вайтауэр отсылал читателя к чешским историкам: уже упомянутым Й.В. Шимаку и Й. Пекаржу, Я.Б. Новаку, В. Новотному, Й. Шусте и др.⁶ В четвертой части, посвященной разоблачению представления о Великой Моравии как «славянском контррейхе», Вайтауэру, наоборот, пришлось оспаривать ряд тезисов работ В. Новотного, В. Халоупецкогo и сочинений писателя Й. Холечка⁷. «Миф» о том, что чешские немцы являлись пришлым и чуждым чехам народом, Вайтауэр «развенчивал», ссылаясь на работы вышеупомянутого краеведа Й.В. Шимака и чешско-немецкогo историка

В. Вострого, на их книгах Вайтауэр сосредоточился и в последней главе, посвященной отрицанию идей славянской взаимности применительно к чехам⁸.

Будучи высокообразованным человеком и талантливым журналистом, к тому же неплохо знакомым с исторической литературой, Вайтауэр не пытался совершить лобовую атаку на уже выработанный за последнее столетие чешский исторический нарратив, желая скорее взломать его, умело манипулируя ссылками на научную литературу. Ярчайшими примерами манипуляций Вайтауэра служат его обращения к некоторым наиболее дискуссионным вопросам чешской историографии, таким как казус Краледворской и Зеленогорской рукописей и история гуситского движения.

Характеризуя в третьей главе Чехию как своеобразный восточный щит не только Священной Римской империи, но и всей Европы, Вайтауэр уделил внимание сюжетам Краледворской рукописи, повествующей о мифической победе чехов над монголо-татарским войском у Оломоуца. Обширно цитируя рукопись, Вайтауэр тут же оговаривался, что и будучи поддельной, она отражала реальность — якобы к отступлению монголо-татар привело их нежелание вступать в бой с сильным войском Вацлава I и тем самым чехи все-таки спасли Европу⁹.

Говоря о гуситском движении в шестой главе своей работы, Вайтауэр не стал, подобно немецкой пропаганде, брать на вооружение высказывание князя Карла Шварценберга о гуситах как «банде грабителей и поджигателей». Напротив, отсылая читателя к случаям прогуситских симпатий в немецкой среде и к последующему сближению умеренных гуситов с лютеранами, Вайтауэр утверждал, что гуситское движение способствовало сближению чехов с немцами-протестантами, остановить которое смогла лишь насильственная контрреформация¹⁰. Этому сближению Вайтауэр отчасти приписывал и расовые различия в облике германизированных чехов

и «остбалтов» — русских и поляков, с одной стороны, и потуреченных южных славян — с другой¹¹.

Поражение нацистской Германии во Второй мировой войне не позволило построениям Вайтауэра пройти проверку временем. Следы самого Вайтауэра теряются в конце апреля 1945 г.: Б. Человский предположил, что ему все-таки удалось запутать следы и сбежать из страны. В послевоенный период, особенно после 1948 г., облик чешской историографии изменился настолько, что и многие тезисы вполне объективных авторов, которыми оперировал Вайтауэр, были решительно и — подчас — необоснованно отвергнуты. Й.В. Шимак еще при жизни сожалел об «излишней объективности» своих работ по немецкой колонизации¹², причиной резкой критики трудов Й. Шусты в послевоенный период стала в основном его политическая позиция в годы оккупации¹³. Активное использование работ Й. Пекаржа Вайтауэром также было одной из причин развенчания его историографического наследия в первые годы коммунистического режима¹⁴. Стоит ли говорить о судьбе построений самого Вайтауэра?..

В более поздний период чешская историческая наука смогла преодолеть некоторые крайности, объективно вызванные обстоятельствами послевоенного периода. В период после 1989 г. чешскому историческому сообществу удалось по-новому взглянуть и на многие мифы чешского исторического сознания. Несколько омрачает эту картину лишь один из новейших фактов. В 2019 г. книгу Вайтауэра в частном порядке переиздал некто Павел Камас, известный судебными тяжбами о переиздании работ Адольфа Гитлера. И хотя издание работ Вайтауэра, возможно, уже и назрело, Камас, интересующийся «ревизионизмом Холокоста»,¹⁵ — худшая кандидатура для этой работы. К сожалению, это издание выполнено абсолютно некритично, а сам издатель подает работу Вайтауэра как откровение. Стоит, однако, заметить, что и сам Камас, и круг читателей его изданий принадлежат к глубоко маргинальному меньшинству чешского общества.

Примечания

- ¹ Čelovský B. Strážce nové Evropy: prapodivná kariéra novináře Emanuela Vajtauera. Šenov u Ostravy, 2002. S. 10–55.
- ² Ibid. S. 56–74.
- ³ Vajtauer E. Český mythus: co nám lhaly dějiny. Praha, 1943.
- ⁴ Ibid. S. 8, 9, 12, 15, 16.
- ⁵ Ibid. S. 32–35.
- ⁶ Ibid. S. 50, 58, 48, 45, 50, 61.
- ⁷ Ibid. S. 67–84.
- ⁸ Ibid. S. 101, 114, 151, 106, 123.
- ⁹ Ibid. S. 58–59.
- ¹⁰ Ibid. S. 135–139.
- ¹¹ Ibid. S. 147–149.
- ¹² Kábová H. Místopisná komise ČAVU v letech 1913–1952 // Práce z dějin Akademie věd. Roč. 6 (2015). Č. 1. S. 71.
- ¹³ Lach J. Josef Šusta 1874–1945: A History of a Life — A Life in History. Olomouc, 2003. P. 64–66.
- ¹⁴ См, например: Macek J. Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin // Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin / J. Macek (ed). Praha, 1952. S. 12–47.
- ¹⁵ Kamas P. О mně // PavelKamas.cz. URL: <http://pavelkamas.cz/o-me/> (дата обращения: 18.03.2020).

ОБРАЗЫ, ОТРАЖЕНИЯ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ: ПЕЧАТЬ И ПРЕССА

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.11

К вопросу о путешествии фотографа П.П. Пятницкого в Боснийский вилайет: новые факты*

Ксения Валерьевна Мельчакова, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: kmelchakova@mail.ru

Ключевые слова: Босния, Герцеговина, фотографический сборник, Азиатский департамент МИД

On the Travel of the Photographer P.P. Pyatnitsky to the Bosnian Vilayet: New Facts

Ksenia V. Melchakova, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: kmelchakova@mail.ru

Keywords: Bosnia, Herzegovina, photographic collection, Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs

В 2017 г. в рамках конференции молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие» был представлен доклад «Перелистывая старый фотоальбом. Босния и Герцеговина в объективе фотографа П.П. Пятницкого»¹. По результатам исследования в печати появилось несколько материалов, посвященных изучению «Фотографического сборника церковных древностей и типов славян европейской

* Тезисы написаны в рамках работы над проектом РФФИ № 18-09-00346.

Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого. СПб., 1867»². В истории поездки саратовского фотографа в славяно-турецкие земли оставалось множество вопросов, требующих уточнения. По прошествии нескольких лет источники позволили найти ответы на некоторые из них.

Как фотограф попал в Боснийский вилайет?

Предложение отправиться в Боснию и Герцеговину для составления фотографического альбома коллежский секретарь П.П. Пятницкий (1832–1882) получил в октябре 1865 г. Исходило оно от российского консула в Мостаре В.В. Безобразова (1859–28.09.1866 гг.), с ним Пятницкий был знаком лично³. Инициатором выступил Азиатский департамент МИД.

Финансирование

Путешествие фотограф осуществлял за свой счет. Российский МИД оказывал поддержку в доставке оборудования и с оформлением документов для пересечения границ. Специально для экспедиции Пятницкий выписал из Лондона дорогостоящий усовершенствованный фотографический аппарат⁴.

В Мостаре Пятницкий жил в доме у Безобразова. По сообщениям последнего, фотограф был полностью у него на обеспечении⁵. Работал он не один: ему помогали слуга и личный помощник. После отъезда Безобразова заботы о Пятницком взял на себя новый консул в Мостаре Н.А. Иларионов (1866–1872 гг.).

Фотографа-путешественника финансово поддерживала старшая сестра Анна Павловна (1825–?), вдова действительного статского советника, губернского секретаря В.А. Тинькова (1796–?). Доподлинно известно о двух случаях пересылки денежных средств в Боснию и Герцеговину на нужды брата. Это достаточно большие суммы: 782 руб. в апреле и 1200 руб. в мае 1867 г.⁶ Для сравнения годовая зарплата вице-консула в Мостаре в 1868 г. составляла 1960 руб.⁷ Доставкой средств занимался Азиатский департамент МИД.

Деньги отправлялись в министерство финансов, там выписывались векселя, которые пересылали в консульства. На месте Пятницкий получал векселя в иностранной валюте: 2555 фр. 27 сантимов в первом случае и 158 ф.ст. 3 шиллинга и 7 пенсов — во втором⁸.

Даты пребывания в Боснии и Герцеговине

Ранее даты пребывания Пятницкого в Боснии и Герцеговине устанавливались на основе косвенных данных. Было сделано ошибочное предположение, что фотограф провел в вилайете лето 1867 г. На самом деле продолжительность его нахождения в этих славяно-турецких областях была намного больше. 17 июля 1866 г. фотограф получил курьерский паспорт. В нем было указано следующее: «Титулярный советник Петр Пятницкий отправляется курьером через Вену, Триест и Рагузу в Мостар»⁹. Судя по штампам, территорию Российской империи он покинул 30 июля 1866 г. Неизвестно сколько времени у фотографа заняла дорога, но совершенно точно, что в сентябре 1866 г. он уже находился в Мостаре. Вопрос об установлении даты отъезда в Россию остается открытым. По документам, в мае 1867 г. Пятницкий еще пребывает на территории вилайета¹⁰. На родину же он вернулся не позднее октября 1867 г.¹¹ Таким образом, фотограф пробыл в Боснии и Герцеговине не менее девяти месяцев.

Трудности и опасности

Путешествие фотографа по Боснийскому вилайету не обошлось без проблем. Директор Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухов писал: «Путешествие Г. Пятницкого [...] сопряжено было с крайними затруднениями и лишениями, подвергаясь почти на каждом шагу опасности быть схваченным или убитым, вследствие крайне возбужденной [...] подозрительности местных турецких властей, считавших его за тайного агента нашего правительства, Г. Пятницкий успел однако энергиею своею преодолеть все представившиеся ему препятствия и привести в исполнение задуманное им предприятие»¹².

Эти слова не были пустым звуком. В конце 1866 г. Пятницкий действительно попал под подозрение турецких властей, ему было запрещено делать фотографические снимки. Для решения проблемы пришлось подключить российскую миссию в Константинополе. Посол Н.П. Игнатьев добился отправки из Порты специального «везирияльного»¹³ письма на имя генерал-губернатора Боснийского вилайета, в котором «предписывалось не оказывать никаких препятствий г. Пятницкому к снятию фотографических видов с различных древностей Герцеговины»¹⁴.

Помощь императрицы

В деле издания и распространения альбома Пятницкому активно помогал П.Н. Стремоухов. В начале ноября 1867 г. он направил секретарю императрицы Марии Александровны П.А. Морицу прошение принять под покровительство альбом Пятницкого и позволить поставить на нем посвящение государыне. Мария Александровна известна благотворительной деятельностью среди зарубежных славян. Православное население Боснии и Герцеговины также не осталось без ее внимания¹⁵. Работа Пятницкого заинтересовала государыню. Фотограф направил к ней для ознакомления 27 снимков. Стремоухов просил фрейлину императрицы графиню А.Д. Блудову оказать содействие в решении дела Пятницкого¹⁶.

18 ноября 1867 г. П.А. Мориц сообщил Стремоухову, что государыня выразила согласие на посвящение альбома ее имени и пожаловала П.П. Пятницкому 300 руб. серебром на его издание¹⁷. 1 декабря фотограф получил деньги¹⁸. 19 декабря в Санкт-Петербурге был отпечатан альбом. На первой странице стояла дарственная надпись: «Ея императорскому величеству государыне императрице Марии Александровне. Усерднейшее подношение верноподданного Петра Пятницкого. 1 января 1868 года». 21 января 1868 г. императрица сообщила, что желает принять Пятницкого лично¹⁹.

Количество альбомов

Всего, по указанию Стремоухова, фотографом было сделано около 100 снимков²⁰. Версии альбома, хранящиеся в Славянском фонде Библиотеки академии наук и Государственной публичной исторической библиотеке содержат по 80 фотографий, но их состав отличается на один снимок. Возникает закономерный вопрос, сколько всего было отпечатано экземпляров сборника.

В марте 1868 г. П.Н. Стремоухов направил циркулярные письма с предложением приобрести альбом в ряд научных организаций, музеев и библиотек²¹. Текст такого письма был опубликован в печати²². Заказы на покупку фотографического сборника поступили от следующих институций²³:

- 1) Императорское Русское Географическое общество;
- 2) Императорская Публичная библиотека;
- 3) Императорская Археографическая комиссия;
- 4) Московский публичный музей;
- 5) Санкт-Петербургская Императорская Академия Наук.

Если считать экземпляр, врученный императрице, то можно сделать нехитрый вывод, что напечатано было минимум шесть альбомов.

Таковы небольшие дополнения к истории создания уникального фотографического сборника с видами Боснии и Герцеговины.

Примечания

¹ Славянский мир: общность многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2017 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М., 2017. С. 22–23.

² Мельчакова К.В. Боснийский вилайет в объективе фотографа П.П. Пятницкого // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1–2. Вып. 13. М., 2018. С. 60–71; Она же. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019. С. 147–153, 200–204.

³ АВП РИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 81. Л. 13 об.

- ⁴ Там же. Л. 1.
- ⁵ Там же. Л. 14.
- ⁶ Там же. Д. 10872. Л. 9–19.
- ⁷ Справочная книга для должностных лиц центральных и зарубежных установлений Министерства иностранных дел. Составил по поручению Министерства иностранных дел М. Никонов. СПб., 1869. С. 271–275.
- ⁸ С учетом комиссии за банковские операции.
- ⁹ Паспорт хранится в АВП РИ. См.: Ф. 146. Оп. 495. Д. 10872. Л. 3–4.
- ¹⁰ Там же. Л. 19.
- ¹¹ Там же. Д. 81. Л. 1–2.
- ¹² Там же. Л. 1–1 об.
- ¹³ Так в источнике. См.: АВП РИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 10872. Л. 5–6.
- ¹⁴ Там же. Л. 5–5 об.
- ¹⁵ См., например: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 201, Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 37.
- ¹⁶ АВП РИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 81. Л. 5.
- ¹⁷ Там же. Л. 6–6 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 9.
- ¹⁹ Там же. Л. 12.
- ²⁰ Там же. Л. 4.
- ²¹ Там же. Д. 10872. Л. 15–20.
- ²² Известия Императорского Русского Географического общества. 1868. Т. IV. СПб., 1869. С. 26–27.
- ²³ АВП РИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 81. Л. 22–23, 25, 27–29.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.12

Лев Троцкий о добровольцах на Балканских войнах 1912–1913 гг.

Сергей Олегович Панин, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Российская Федерация; e-mail: spanin1995@yandex.ru

Ключевые слова: Балканские войны 1912–1913 гг., Л.Д. Троцкий, добровольцы, дипломатия, Болгария, Сербия

What was Leon Trotsky writing about volunteers in the Balkan Wars of 1912–1913?

Sergei O. Panin, Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation; e-mail: spanin1995@yandex.ru

Keywords: Balkan Wars of 1912–1913, Leon Trotsky, volunteers,
diplomacy, Bulgaria, Serbia

В мае 1912 г. между Сербией, Болгарией, Грецией и Черногорией был заключен ряд соглашений, которые привели к созданию нового военно-политического блока — Балканского союза, направленного против Турции. Для освещения надвигающегося масштабного конфликта редакция либеральной газеты «Киевская мысль» предложила Льву Троцкому отправиться на Балканы в качестве собственного корреспондента газеты. Троцкий принял предложение, дав обязательство отражать балканские события максимально объективно, не пропагандируя свои социал-демократические убеждения¹. Несмотря на это, Троцкий в своих статьях не замалчивал «неудобную информацию», например, он рассказывал о случаях жестокого обращения болгарских солдат с ранеными и пленными турками².

Троцкий уже был знаком с Балканами: в 1910 г. он побывал в Болгарии на съезде Болгарской рабочей социал-демократической партии, а перед поездкой изучил литературу по истории и современному состоянию балканских стран. В сентябре 1912 г. новоиспеченный корреспондент выехал из Вены, в которой он находился во время эмиграции, и направился в Белград, где написал свои первые заметки для газеты. Троцкий считал, что в военном и экономическом отношении центром антиосманского союза станет Болгария, поэтому из Белграда он вскоре на поезде отправился в Софию и прибыл туда 5 октября. С ноября 1912 г. по лето 1913 г. Троцкий в основном находился в Румынии, тем не менее в его

корреспонденциях по-прежнему доминировали болгарские сюжеты. Главным образом он писал о военных событиях (хотя сам на фронт допущен не был), попутно затрагивая вопросы политической и экономической жизни Болгарии.

Цикл корреспонденций Троцкого с Балкан — это несколько десятков статей, часть из которых не попала в печать из-за цензуры военного времени. В 1920-е гг. «балканские статьи» Троцкого вошли в шестой том его собрания сочинений под названием «Балканы и Балканская война»³. После высылки Троцкого из СССР его корреспонденции долгое время не привлекали внимание историков, и лишь после 1991 г. этот интереснейший исторический источник нашел отражение в работах отечественных исследователей Р.П. Гришиной⁴, Ю.Я. Киршина⁵, А.З. Нюркаевой⁶, А.Л. Шемякина⁷, Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского⁸, а также в совместном труде Г.И. Чернявского и М.Г. Станчева⁹. За рубежом данную тематику разрабатывали И. Дойчер¹⁰, Г. Санднер¹¹ и М. Тодорова¹². Цель настоящей статьи — на основе анализа балканского наследия Л.Д. Троцкого выявить его взгляды на характер, особенности добровольческого движения и его роль в Балканских войнах 1912–1913 гг.

Еще до начала Первой Балканской войны, по пути из Вены в Белград, Троцкий впервые упоминает добровольцев — южнославянских жителей Воеводины. Австро-венгерские власти стремились не допустить их вступления в сербскую армию, для чего на границе производились проверка и устный опрос всех пассажиров в боксе, отделявшем железной цепью проход от ближайшего строения до сходней парохода. По этому поводу Троцкий заметил: «как и все подобные полицейские фантазмагии, цель эта нисколько не достигается глупой железной цепью»¹³.

Троцкий узнавал о добровольцах из личных наблюдений, бесед с ними и солдатами, а также при посещении военнопленных. Он называл добровольцами прежде всего сербов и болгар, добровольно поступивших в свои армии. Среди

них было много приезжих из Австро-Венгрии и других европейских стран, а также выходцев из Македонии. Упоминал Троцкий и другие национальности. Например, однажды он встретил немецкого фельдфебеля, который вступил в болгарскую армию, при этом поездку из Германии доброволец оплатил за свой счет. Оформление волонтера натолкнулось на бюрократические препоны. Этот немец, по словам автора, «вот уже второй день никак не добьется толку...». Впрочем, о мотивах самого бравого добровольца Троцкий с иронией заметил: «Собрался бить турок — по той собственно причине, что полк его зовется именем царя Фердинанда...»¹⁴.

В Болгарии Троцкий встретил и русских добровольцев: «Видел на почте трех русских добровольцев. Не порадовали они моего патриотического сердца». Один из них отличался странным поведением и злоупотреблял вином. Рассказывая о своем путешествии из России, они поведали, что «пришли пешком в Одессу, а оттуда — в Рущук — уже на пароходе»¹⁵.

Больше всего Троцкого заинтересовали армянские добровольцы — о них он написал большой очерк, напечатанный в «Киевской мысли» 19 июля 1913 г. В нем рассказывается о Македонско-одринском ополчении, состоявшем из волонтеров из Македонии и Фракии, к которому присоединился армянский отряд¹⁶. Его командиром был столяр из турецкой Армении Андраник, связанный с партией «Дашнакцутюн», сблизившийся в Софии с македонскими революционерами, «столь родственными ему по психологии и приемам борьбы». Троцкий считал участие армян в войне на стороне Болгарии «дуновением идеализма», ведь армяне, «люди другой нации, другого языка, других преданий, собрались под болгарское военное знамя, которое стало для них знаменем борьбы за чужую свободу — правда, против общего врага»¹⁷.

Троцкий стал свидетелем отправки армянского отряда на фронт в октябре 1912 г., поэтому довольно подробно его описал. В отряде состояли 230 бойцов в возрасте от 19 до 45 лет разных сословий и профессий: учителя, рабочие,

корчмари, приказчики, студенты. Все они были эмигрантами, приехавшими из разных стран Европы. Кроме боевых солдат, насчитывалось несколько десятков нестроевых волонтеров без оружия, а также унтер-офицеры, фельдшеры и врач. Через месяц Троцкий встретил около двух десятков раненых из этого отряда, которые рассказали ему о боевых буднях, длительных и трудных переходах, нехватке продовольствия, жестокостях турецких солдат. Болгарские власти с большим уважением отнеслись к армянским добровольцам: в госпитале в Филиппополе (так Троцкий называет Пловдив) их навестила сама царица Болгарии¹⁸.

Балканские корреспонденции Троцкого содержат описание немалого количества эпизодов с участием добровольцев в Балканских войнах 1912–1913 гг., он донес до читателей информацию об их численности, мотивах, социальном составе, организации. Троцкий осуждал вмешательство великих держав на Балканах, «результатов которого никто не может предопределить» и чьи политические планы «поистине не стоят костей одного курского пехотинца»¹⁹. Тем самым Троцкий косвенно указывал на то, что добровольцы могут быть использованы как один из способов такого вмешательства.

Примечания

¹ *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Лев Троцкий. Кн. 1. Революционер. 1879–1917 гг. М., 2012. С. 144–147.

² *Michailidis Iakovos D.* Cleansing the Nation: War-Related Demographic Changes in Macedonia // *The Wars of Yesterday. The Balkan Wars and the Emergence of Modern Military Conflict, 1912–1913* / eds. K. Boeckh, S. Rutar. New York, 2018. P. 326–344.

³ *Троцкий Л.Д.* Сочинения. М.; Л., 1926. Сер. 2. Т. 6.

⁴ *Гришина Р.П.* Военные корреспонденты Васил Коларов и Лев Троцкий о Балканских войнах 1912–1913 гг. // *Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати* / ред. С.И. Данченко. М., 2014. С. 288–308.

⁵ *Киришин Ю.Я.* Лев Троцкий — военный теоретик. Клинцы, 2003.

⁶ *Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах Л.Д. Троцкого. Пермь, 1994.

- ⁷ *Шемякин А.Л.* Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ: Кн. 9. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, В.С. Путятин. М., 2013
- ⁸ *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Лев Троцкий. Кн. 1. Революционер. 1879–1917 гг. М., 2012.
- ⁹ *Станчев М.Г., Чернявский Г.И.* Л.Д. Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008.
- ¹⁰ *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. М., 2006.
- ¹¹ *Sandner G.* Deviationist Perceptions of the Balkan Wars: Leon Trotsky and Otto Neurath // The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory / eds. К. Bockh, S. Rutar. Regensburg, 2016. P. 197–215.
- ¹² *Todorova M.* War and Memory: Trotsky's War Correspondence from the Balkan Wars // Perceptions: Center for Strategic Research. 2013. Vol. XVIII. N 2. P. 5–27.
- ¹³ *Троцкий Л. Д.* Сочинения. Т. 6. С. 65.
- ¹⁴ Там же. С. 176.
- ¹⁵ Там же. С. 178–179.
- ¹⁶ Там же. С. 206.
- ¹⁷ Там же. С. 237–238.
- ¹⁸ Там же. С. 238–241.
- ¹⁹ Там же. С. 144.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.13

**«Экссессы в условиях трудностей»:
польские события 1970 г.
в материалах советской прессы***

Екатерина Владимировна Каменская,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург,
Российская Федерация; e-mail: eka82@yandex.ru

Ключевые слова: Польша, СССР, кризис, советская пресса, социалистическая система

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00216).

“Hardships in the face of difficulties”: Polish Events of 1970 in the Materials of the Soviet Press

Ekaterina V. Kamenskaya, Urals Federal University,
Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: ekam82@yandex.ru

Keywords: Poland, Soviet Union, crisis, Soviet press, socialist system

За годы социализма Польша пережила несколько серьезных кризисов. В ряде случаев они возникали синхронно в других социалистических странах Восточной Европы. Так было и после XX съезда КПСС в 1956 г., и в бурном 1968 г. Масштабным испытанием для политической системы стали 1980–1981 гг. Кризис 1970 г. наименее исследован в отечественной историографии. При этом декабрьские события 1970 г. являются прологом организационного оформления оппозиции 1970-х гг. и политических трансформаций 1980-х гг. Среди работ необходимо выделить труды В.В. Волобуева, занимающегося польской политической оппозицией 1956–1980 гг. и, в том числе, кризисом 1970 г., а также ряд работ, в которых эта тема затронута частично¹.

Кризисы внутри восточного блока были серьезной проверкой для СССР — ядра социалистической системы, и для советской печати, как важнейшего инструмента советского руководства. Прессе приходилось корректировать устоявшиеся образы с учетом новых обстоятельств. К 1970 г. советская печать уже разработала модели освещения конфликтов (как с участием капиталистических и развивающихся стран, так и в рамках соцлагеря) с использованием широкого ассортимента жанров и методов. Читательская аудитория внимательно изучала прессу, сравнивала материалы разных изданий и умела читать между строк. Конфликты в социалистических странах весьма болезненно воспринимались советскими гражданами.

Показ польских событий 1970 г. имел свою специфику. Пресса отражала стремление советского руководства сгладить конфликт. Протесты, подавленные силовым путем, в ходе которых были убитые и раненные с обеих сторон, характеризовались как «эксцессы» либо «серьезные нарушения общественного порядка». Количественные данные приводились редко, сложно было представить масштабы применения правительством оружия, материального ущерба. В сообщениях и заметках соборов отсутствовал драматизм.

Более эмоциональными были речи польских руководителей, напечатанные в газете «Трибуна люду» («Трибуна народа»). В частности, в речи Э. Герека, опубликованной во многих центральных газетах СССР, выступления на северном побережье определялись как «трагедия», «несчастье», «горький опыт последних дней», «события, которые глубоко потрясли весь народ и поставили родину перед лицом большой опасности»². Образы произошедшего были удручающими: «Пылающие здания, разрушенные общественные объекты, разграбленные магазины, убитые и раненые — эта картина запечатлится в памяти как самый суровый урок и предостережение»³.

Однако акценты в публикациях смещались с кризиса сегодняшнего дня на будущее позитивное развитие. Б. Аверченко в «Правде» уже через неделю после столкновений говорил о решимости Польши преодолеть «трудности, имевшие место в последнее время в жизни страны»⁴. Автор почти не вспоминал о протестах, главной темой были рост производственной активности граждан, нормализация работы промышленности, поддержка населением политики Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Однако отмечалось, что не все идет гладко, необходимы время и усилия, чтобы полностью стабилизировать ситуацию. В газетах массово печатались статьи об улучшении снабжения товарами, поддержки малообеспеченных слоев населения и т. д.

Декабрьские события 1970 г. спровоцировали перестановки в руководстве Польской Народной Республики (ПНР). В советской печати создавался положительный образ нового польского лидера Э. Герека. В изданиях разного уровня была размещена его фотография и краткая биография⁵. В последующем печатались сообщения о его визитах на промышленные предприятия Польши, участии в пленуме Катовицкого воеводского комитета ПОРП (прежде он был его первым секретарем) и т. д.⁶ Герек показывался как опытный руководитель, способный справиться с кризисной ситуацией.

В отличие от времени чехословацкого кризиса 1968 г., в прессе отсутствовали отклики советской общественности. При этом в конце декабря 1970 г. по всей стране прошло обсуждение письма ЦК КПСС о событиях в Польше на партийных собраниях. В информационной кампании 1970–1971 гг. присутствовал обязательный элемент освещения всех конфликтов внутри социалистической системы — тема внешнего врага. Однако «влияние извне» упоминалось не так часто, как в 1968 г., и больше по традиции. В частности, в публикации из «Трибуна люду» говорилось: «на наших сегодняшних трудностях хочет паразитировать враг»⁷. При этом враг не был персонифицирован даже географически, не считая указаний «враг социализма». Не забыли и про радиостанцию «Свободная Европа», которая активно критиковалась в ходе чехословацких событий. Ее подрывная деятельность показывалась со слов польского военного издания «Жолнеж Вольности» («Солдат свободы») ⁸. Стоит отметить, что советская печать зимой 1970–1971 гг. не касалась роли католической церкви в ходе кризиса. Это отличает данную кампанию, в частности, от освещения польского кризиса 1980–1981 гг., где пресса осуждала действия «реакционных католических церковников»⁹.

Традиционным в условиях кризиса было и указание на крепкую дружбу Польши с Советским Союзом. Сразу после

декабрьских событий польская делегация во главе с Э. Гереком приехала в Москву. Пресса комментировала визит в привычных образах дружбы и взаимопонимания. Кроме этого шли сообщения о подписании экономических соглашений, деятельности перевалочного пункта на советско-польской границе и т. д.¹⁰ Из этого следовало, что кризис не отразился на экономическом взаимодействии СССР и ПНР.

Пресса подчеркивала, что инициаторами выступлений были небольшие группы авантюристических и хулиганских элементов, не имеющих ничего общего с рабочим классом¹¹. Работники предприятий севера Польши были лишь введены в заблуждение и, как и прежде, поддерживают политику ПОРП. Это являлось привычным приемом отделения оппозиции от основной массы населения, подчеркивания отсутствия у нее поддержки. Очевидным было отличие отражения протестов рабочих в социалистической стране и в капиталистических и развивающихся странах. Советская печать была полна сообщений и очерков о борьбе трудящихся Запада за увеличение зарплаты и социальные гарантии. При этом выступления в Польше показывались как подстрекательство антиобщественных элементов.

Региональная пресса была включена в информационную кампанию. В ней не было, как в кампаниях 1968 или 1969 гг., откликов с мест. Зимой 1970–1971 гг. использовались другие подходы. Польша была одним из лидеров среди соцстран по количеству публикаций. Заметно больше стало сообщений на политическую тему. Если в ноябре — начале декабря 1970 г. это были только сообщения о договоре между ФРГ и ПНР, то сейчас печатались обсуждения решений Пленума ЦК ПОРП, речи Э. Герека, сообщения о советско-польских переговорах и пр. Читатели знали, что причиной протестов польских рабочих были экономические трудности, поэтому важной задачей было постоянно показывать поступательное социально-экономическое развитие, преодоление существовавших проблем. Эта задача ложилась именно на

региональную прессу. В центральных изданиях определялась основная позиция, показывалась широкая картина, а многочисленные конкретные факты публиковались в областных газетах. В декабре — январе 1970–1971 гг. сообщалось о выполнении намеченных планов горняками, металлургами, об ускоренных темпах строительства жилья, о вводе новых промышленных объектов и пр.¹² Закономерно большое внимание было обращено к экономике районов выступлений.

Таким образом, кризис в Польше определялся в советской печати как преодолимый, как результат деятельности провокаторов, воспользовавшихся временными трудностями, а не комплексная проблема. Это соответствовало существовавшему в советской общественной мысли определению конфликтов внутри советского общества и социалистической системы в целом. Конфликт считался аномалией для социалистического общества, возможным только на микро-социальном уровне и легко разрешимым.

Примечания

¹ Бухарин Н.И., Яжборовская И.С. Эдвард Герек: От курса на социальную справедливость к экономическому кризису // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 165–186; Волобуев В.В. Становление политической оппозиции в Польше 1956–1976 гг.: Идеологический аспект: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2004; *Он же*. Польша — 1970: Репетиция «Солидарности». СПб., 2012; *Он же*. Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима. М., 2018; Майорова О.Н. Декада 70-х в Польше — очередной этап взаимодействия власти и общества (от событий на Побережье до возникновения единой «демократической оппозиции») // Власть и общество: непростые взаимоотношения. М., 2008. С. 367–389.

² Известия. 1970. 22 дек. С. 4.

³ Правда. 1970. 19 дек. С. 5.

⁴ Правда. 1970. 24 дек. С. 4.

⁵ Восточно-Сибирская правда. 1970. 23 дек. С. 1; Известия. 1970. 22 дек. С. 1; Огонек. 1970. № 52. С. 4.

⁶ Известия. 1970. 29 дек. С. 4; Правда. 1970. 22 дек. С. 4; Челябинский рабочий. 1970. 23 дек. С. 4.

- ⁷ Известия. 1970. 19 дек. С. 3.
⁸ Челябинский рабочий. 1971. 7 янв. С. 3.
⁹ Правда. 1981. 13 окт. С. 4.
¹⁰ Известия. 1970. 30 дек. С. 4; Уральский рабочий. 1971. 5 янв. С. 3; и др.
¹¹ Правда. 1970. 17 дек. С. 5.
¹² Восточно-Сибирская правда. 1970. 23 дек. С. 3; Челябинский рабочий. 1971. 5 янв. С. 3; 20 янв. С. 3; и др.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.14

**Актуальные тенденции формирования
национальной идентичности
в Республике Беларусь
(по материалам СМИ)***

Кристина Олеговна Долголаптева,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация;
e-mail: k.dolgolapteva@yandex.ru

Ключевые слова: Беларусь, нациестроительство, национальная идентичность, массмедиа, постсоветское пространство

**The Construction of National Identity
in the Republic of Belarus:
Current Trends (Based on Mass Media Materials)**

Kristina O. Dolgolapteva, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: k.dolgolapteva@yandex.ru

Keywords: Belarus, nation-building, national identity, mass media, post-Soviet space

Вопрос формирования национальной идентичности занимает особое место в общественном дискурсе Республики Беларусь и представляет большой интерес для исследования. Новизна заявленной темы связана с ее неразработанностью

* Материал написан в марте 2020 г.

в отечественной и зарубежной науке: проблеме белорусской национальной идентичности посвящено относительно небольшое количество работ¹.

Для выявления тенденций, связанных с рассматриваемым вопросом, мы провели исследование, объектом которого стали крупные белорусские массмедиа: «Наша Ніва» (ежемесячная посещаемость — 1,1 млн), «Новы Час» (0,2 млн), «TUT.BY» (9,8 млн), «Куку» (0,4 млн), «Политринг» (0,8 млн), «Комсомольская Правда в Беларусі» (1,9 млн), «Телескоп» (0,2 млн), а также иновещательные СМИ: «Sputnik Беларусь» (российский капитал², посещаемость — 1,7 млн), «Радые Свабода» (американский капитал³, 1,1 млн), «БелСат» (польский капитал⁴, 0,9 млн). Порядка 2/3 от общего количества посетителей представлено пользователями в возрасте 18–25 лет и 25–34 года (63% из которых — мужчины). Предмет изучения — публикации, позволяющие определить отношение белорусов к своей этнической группе и государству как институту с точки зрения современных и исторических реалий. В выборку вошли 284 материала (основания для выборки — метод ключевых слов, хронологические рамки: сентябрь 2019 — февраль 2020 гг., метод — контент-анализ).

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. белорусская медиасистема мало отличалась от российской (особенно это касалось телевидения: порядка 70% видеоконтента покупалось у российских государственных массмедиа)⁵. Издания новой формации вроде «Нашай Нівы» имели невысокие тиражи и слабо влияли на медиадискурс⁶. Сегодня ситуация изменилась: представленные на белорусском медиарынке СМИ нового типа играют важную роль в общегосударственном информационном обеспечении. Они отличаются сильной политической ангажированностью и гибкостью реакции на запросы аудитории, активно внедряют новые форматы и выполняют функцию не столько донесения фактов, сколько трактовки⁷ информации. Прогрессивность таких изданий обусловлена новыми источниками финансирования и молодым составом редакций.

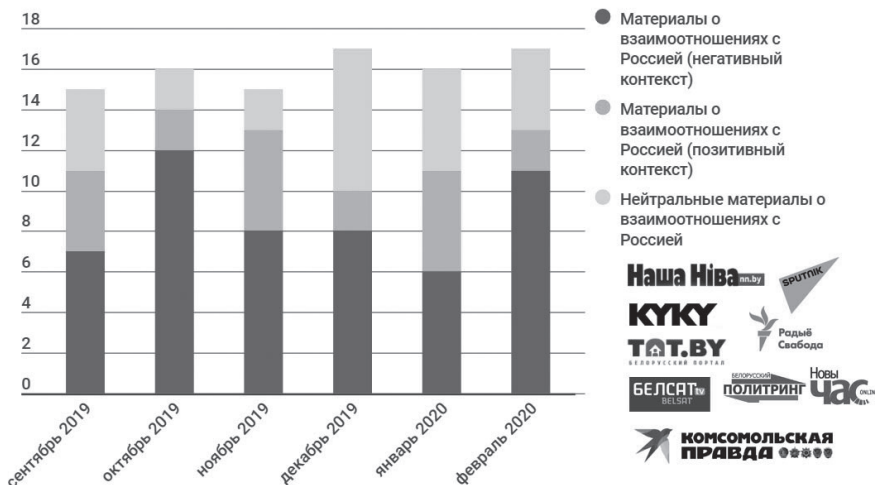

Рис. 1. Частотный анализ публикаций крупных медиа о России

В рамках данной работы мы рассмотрели, какая тематика превалировала в белорусском информационном пространстве и какие инфоповоды участвовали осенью — зимой 2019–2020 гг. в формировании национального самосознания жителей страны. За основу в исследовании был взят конструктивистский подход, а именно культурологическая теория национализма Б. Андерсона. В своей книге «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» автор отмечал, что посредством воздействия регулярно потребляемого контента периодических печатных изданий на отдельных индивидов оформляется целостный образ всей общности, или «воображаемого сообщества»⁸. Новые медиа, по сравнению с традиционной периодикой, приобрели ряд специфических черт, которые позволяют не только более эффективно формировать отношение аудитории к тем или иным общественно-политическим реалиям, но и вызывать доверие у читателя, создавая иллюзию открытости, независимости и заинтересованности в обмене мнениями.

Этому способствуют такие характеристики новых медиа, как двусторонняя коммуникация, интерактивность, непрерывность обновления контента, неограниченность ресурсов для публикации текстового (нет ограничения по знакам) и аудиовизуального (нет ограничения по времени) контента.

Результаты контент-анализа показали, что за обозначенный период 96 публикаций (1/3 от общего числа материалов) были посвящены взаимоотношениям между Россией и Беларусью (54% материалов имели негативный контекст, 21% — позитивный; 24% — нейтральный). Кроме новостных заметок на актуальные инфоповоды, наиболее часто выходили публикации, посвященные истории.

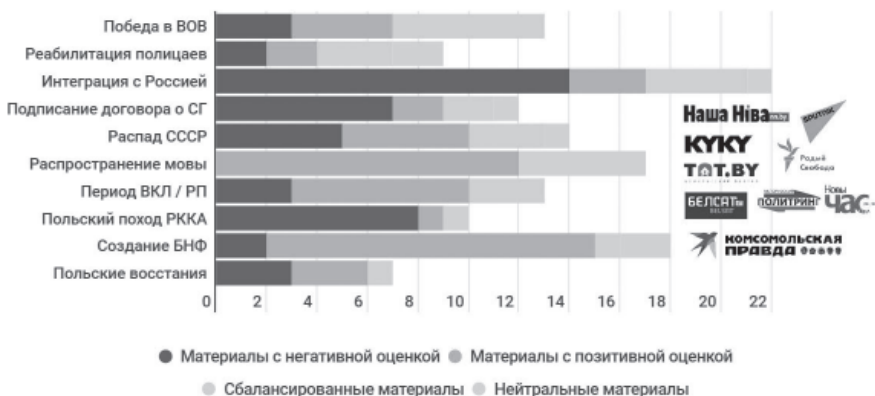

Рис. 2. Соотношение и тональность публикаций по тематическим блокам*

Мы выделили основные тематические блоки. Первый посвящен интеграции с Россией в контексте подписания Договора о создании Союзного государства и распада СССР.

* В инфографике отражено соотношение авторских оценок конкретных тем. Тональность вошедших в выборку публикаций была определена посредством лингвистического анализа журналистских текстов на предмет стилистически окрашенной лексики, средств художественной выразительности и имплицитной оценки.

Свыше 80% материалов были написаны с использованием большого количества стилистически окрашенной лексики с негативной коннотацией. В них Россия выступала «колониальным государством» с «имперскими замашками». Интересным приемом стала публикация писем читателей⁹, намеревавшихся сменить род деятельности, в случае если Беларусь «утратит суверенитет» под «давлением» России.

Второй крупный тематический блок затрагивает вопросы, связанные с победой в Великой Отечественной войне. Формально подвиги партизан оцениваются позитивно (у ряда исследуемых СМИ есть рубрики, посвященные исторической памяти¹⁰), однако чаще (в соотношении 2:3) выходят статьи о коллаборационистах реабилитирующего характера (о Винценте Годлевском, Радославе Астровском, Яне Станкевиче, Евхиме Кипеле, Никандаре Мядзейко, Антоне Адамовиче и других). Показателен образ Ларисы Гениуш, часто появляющийся на страницах исследуемых нами СМИ, как «праведницы» и «талантливой поэтессы» (за сотрудничество с оккупантами Гениуш получила срок в 1949 г.; в реабилитации ей было отказано трижды — в 1956 г., 1999 г. и 2017 г.).

Третий блок связан с распространением белорусского языка. У «Нашай Нівы», «Радые Свабода» и «БелСат» есть рубрики, где аудиторию учат «правильному» языку, по большей части построенному на заимствованной лексике из польского языка. Хотя в Беларуси законодательно признаны официальными как русский, так и белорусский языки, в медиадискурсе регулярно поднимается вопрос полного отказа от русского языка в повседневной жизни, проводятся негативные параллели на примере межъязыковых паронимов¹¹.

Нередко освещаются периоды, когда Беларусь находилась в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой (с положительной оценкой), участия в польских восстаниях 1794 г., 1830–1831 гг., 1863–1864 гг. В контексте таких событий массмедиа формируют у белорусов положительные

Рис. 3. Соотношение упоминаний исторических персон, претендующих на статус национальных героев, в публикациях крупных белорусских медиа

образы Кастуся Калиновского, Тадеуша Костюшко, Льва Сапеги, Стефана Батория, Гедимины, Миндовга и других представителей польской и литовской культуры. Показательно, что у мифа о наиболее упоминаемом в СМИ К. Калиновском есть точная дата, точка отсчета — фальсифицирующая факты статья «Памяці Справядлівага», опубликованная В. Ластовским¹² в газете «Гоман» в 1916 г.

В формировании повестки также участвуют лидеры общественного мнения. Мы проанализировали среднее количество упоминаний и цитирований представителей разных политических взглядов: индекс медиаприсутствия для деятелей белорусской национальной оппозиции в три раза превышает показатели прорусски настроенных.

Подводя итог стоит отметить, что среди стран бывшего СССР Беларусь считается самым последовательным в интеграции с Россией государством. Однако, по нашему мнению, в рассматриваемый период в белорусских медиа ново-

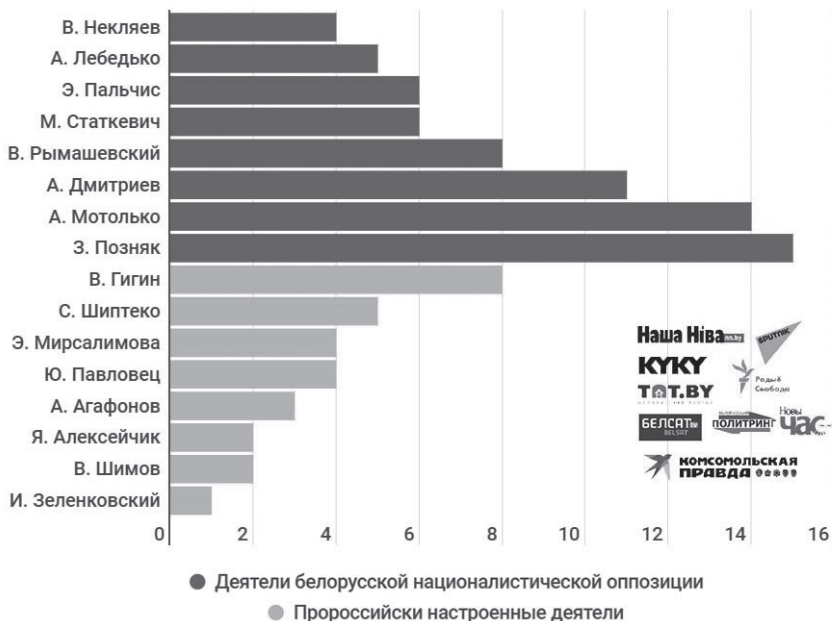

Рис.4. Соотношение упоминаний / цитирований персон современного медиадискурса

го типа увеличился удельный вес антироссийских публикаций. Большая часть СМИ создавала вовлекающий контент, имела стратегически четкую идеологическую линию и отличалась грамотностью выстраивания информационной повестки, способной достаточно аргументированно убеждать не слишком искушенного в вопросах истории и политики молодого читателя-белоруса. Актуальные тенденции конструирования белорусского самосознания базируются на сомнительных порой исторических фактах, тиражируемых СМИ, на польско-литовском мифе, сформированном в противоположность идее о русском триединстве (до начала XX в. как отечественная, так и зарубежная историческая наука определяла белорусов как субэтнос русского народа¹³;

феномен «белорусскости»¹⁴ возник в начале XX в.¹⁵), на педальировании отличий между русскими и белорусами и попытках по примеру западной пропаганды представить Россию в негативном свете.

Примечания

¹ См., напр.: *Бикетова Е.А., Чернышов Ю.Г.* Нациестроительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // *Мировая экономика и международные отношения.* 2018. Т. 62. № 1. С. 94–103. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103.

² О Беларуси // Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь [сайт]. URL: <https://belarus.mid.ru/ru/countries/belarus/republic-of-belarus/> (дата посещения: 21.05.2020).

³ Пра нас // Радые Свабода [сайт]. URL: <https://www.svaboda.org/about-us> (дата посещения: 21.05.2020).

⁴ Партнеры // БелСат [сайт]. URL: <https://belsat.eu/ru/about/partnyory/> (дата посещения: 21.05.2020).

⁵ Энциклопедия мировой индустрии СМИ: Учебное пособие для студентов вузов / под ред. Е.Л. Вартановой. М., 2019. С.45

⁶ История «Нашей Нивы» с 1906 года до наших дней // *Наша Ніва* [сайт]. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=151632&lang=ru>

⁷ *Колесниченко А.В.* Интерпретационная журналистика // *Настольная книга журналиста.* М., 2013. С. 311

⁸ *Андерсон Б.* Культурные корни // *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма.* М., 2016. С. 87 (дата посещения: 21.05.2020).

⁹ Услышав об «интеграции», учитель русского языка идет переучиваться на белорусского филолога // *Наша Ніва* [сайт]. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=237542&lang=ru> (дата посещения: 21.05.2020).

¹⁰ «Гэта не ўлада, калі яна знішчае сваіх людзей ні за што». Пра што партызаны пісалі ў сваіх дзённіках // *Наша Ніва* [сайт]. URL: <https://history.nn.by/?c=lr&i=239134> (дата посещения: 21.05.2020).

¹¹ Ня блытайма: расейскае «пытать» — зусім не беларускае «пытаць» (што пацэвяджае і Іван Жахлівы) // *Радые Свабода* [сайт]. URL: <https://www.svaboda.org/a/pytac-pytat-paronimy/30237340.html> (дата посещения: 21.05.2020).

¹² Формирование национально-политического мифа о Кастусе Калиновском // *Анатомия этнополитики / под ред. Л.В. Савинова.* Новосибирск, 2015. С. 165

¹³ См., например: *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. 1–3. М., 1955–1956; *Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Петроград, 1916. С. 7–8; *Потебня А.А.* Заметки о малорусском наречии. Воронеж, 1871; *Шерцль В.И.* Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков: Фонетика. Харьков, 1871. С. 96. См. о триединстве русского народа: *Schleicher A.* Die sprachen Europas in systematischer Uebersicht. Bonn, 1850. S. 204; *Bloomfield L.* Language. Chicago, 1984. P. 61; *Niederle L.* La race slave: statistique, démographie, anthropologie. Paris, 1916. P. 14.

¹⁴ Русское триединство. Руководство по просвещению змагаров / под ред. К.Ю. Аверьянова-Минского. М., 2018. С. 5.

¹⁵ См., например: *Ластоўскі, В.Ю.* Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня, 1910; *Лёсік Я.Ю.* Гісторыя Вялікага Княства Літоўска-Беларускага (Паводле летапісаў) // Вольная Беларусь. 1918. 24 сакавіка; *Цвікевич А.И.* Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. Киев, 1918. *Доўнар-Запольскі М.В.* Асновы дзяржаўнасці Беларусі. Вільня, 1919; *Ластоўскі В.Ю.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі: спроба паясніцельнай кнігапісі ад канца X да пачатку XIX стагоддзя. Коўна, 1926; *Ластоўскі В.Ю.* Што трэба ведаць кожнаму беларусу. Мінск, 1943.

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА: УПРАВЛЕНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.15

Роль православной церкви в борьбе с эпидемиями в Бессарабии (XIX в.)

Иван Иванович Думиника, Институт культурного наследия, Кишинев, Республика Молдова;
e-mail: duminicaivan@yandex.ru

Ключевые слова: эпидемии, чума, холера, карантин, Бессарабия, Церковь

Orthodox Church and the Epidemic in Tsarist Bessarabia

Ivan I. Duminika, Institute of Cultural Heritage, Chisinau, Republic of Moldova; e-mail: duminicaivan@yandex.ru

Keywords: epidemics, plague, cholera, quarantine, Bessarabia, Church

В настоящее время из-за отмечающихся все более частых эпидемий, нарастает научный интерес к данной теме. Исследователи этой проблематики прежде всего пытаются сравнить методы борьбы с заразными болезнями в прошлом и в наше время. Настоящая статья поставила перед собой в качестве цели показать роль и место православной церкви в борьбе с эпидемиями чумы и холеры, которые отмечались в Бессарабии на протяжении XIX в.

Проблема участия Церкви в борьбе с различными эпидемиями, свирепствовавшими в Бессарабии в XIX в., почти не изучена. Лишь в царский период на страницах официального органа Кишиневской и Хотинской епархии были изданы отдельные статьи представителей духовенства М. Ганицкого

и А. Стадницкого, которые на основе источников отразили место бессарабской Церкви и священничества в период эпидемий чумы и холеры¹. Историю распространения чумы на территории Днестровско-Прутского междуречья и борьбы светских властей с болезнью осветили современные исследователи Д. Поштаренку и С. Пантаз². Таким образом, мы видим, что данная тема еще требует своего комплексного изучения. Особенно необходимо отразить, как Церковь, которая в рассматриваемый период не была отделена от государства, была задействована в борьбе с эпидемиями.

Когда в 1812 г. в Бессарабии, только что вошедшей в состав Российской империи по итогам очередной русско-турецкой войны и завершившего ее Бухарестского мирного договора, появилась чума, митрополит Кишиневский и Хотинский Гавриил Бэнулеску-Бодони в ноябре того года одним из первых обратился к духовенству епархии с тем, чтобы оно «начало молитвы во всех церквях о предохранении от сей смертельной болезни, именно: по средам и пятницам после вечерни совершать параклис Пресвятой Богородице, а в воскресные дни после литургии водоосвящение с окроплением народа; кроме сего возносить и обыкновенные ектеньи (одна из главных составных частей богослужения. — *И. Д.*), установленные для случаев подобные сему, на утрени, на литургии и на вечерни». Следовало совершать такой порядок богослужений вплоть до прекращения эпидемии³.

В то же время по приказу митрополита в каждой церкви на дверях было вывешено воззвание гражданских властей к жителям, чтобы те строго соблюдали карантинные правила. Предписывалось это воззвание публично зачитывать в храмах в праздничные дни.

В разгар тех эпидемий духовенство находилось рядом со своими мирянами. Когда из-за разразившейся эпидемии чумы в августе 1812 г. в Хотине отчаявшиеся горожане были вынуждены покинуть город и обустроиться в близлежащем поле, свою паству вел настоятель местной церкви протоиерей

Никифор Круговский. Согласно источникам, «он не отходил от своих прихожан, исправлял все христианские требы, неоднократно обходил вокруг города со святыми иконами, святил воду, увещевал народ, увещевал больных, напутствовал умерших...»⁴.

Именно церковь была тем органом, посредством которого власти в трудные минуты обращались к населению края. Так, когда после победы над чумой следовало принять меры для дезинфекции вещей, митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони (28 февраля 1814 г.) обратился к мирянам с пастырским посланием. В своем обращении митрополит призывал всех православных христиан «со всею ревностью и усердием» соблюдать требования гражданских властей: не посещать места, затронутые чумой, не скрывать от очистки вещи и товары, которые затем будут возвращены хозяевам и т. д. В конце своего воззвания Его Высокопреосвященство увещевал паству следующими словами: «Мы вместе со всей Церковью изливаем горячие молитвы Всеблагодарному Господу Богу, дабы Его благость сохранила всех вас, возлюбленные во Христе наши чада, и да сохранит вас от этой смертельной болезни, изливая на всех вас и на ваши жилища Свои небесные милости и благоволения»⁵.

В 1819 г. чума вновь вспыхнула в Хотинском уезде. Гражданские власти снова прибегли к помощи духовенства. Священники внушали крестьянам не утаивать от властей чумные вещи и имеющиеся от заразы смертельные случаи. Благодаря совместным действиям, уже к январю 1820 г. в Хотинском уезде удалось справиться с чумой⁶.

В 1829 г. Бессарабия вновь была охвачена чумой. Для борьбы с эпидемией 27 августа под председательством гражданского губернатора Бессарабии А.И. Сорокунского был образован «Особый совещательный комитет». В состав этого органа наряду с различными чиновниками и врачами вошел и протоиерей кишиневского кафедрального собора⁷.

В начале марта 1830 г. комитет объявил об избавлении от чумы. Тогда же повсеместно распространили объявление «О всеобщем очищении края», которое должно было начаться 30 марта и продлиться 15 дней. В установленный период предназначенные для очищения люди окуривали (дезинфицировали) с помощью серных свечей вещи, которые могли быть заражены чумой. Жителям запрещалось отлучаться из своих городов, местечек и селений. Им также надлежало «выполнить великопостный долг христианства» до всеобщего очищения. В связи с этим подчеркивалось следующее: «Пусть каждый убедится в сердце своем, что принесение душевных молитв Богу вне храмов святых столько же может быть приятно Всевышнему, как и пред алтарем Его»⁸.

В этот же период пришла весть о том, что на Бессарабию надвигается другая напасть — холера. К ней начали готовиться заранее. Архиепископ Кишиневский и Хотинский Димитрий (Сулима) особое внимание уделял мерам по противодействиям неведомой до того времени болезни: «В чрезвычайных обстоятельствах должны быть употребляемы не меры обыкновенные, но особые»⁹. По этой причине были отпечатаны и разосланы по бессарабским приходам составленные ранее молебные пения, которые следовало исполнять в храмах во время эпидемии.

Когда в сентябре 1830 г. пришла весть, что холера появилась в Одессе, духовные власти приняли решение отпустить домой учащихся кишиневских духовных заведений, выходцев из Бессарабии. Ученикам же, уроженцам Херсонской губернии, где уже отмечалась вспышка холеры, и сиротам приказывалось находиться в своих квартирах. К тому же предписывалось особо контролировать чистоту и опрятность в квартирах этих воспитанников. По наставлению врача необходимо было дезинфицировать квартиры через окуривание хлором. Кроме того, часть воспитанников духовные власти отправили в монастыри Курки, Фрумоаса, Хырбовэц и Добруша¹⁰.

Узнав, что холера в ноябре 1830 г. уже зафиксирована в Кишиневе, архиепископ Димитрий (Сулима) велел, чтобы духовенство в церквях «дотоле, доколе по милосердию Божию не прекратится всякая опасность, отправляло бы оное молебное пение (во время губительного поветрия и смертельной язвы. — *И. Д.*) при литургии»¹¹. Также архиепископ Димитрий распорядился, чтобы оставшиеся в Кишиневе учащиеся местной духовной семинарии строго соблюдали карантинные правила: запрещалось выходить из дома; рекомендовалось проветривать помещение, соблюдать чистоту в комнате и во дворе. Для наблюдения за состоянием учителей и учеников были назначены два комиссара, которым вменялось в обязанность два раза в сутки докладывать семинарскому правлению о результатах своих наблюдений. Требовалось строго следить, чтобы пища у учеников была здоровая, при возможности уберечь их от простуды. Благодаря своевременным действиям епархиальных властей и строгим мерам по соблюдению карантинных правил, ни один из учеников Кишиневской духовной семинарии не пострадал от холеры.

Во время свирепствовавшей в Бессарабии эпидемии холеры в 1866 г. церковнослужители также трудились среди своей паствы. В качестве примера можем привести деятельность Ефимия Проценко, настоятеля прихода местечка Атаки Сорокского уезда. По свидетельству источников, он «с полной самоотверженностью посещал заболевших холерою для напутствия и поддерживал среди своих прихожан бодрость духа»¹².

Церковнослужители поступали самоотверженно и во время холеры 1872 г. Например, по словам одного из кишиневских врачей, «священник Свято-Троицкой церкви Иоанн Каптаренко оказывал пособие заболевшим... с неутомимостью наставлял население, как избегать причин заболевания». Кроме того, по рецепту врачей он лично получал

лекарства для больных. В это же время вместе с супругой проявил себя самым наилучшим образом и священник предместья Буюканы Симион Сербов: они «оказывали холерным больным человеколюбивую помощь и выдавали им пособия за свой счет»¹³.

Следует особо подчеркнуть, что в борьбу с эпидемиями включались и послушники монастырей. Известно, что в 1872 г. три послушника Жабского монастыря, «снабженные лекарствами», ходили по окрестным селениям и лечили больных, «все это не могло не расположить жителей к монастырю, подавшему руку помощи в годину их испытания»¹⁴.

Изложенный материал показывает, что в царский период истории Бессарабии Церковь привлекалась гражданскими властями в борьбе с эпидемиями. Церковь была активной в силу своих возможностей и своего влияния на прихожан. Священники увещевали свою паству прислушаться к советам светских властей и подчиняться инструкциям, которые издавались в карантинный период. Нередко церковнослужители являлись первыми помощниками лечащих больных, они же давали приют тем, кто на время распространения эпидемий искал укрытия в монастырях.

Примечания

¹ *Ганицкий М.* Морвая язва в Бессарабии // Кишиневские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). 1879. №2, С. 73–83; №3. С. 114–118; *Стадницкий А.* Холера-морбус в Бессарабии в 1830–1831 гг. // КЕВ. 1892. №17. С. 380–390; №18. С. 430–440.

² *Poștarencu D.* Anexarea Basarabiei la Imperiul Rus. Chișinău: Prut Internațional, 2006. P. 169–176; *Pantaz S.* Impactul flagelului ciumei asupra evoluției relațiilor comerciale ale Imperiului Rus cu principatul Moldova (1812–1831) // *Tyrageția*, serie nouă. 2012. Vol. VI [XXI]. N 2. Istorie. Muzeologie. Chișinău. P. 149–157.

³ *Ганицкий М.* Морвая язва... С. 74.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ *Tomescu C.* Diferite știri din Arhiva Consiliului Eparhial — Chișinău // *Arhivele Basarabiei*. Chișinău. 1935. N 1. P. 35.

- ⁶ *Ганицкий М.* Морвая язва... С. 117.
- ⁷ Юбилейный сборник города Кишинева: 1812–1912. Ч. 1. Кишинев, 1914. С. 167.
- ⁸ *Стадницкий А.* Холера-морбус в Бессарабии в 1830–1831 гг. // КЕВ. 1892. №17. С. 383.
- ⁹ Там же. С. 388.
- ¹⁰ Там же. С. 390.
- ¹¹ *Стадницкий А.* Холера-морбус в Бессарабии в 1830–1831 гг. // КЕВ. 1892. №18. С. 431.
- ¹² *Мура Н.* Двадцатипятилетие служения в должности благочинного, настоятеля церкви м. Атак, протоиерея Ефимия Проценко // КЕВ. 1906. № 45. С. 1472.
- ¹³ *Стадницкий А.* Холера-морбус в Бессарабии в 1830–1831 гг. // КЕВ. 1892. №17. С. 279–380.
- ¹⁴ Шабский Вознесенский монастырь // КЕВ. 1876. №20. С. 762.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.16

Попытка освоения острова Сахалин Российской империей (середина XIX — начало XX в.)

Андрей Никитич Левандовский,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская
Федерация; e-mail: andre-levandowski@rambler.ru

Ключевые слова: каторга, колонизация, «инородцы», Япония,
рыболовство, ссылка

An Attempt to Develop Sakhalin Island by the Russian Empire (Mid-Nineteenth and Early Twentieth Centuries)

Andrey N. Levandovskiy, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russian Federation;
e-mail: andre-levandowski@rambler.ru

Keywords: penal servitude, colonisation, “foreigners”, Japan,
fishing, exile

Середина XIX в. стала временем активного проникновения Российской империи на дальневосточные территории. Началось освоение Уссурийского края, Камчатки, Курильских островов и Сахалина. Последний по способу своей колонизации значительно отличался от других вышеназванных областей: российское правительство сделало в этом вопросе ставку на освоение острова ссыльнокаторжными. На это был целый ряд достаточно весомых причин. Основная из них состояла в том, что Сибирь, которая до этого служила основным местом ссылки, все хуже справлялась с возложенной на нее ролью. Многие месторождения полезных ископаемых были там истощены; солеварни и винокурни, функционирующие по мануфактурному принципу, закрывались; на заводах нередко работали как заключенные, так и наемные работники, что негативно сказалось на трудовой дисциплине¹. Требовалось найти место, где можно было бы создать новый каторжный центр страны. Сахалин, по мнению чиновников, идеально подходил для этой роли. Во-первых, само его островное положение должно было уменьшить количество побегов. Во-вторых, на Сахалине были обнаружены богатые угольные залежи. В-третьих, при помощи ссыльнопоселенцев правительство рассчитывало «произвести упрочнение обладания... островом, посредством ссыльнокаторжной колонизации, тем более что на добровольное заселение острова “при незначительных размерах колонизационного движения на востоке” почти нельзя надеяться»². Последний пункт надо считать важнейшим в этом списке, так как Сахалин находится на стратегически важной позиции в Тихом океане и при наличии на нем укрепленной базы мог служить мощным оборонительным рубежом, защищающим от военного вторжения со стороны Англии и Японии. Однако из-за достаточно сурового климата и отсутствия какой-либо инфраструктуры переселенцы предпочитали оставаться в Амурском или

Уссурийском крае, где имелось гораздо больше возможностей для организации хозяйства.

Тем не менее в 1869 г. Сахалин официально объявили местом ссылки³ — это не привело к какому-либо заметному улучшению ситуации. Отдаленность от центра делала невозможным оперативное решение самых насущных вопросов по развитию колонии, а лишённые контроля извне местные чиновники всячески злоупотребляли своими полномочиями, что мешало развитию инфраструктуры острова⁴. К этому надо добавить еще и ту поспешность, с которой правительство пыталось колонизировать Сахалин. Боязнь иностранного вторжения заставила чиновников заняться усиленным освоением острова, мало сообразуясь с реальными возможностями. Мы можем проследить влияние этих факторов в знаменитом Онорском деле. Начальнику Тымовского округа А.М. Бутакову (1845–1894) пришел приказ построить дорогу через лес, соединяющую несколько населенных пунктов, причем сделать это надо было в кратчайшие сроки⁵. Чтобы уложиться в намеченные даты, Бутаков дал беспрецедентные полномочия охранникам, которые вели каторжан на строительные работы. Заключением значительно урезали паек, чтобы они, утомленные голодом, не могли бежать. Это привело к массовым смертям и даже случаям каннибализма⁶.

Приведенный пример лишь один из многих. Желая поскорее заселить пустующие территории, чиновники основывали новые деревни без должной разведки местности и из-за большой спешки часто не снабжали колонистов подбавляющими орудиями труда⁷. В итоге истощились почвы и значительно упала урожайность земли⁸. Такая ситуация заставляла местную администрацию искать новые территории для обработки, подбираясь к местам обитания коренных народов, что ожидаемо становилось причиной целого ряда конфликтов⁹. Кроме того, из-за ошибок в анализе

рынка и организации труда добыча угля, на которую рассчитывали на первых этапах освоения острова, почти не приносила дохода¹⁰. Возможно, это было бы не так и страшно, если бы не откровенное воровство тех денег, которые были выделены на нужды колонизации. За 14 месяцев фонд «Колонизация острова» полковника Соловьева колонистам выделил лишь 300 руб., в то время как на пособия чиновникам 2000 руб.¹¹

Многое из этого так бы и осталось скрыто от общественности, если бы не книга А.П. Чехова (1860–1904) «Остров Сахалин», привлекая внимание широкой общественности к проблемам штрафной колонии. Стали одна за другой выходить работы, критикующие сахалинские порядки. Из-за значительного резонанса правительству пришлось провести целый ряд проверок, которые выявили множество ошибок и злоупотреблений в организации жизни на острове¹². После этого начали исправлять недочеты в наиболее проблемных отраслях. Однако все инициативы были вскоре перечеркнуты русско-японской войной (1904–1905), после поражения в которой русское правительство оставило всяческие попытки по колонизации острова.

Если подводить краткий итог, можно сказать, что освоение Сахалина было перспективным проектом, который с одной стороны должен был укрепить восточные границы империи, с другой — разгрузить тюрьмы Сибири, которые в это время переживали кризис. Однако из-за большой спешки и ряда ошибок местного руководства ни одна из задач не была до конца реализована. Все это закончилось быстрой сдачей острова во время боевых действий с Японией. После же потери наиболее плодородных территорий на юге Сахалина и прежнего политического влияния на регион было решено прервать попытки колонизации острова, которые были продолжены при советской власти.

Примечания

- ¹ *Тальберг Д.Г.* Ссылка на Сахалин // Вестник Европы. Т. 3. СПб., 1879. С. 222..
- ² Там же. С. 225.
- ³ *Высоков М.С.* История сахалинской области: Уч. пособие по краеведению. Южно-Сахалинск, 1995 С. 89.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1099 Филиппов Тертый Иванович, государственный контролер, общественный и литературный деятель. Оп. 1. Опись дел фонда Т.И. Филиппова. 1779–1913 гг. Д. 628. Доклад начальника Главного тюремного управления А. Саломона министру юстиции об условиях отбывания ссылки и каторги в Сибири и на острове Сахалине. Копия. Печатный. С. 224.
- ⁵ *Миролюбов И.П.* «Восемь лет на Сахалине». СПб., 1901. С. 185.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Панов А.А.* Сахалин как каторга. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. С. 146.
- ⁸ *Миралюбов. И.П.* Указ. соч. С. 111.
- ⁹ *Пилсудский Б.О.* Предварительный отчет о поездке к айнам о. Сахалин в 1902–1903 гг. Б. Пилсудского // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея №3 Южно-Сахалинск, 1996. С. 399.
- ¹⁰ *Тальберг Д.Г.* Указ. соч. С. 229.
- ¹¹ Там же. С. 4.
- ¹² ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 628.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.17

«Эх, горе, ныне на тихом Дону три земли сошлись»: авторы второй половины XIX в. о «русских» на территории Войска Донского

Артём Юрьевич Перетьяко, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Ключевые слова: межэтнические отношения, русские, казаки, Область Войска Донского, И.С. Ульянов, А.А. Чигринцев

**“Oh, woe, the three lands converge
on the quiet Don now”:
The Authors of the Second Half
of the Nineteenth Century on the “Russians”
in the Territory of the Don Host**

Artyom Ju. Peretyatko, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Keywords: interethnic relations, Russians, Cossacks, Don Host's Oblast, I.S. Ulyanov, A.A. Chygryntsev

Цитата, вынесенная в название нашего доклада, приводилась еще в 1885 г. М.Н. Харузиным, автором одной из первых книг по этнографии донского казачества. Эти слова сказал старый казак станицы Аннинской, наблюдавший за спором между молодыми казаками, гордо называвшими себя «царскими слугами», и переселенцами из России, в чей адрес те же казаки кричали «русь проклятая»¹. Сам по себе факт острого конфликта между донскими казаками и так называемыми иногородними, людьми, переселявшимися на Дон с 1860 гг., хорошо известен историкам, однако его истинная подоплека, на наш взгляд, остается недостаточно изученной. Прежде всего, это связано с тем, что до настоящего времени недостаточно изучены свидетельства современников о начальных этапах конфликта. В историографии наиболее распространено мнение о том, будто бы противостояние донских казаков и донских крестьян было преимущественно противостоянием экономическим, обусловленным борьбой их хозяйственных интересов². Между тем тексты 1860–1890 гг. позволяют охарактеризовать противостояние скорее как межэтническое, хотя и приобретенное со временем экономическую подоплеку.

К середине XIX в. на территории Земли Войска Донского де-факто жили десятки тысяч крестьян, не считая

приходящих летом на заработки. Экономически казаки нуждались в крестьянах, и в казачьей среде появились сторонники официального «открытия» Дона для переселенцев, предоставления всем желающим права водворяться на казачьих землях. Но в 1861 г. с их критикой выступил один из наиболее влиятельных донских общественных деятелей, генерал-майор И.С. Ульянов (1803–1870-е; дата смерти точно не известна). В его фонде в Государственном архиве Ростовской области мы обнаружили обширную рукопись «Нужно ли допустить в станицах Войска Донского приобретение домов иногородцами?»³. Судя по всему, это самый ранний авторский аналитический текст, посвященный взаимоотношениям казаков и русских на Дону, в котором казаки и русские четко противопоставляются друг другу. Характерно, что экономические доводы своих оппонентов И.С. Ульянов почти не критиковал. Вместо этого он выступал против идеи «опустить» казаков, «как каплю в море, в общую безразличную массу Руси», и задавался вопросом: неужели «сама Русь, считая до 40 миллионов однородного населения, нуждается в увеличении этого гигантского тела каким-нибудь полумиллионом казаков?»⁴.

И.С. Ульянов был ключевой фигурой для первого поколения донских «казакоманов» — как до 1917 г. сами современники называли сторонников сохранения старых порядков и ограничения прав иногородних на Дону⁵. С учетом его высказываний, вполне понятно, почему первый период конфликта казаков и иногородних развернулся еще с начала 1860-х гг., за несколько лет до того, как иногородние получили законодательно закрепленное право переселяться в казачьи станицы. Среди простых казаков ходили слухи о грядущем «обращении казаков в “мужиков”»⁶. Местное начальство в Новочеркасске разделяло подобные опасения, и, действуя на опережение, даже отправило в Санкт-Петербург свой проект грядущих преобразований, предполагавший

укрепление замкнутости Войска Донского для всех не-казаков, после чего министр внутренних дел П. А. Валуев заявил о желании «обособления страны» со стороны донской элиты⁷. Не удивительно, что в итоге главный противник донских традиционалистов, как раз предложивший для их обозначения термин «казакоманы», генерал-лейтенант И.И. Краснов (1802–1871), обвинил их в попытке создать «искусственную народность» из донских казаков⁸.

Когда в 1868 г. иногородние получили право покупать и арендовать недвижимость в станицах, это только обострило негативное отношение большинства представителей казачества к пришельцам, теперь четко ассоциируемым с «русскими» и «Россией». М.Н. Харузин довольно подробно писал о нелюбви казаков к «русси»⁹. Под эту нелюбовь попадали не только крестьяне-переселенцы, но и официальные лица. В. Д. Новицкий, чиновник неказачьего происхождения, в 1870-е гг. состоявший при донском атамане М.И. Черткове, писал на этот счет, что казаки «русских [...] не любили и жизнь их в казачьей среде была невыразимо тяжела»¹⁰. Даже некоторые новые правительственные реформы рассматривались казаками через призму отношений с русскими, и страх «опуститься» в русское «море» никуда не уходил. Дело дошло до того, что, когда после введения земств на Дону в некоторых станицах начались волнения, казаки реагировали на угрозы чиновников усмирить их силой криками: «Мы тебе не мужики!»¹¹. Со временем ощущение своей отличности от «русских-мужиков» в казачьей среде не только не уменьшалось, но и возрастало, грозя вылиться уже в полноценный межэтнический конфликт.

Об этом написано в другом архивном документе, в письме новочеркасского прокурора А. А. Чигринцева генералу Н. А. Маслаковцу от 3 ноября 1899 г. Это письмо специально посвящено критике ряда казачьих общественных деятелей, рассуждавших так, будто они «сыны не России, общей

нашей матери, а только Дона»¹². Особенно подробно иногородний чиновник останавливался на позиции будущего выборного представителя Области Войска Донского в Государственном совете А.А. Донецкого: «Пусть, мол, в России живут как хотят, а у нас, на Дону, по словам Донецкого, государство должно прийти на помощь к казакам, улучшить их экономическое благосостояние в настоящем и упрочить безбедное существование в будущем»¹³. Любопытно, что в итоге А. А. Чигринцев сравнивал отношение казаков к русским с отношением самих русских к иностранцам-промышленникам, «захватывающим и эксплуатирующим наши богатые недра»¹⁴. Таким образом, к началу XX в. противостояние казаков и «русских», изначально скорее межэтническое, распространилось и на экономику. Инициатива исходила не столько от иногородних, сколько от казаков, считавших, будто бы пришельцы из России захватывают их законные земли.

Итак, в 1860–1890 гг. на Дону действительно сошлись три «земли», точнее, три этнические группы, не вполне отчетливо понимавшие свою идентичность, но четко отделявшие себя от чужаков. Украинцы (малороссы), русские (великороссы) и казаки издавна совместно жили на территории Земли Войска Донского, но с середины XIX в. между последними двумя группами начался конфликт, со временем только обострявшийся и распространявшийся на новые области. В историографии этот конфликт обычно рассматривают как экономический, сводя его к противостоянию имевших разные хозяйственные интересы казаков и крестьян, но сами современники считали его скорее межэтническим. И его наличие объясняет, почему к началу XX в. на Дону «казакоманское» движение переросло в настоящий национализм, сторонники которого уже открыто позиционировали казаков как отдельную ветвь большого русского народа, наряду с великороссами, малороссами и белорусами.

Примечания

- ¹ Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885. С. XIX.
- ² Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов-на-Дону, 2015. С. 16–19.
- ³ Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 223–256.
- ⁴ Там же. Л. 240.
- ⁵ Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 481, Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina. 2015. Vol. 13. N 1. P. 19.
- ⁶ Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 169.
- ⁷ Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3. С. 18.
- ⁸ Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. 2015. Vol. 14. N 2. P. 100; Краснов И.И. О народности в Донском войске // Военный сборник. 1862. № 4. С. 355.
- ⁹ Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах... С. XXVIII.
- ¹⁰ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 58.
- ¹¹ Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. С. 380.
- ¹² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 3.
- ¹³ Там же. Л. 4об.
- ¹⁴ Там же. Л. 6.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.18

История славян на Сунже

Сергей Александрович Орешин, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российская империя, Терская область, гребенские казаки, Сунженская линия, Сунженский округ, Терское казачье войско, славяне, миграция.

History of Slavs on Sunja

Sergey A. Oreshin, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Mikluho-Maklay, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Oreshin12345@yandex.ru

Keywords: North Caucasus, Russian Empire, Tersky region, Grebensky Cossacks, Sunzha Line, Sunzha District; Tersky Cossack Army, Slavs, migration

В процессе своего исторического развития восточные славяне освоили обширные пространства Евразии. Одним из центров славянской миграции, начиная с XVI в., был Северный Кавказ и в частности Терско-Сунженское междуречье. Река Сунжа, протекающая по территории современных республик Северного Кавказа (главным образом Ингушетии и Чечни), стала одной из южных границ славянской земледельческой и военно-казачьей колонизации. Бассейн Сунжи стал контактной зоной, где сосуществовали и взаимодействовали друг с другом славяне, горские и кочевые народы Северного Кавказа и где сложилась уникальная культура сунженского казачества. Однако нельзя не отметить, что взаимодействие «местных» (горцев) и «пришлых» (славян) развивалось в основном по конфликтогенной модели, приводило к росту межэтнической и межконфессиональной напряженности, периодически выливалось в кровавые конфликты и завершилось в конечном итоге насильственным вытеснением славянского населения с территории Терско-Сунженского междуречья. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью учитывать исторический опыт при разработке эффективных моделей и программ управления межэтническими отношениями и миграционными процессами на Северном Кавказе; обострением территориальных споров в пограничных регионах (одним из которых является Сунженский район); попытками некоторых современных

историков пересмотреть хронологические рамки и особенности славянской миграции в Северокавказском регионе¹; а также тем, что в отечественной науке история сунженских казаков (и шире — славянского присутствия в Терско-Сунженском междуречье) не получила должного освещения.

Не претендуя на полноту раскрытия проблемы, данная работа представляет собой краткое описание истории славян на территории Сунженского региона в XVI–XX вв. Цель и задачи исследования — изучить причину появления славян на Сунже; понять, какую роль в освоении Терско-Сунженского междуречья играло Российское государство; проследить особенности формирования локальной группы сунженских казаков, их этнический и конфессиональный состав; понять, почему в конечном итоге славянам не удалось укорениться в данном регионе и они были вынуждены покинуть его.

Первыми славянскими поселенцами в долине реки Сунжи были гребенские казаки, появившиеся на Северном Кавказе в середине XVI в. В число первых славянских сельских жителей входили волжские «воровские» казаки и беглые «сходцы» из различных регионов России (от Русского Севера до Рязани)². Естественное воспроизводство в казачьих общинах было крайне низким, пополнялись они за счет внешних источников — как переселенцев из российских городов и сел, так и представителей коренных народов региона.

Начиная с Ивана Грозного, российское правительство пыталось закрепиться в долине Сунже, по которой проходили важные торговые пути. Неоднократно возводились остроги, население которых составляли служилые люди из Центральной России и Поволжья. В 1653 г. под давлением персидских войск русские вынуждены были окончательно оставить Сунженский острог, почти все казачьи городки на Сунже были разгромлены персидскими войсками и их горскими союзниками³. К началу XVIII в. последние гребенские казаки покинули Терско-Сунженское междуречье.

Первая попытка славян обосноваться на Сунже окончилась неудачей.

Вторая попытка была предпринята в первой половине XIX в., в период Кавказской войны. С целью обезопасить от чеченских набегов русские поселения на Тереке и создать плацдарм для наступления на Горную Чечню, командование российских войск разработало план создания Сунженской укрепленной линии, перекрывавшей горцам выход на равнину. В 1817–1819 гг. по распоряжению генерала А.П. Ермолова на Сунже были построены первые русские крепости, население которых составляли солдаты регулярной армии⁴.

В 1840-е гг. российское руководство приняло решение о массовом строительстве на Сунженской линии казачьих станиц с целью создания в регионе постоянного славянского населения. Чеченские и ингушские аулы уничтожались, земли конфисковались, а их жители выселялись. К началу 1860-х гг. было возведено около 20 казачьих станиц⁵. Добровольцев, изъявлявших желание переселиться на линию, было мало, поэтому правительство прибегало к принудительному переселению. Во вновь построенные станицы направляли хоперских, донских, терских, гребенских, ставропольских, кубанских и малороссийских казаков, составивших ядро новой этносословной группы — сунженского казачества. В их число включались представители других сословных групп (отставные солдаты, мещане кавказских городов, крестьяне-переселенцы из Великороссии и Малороссии). «Показачилась» и небольшая часть проживавших на Кавказе ссыльных поляков.

В пореформенное время население станиц и хуторов увеличивалось в основном за счет естественного прироста. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., великороссы составляли 36,4% населения Сунженского отдела Терской области, малороссы — 3,4%, проживало несколько сот белороссов и поляков⁶. Большинство из них были казаками,

исповедовавшими православие, при этом часть из них — старообрядчество, среди немногочисленных крестьян-иногородних встречались духоборцы и молокане. Приток переселенцев на Сунжу из других губерний был незначительным, что объяснялось сохранявшейся нестабильной обстановкой, напряженными межэтническими отношениями между славянами и горцами и крайне неблагоприятной криминогенной ситуацией.

Революционные события 1917 г. и начавшийся распад Российской империи привели к резкому обострению отношений между вайнахами и славянами на Сунже, вылившись в кровопролитные вооруженные столкновения⁷. В 1920 г. после установления в регионе Советской власти пришедшие к власти большевики передали земли верхне- и нижнесунженских станиц ингушам и чеченцам. Казаки были выселены в северные уезды Терской губернии или за пределы Северного Кавказа. В 1921 г. избежавшие выселения станицы, располагавшиеся на Средней Сунже, были выделены в автономный Сунженский казачий округ Горской АССР, который просуществовал до 1929 г., после чего утратил автономию.

Славяне (русские и украинцы) вплоть до 1970-х гг. составляли большинство населения Сунженского района Чечено-Ингушской АССР. Что касается поляков и белорусов, то после 1926 г. сведения о них в переписях пропадают, что было связано главным образом с ассимиляционными процессами и сменой этнической идентичности. Подобные процессы затронули отчасти и украинцев. Начиная с середины 1970-х гг. доля чеченского и ингушского населения в районе начала расти, а славянского — падать⁸.

В 1991 г. межэтнические отношения на Сунже в очередной раз резко обострились. Их итогом стал массовый исход славянского населения из региона в первой половине 1990-х гг. Новые «всплески» оттока славян произошли в период боевых действий в Чеченской Республике, а также в 2006–2007 гг., когда по Ингушетии прокатилась волна

убийств русских семей. В результате этих трагических событий к 2010 г. русские составили всего 1,19% населения Сунженского района Республики Ингушетия и почти исчезли с территории Сунженского района Чечни⁹. Подавляющая часть оставшихся русских — люди пенсионного возраста, не способные к естественному воспроизводству.

Подводя итоги, следует отметить, что славяне дважды пытались закрепиться на Сунже. На первом этапе (середина XVI — середина XVII вв.) преобладала свободная колонизация Терско-Сунженского междуречья «вольными» гребенскими казаками. На втором, начавшемся после строительства Сунженской казачьей линии в середине XIX в., речь шла о целенаправленной государственной политике по заселению этого региона православными славянами. В результате Сунженский район стал своего рода «фронтиром», где необъявленная война между переселенцами и коренным мусульманским населением продолжалась и после официального вхождения Северного Кавказа в состав России. После распада СССР начался массовый отток славян с Сунжи, в результате которого практически все славянское население вынуждено было уехать, а этнический баланс претерпел, по всей видимости, необратимые изменения.

Примечания

¹ Голованова С.А. Появление казаков на Тереке и Сунже во взглядах современных историков Чечни // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара). Москва; Армавир, 2009. С. 84-88.

² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 329.

³ Магомадова Т.С. Первые русские крепости в междуречье Терека и Сунжи в XVI–XVII вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2010. № 2 (13). С. 107–112.

⁴ Агиева Л.Т. К вопросу о Сунженской линии. // Ингушетия: исторические параллели. URL: <https://ghalghay.com/2016/01/15/k-voprosu-o-sunzhenskoj-linii/> (дата обращения: 06.02.2020).

⁵ *Бурда Э.В.* Динамика роста численности населения во время строительства Сунженской казачьей линии в первой половине XIX века // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Выпуск 16 / под ред. П.Я. Циткилова. Новочеркасск, 2015. С. 39-40.

⁶ *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этно-статистическое исследование. СПб., 1996. С. 205.

⁷ *Хлынина Т.П.* «Военно-революционный Совет Сунженской линии считает крайне необходимым...»: новые источники по истории межнациональных отношений на Тереке в 1918 году // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 3. Майкоп, 2004. С. 69–72.

⁸ *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. С. 216.

⁹ *Кондратенко А.А.* Между Сунжей и Кубанью. Ставрополь, 2019. С. 223.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.19

Роль и место ремесленного производства в формировании индустриального общества на Беларуси (вторая половина XIX — начало XX в.)

Ольга Эдмундовна Лукьянчук, Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь; e-mail: landysh-sp@mail.ru

Ключевые слова: ремесло, индустриальное общество, генезис капитализма, специализация, буржуазные отношения

The Role and the Place of the Craft in the Formation of Industrial Society in Belarus (The Second Half of the Nineteenth — Early Twentieth Century)

Olga E. Lukuanchuk, National Institute for Higher Education, Minsk, Republic of Belarus; e-mail: landysh-sp@mail.ru

Keywords: craft, the industrial society, the genesis of the capitalism, specialization, bourgeois relations

Белорусские исследователи относят формирование индустриального общества к 1860-м гг. — началу XX в. и связывают этот процесс с увеличением в общем объеме производства фабрично-заводской промышленности, ростом населения городов, формированием прослойки предпринимателей, процессом разделения труда, возрастания конкуренции, специализацией и т. д. (А.В. Бурачонок, А.Г. Кохановский, Л.Э. Прокопович и др.)¹.

Рассмотрим роль ремесленного производства в формировании индустриального общества на Беларуси. Необходимо отметить, что для развития капитализма в промышленности Беларуси второй половины XIX–XX в. характерна эволюция форм ремесленного производства, мануфактурного и фабрично-заводского. «Ремесло или производство изделий по заказу потребителя»² было первой формой промышленности, которая отделилась от земледелия. В 1870-е — 1880-е гг. для ремесленников Беларуси характерен переход от производства товаров на заказ, к производству товаров на рынок. Вместе с тем показатели развития промышленности за 1890 год свидетельствуют о том, что в конце XIX в. белорусские земли по экономическим показателям были развиты достаточно слабо³. Так, среди 50 губерний Российской империи по количеству предприятий Гродненская губерния была на 14-м месте, Витебская — на 19-м, Минская — на 27-м, Могилевская — на 31-м, Виленская — на 36-м. По сумме производства Гродненская губерния находилась на 31-м месте, Минская — на 34-м, Виленская — на 35-м, Могилевская — на 39-м, Витебская — на 43-м месте. По количеству рабочих, занятых на производстве, Гродненская губерния занимала 22-е место, Виленская — 38-е место, Витебская — 41-е, Минская — 42-е, Могилевская — 43-е место. Таким образом, во второй половине XIX в. белорусские земли продолжали оставаться отсталым в экономическом отношении регионом Российской империи. Низкие темпы развития фабрично-заводской

промышленности обусловили дальнейшее развитие ремесленной и мелкотоварной.

Во второй половине XIX — начале XX в. вместе с дальнейшим развитием городов происходит и увеличение численности городских ремесленников. Так, с 1862 по 1913 г. численность ремесленников городов Гродненской губернии увеличилась с 3996 до 24 463 (в 6,1 раз), ремесленников Минской губернии с 4125 в 1862 г. до 23164 в 1914 г. (в 5,6 раз); с 1412 ремесленников пяти белорусских городов Витебской губернии в 1862 г. до 10 339 в 1910 г. (в 7,3 раза)⁴. Примечательно, что численность городского населения в исследуемый период увеличилась в 2,5 раза (в 1863 г. — 350,8 тыс.чел., в 1913 г. — 983,3 тыс. чел.)⁵. С одной стороны рост населения городов должен был свидетельствовать о зарождении новых капиталистических укладов жизни, однако известно, что на белорусских землях этот процесс был вызван не только натуральным приростом населения, миграционными процессами, но и стимулировался искусственно. Рост численности ремесленников в городах и местечках был обусловлен так называемой чертой еврейской оседлости, вследствие чего евреи селились в городских поселениях и составляли основную массу владельцев ремесленных предприятий.

Дальнейшее развитие ремесленного производства, слабое развитие крупной промышленности в городах обусловили небольшой процент количества купцов в социальной структуре городского населения Беларуси (1,5% в 1896 г.)⁶. Отсутствие у них значительных капиталов было связано и с неразвитостью банковской системы. Это отрицательно сказывалось на формировании буржуазии как класса индустриального общества, особенностью которой на территории Беларуси во второй половине XIX в. было преобладание её мелкой прослойки, представленной владельцами мастерских, торговцами, ремесленниками.

Собственники ремесленных мастерских не были заинтересованы в качестве выпускаемой продукции. Поэтому ни

о какой модернизации, усовершенствовании орудий труда для выпуска изделий речь идти не могла. В многочисленных донесениях губернаторов на протяжении второй половины XIX в. подчеркивалось, что технические приёмы обработки сырья, орудия труда у ремесленников оставались достаточно устаревшими. «Городская промышленность основана исключительно на развитии ремесел, находится на низкой ступени развития. [...] чужда каким-нибудь усовершенствованиям»⁷. Изделия евреев-ремесленников «при небрежном их исполнении весьма недоброкачественны и потому не удовлетворяют даже скромных требований местных жителей»⁸.

Дальнейшее развитие ремесленного производства сдерживало формирование внутреннего рынка. Известно, что рост капиталистического производства обусловлен в первую очередь ростом средств производства, а не предметов потребления. Однако с 1860 по 1890 г. объем ремесленного производства увеличился с 4,3 до 14,1 млн руб.⁹

Несмотря на то, что самыми распространенными специальностями среди ремесленников были сапожники, ткачи, столяры, извозчики, на рубеже XIX — XX вв. в Дисне и Друе появляются аптекари, в Лиде — чемоданщики и перчаточники, в Ошмянах — зонтовщики, в Бобруйске, Слуцке, Несвиже, Минске — литографы, в Ошмянах, Бобруйске, Минске, Лиде, Пинске — фотографы и др. Расширение количества ремесленных специальностей свидетельствовало о способности ремесленников быстро адаптироваться к новому спросу на рынке, а также о дальнейшем росте общественного разделения труда, что характерно для индустриального общества¹⁰.

Таким образом, дальнейшее развитие ремесленного производства в пореформенный период по таким показателям, как количество предприятий, объем производства, количество ремесленников, свидетельствовало о недостаточной механизации производства, низких темпах развития фабрично-заводской промышленности, а значит — сдерживало

темпы формирования индустриального общества. Рост ремесленного производства замедляется лишь к началу XX в. Состав среды ремесленников, населения городов вплоть до 1890-х гг., в которых купеческий капитал фактически не имел места, исключал возможность формирования средней и крупной буржуазии. Данные процессы не завершились на территории Беларуси и в начале XX в.¹¹ С другой стороны, относительная дешевизна выпускаемой продукции, примитивность орудий труда ремесленников влияла на то, что они легко приспосабливались к изменениям на рынке спроса товаров; ремесло обеспечивало квалифицированными кадрами более крупные предприятия, и так становилось частью процесса индустриализации.

Примечания

¹ *Бурачонак А.В.* Сацыяльна-эканамічныя ўмовы развіцця прамысловага прадпрыемальніцтва ў Беларусі (др. пал. XIX — пач. XX ст.) // Працы гіст. фак. БДУ: навук. зб. Вып. 9 / пад. рэд. К.К. Коршука. Мінск, 2014. С. 3–14; *Кохановский А.Г.* На пути становления индустриального общества: модернизационные процессы в Беларуси (60-е гг. XIX — нач. XX в.) // Працы гіст. фак. БДУ: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэдактар) [і інш.]. Мінск, 2008. С. 31–46; *Прокопович Л.Э.* Становление и развитие фабрично-заводской промышленности в Беларуси в XIX в. Минск. 2010.

² *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 50 т. М.: Политиздат, 1979–1983. Т. 3: С. 329.

³ *Орлов П.А., Будагов С.Г.* Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики / Сост. по офиц. сведениям Департамента торговли и мануфактур за 1890 г. СПб., 1894. С. VII.

⁴ *Лютая А.Э.* Роль и место ремесла в процессе генезиса капитализма в Беларуси во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Минск, 2006. С. 80; Обзор Гродненской губернии за 1913 г. Гродно, 1914. С. 14; Обзор Витебской губернии за 1910 г. Витебск, 1911. С. 20–21; Обзор Минской губернии за 1913 г. Минск, 1914. С. 18.

⁵ *Лютая А.Э.* Социальный состав городского населения Беларуси (XIX — нач. XX в.) // Весці БДПУ. 2013. Серія 2. № 4. С. 6.

⁶ Там же. С. 7

⁷ Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 90. Л. 886.

⁸ Обзор Витебской губернии за 1895 г. Витебск, 1896. С. 9.

⁹ Эканамічная гісторыя Беларусі. Минск, 1993. С. 110.

¹⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений... С. 335.

¹¹ *Каханюўскі А.Г.* Сацыяльныя аспекты мадэрнізацыйных працэсаў у Беларусі (60-я гг. XIX — пачатак XX ст.) // XXI век: актуальныя праблемы гістарычнай навуки: Матэрыялы міждунар. навуч. конф., посвящ. 70-летію іст. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / редкол.: В.Н. Сідорцов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2004. С. 214.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.20

Югославская автомобильная промышленность: от TAM до Црвена Застава

Екатерина Петровна Каткова, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: EKaterinaK.17@gmail.com

Ключевые слова: машиностроение, индустрия, завод, автомобиль, *Yugo*, *Zastava*, повседневность, благосостояние

Yugoslav Auto Industry: From TAM to Crvena Zastava

Ekaterina P. Katkova, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: EKaterinaK.17@gmail.com

Keywords: engineering, industry, factory, car, *Yugo*, *Zastava*, daily life, welfare

Создание новой автомобильной отрасли промышленности в социалистической Югославии стало символом титовской индустриализации и модернизации экономики страны, носившей до того фактически полностью аграрный характер. Если в королевской Югославии имелось лишь

вспомогательное автомобильное производство, то коммунистические власти сделали попытку создать полный цикл автопрома. Ознакомимся с короткой историей этой отрасли.

История послевоенной Югославии активно исследуется как на постъюгославском пространстве, так и за его пределами. Признанными зарубежными центрами изучения истории стран Юго-Восточной Европы являются Институт по изучению Восточной и Юго-Восточной Европы в Регенсбурге (Германия) и Институт славистики Университета в Граце (Австрия). Одними из наиболее комплексных работ последнего времени, посвященных этой теме, например, являются исследования «Югославия в XX веке: Очерки политической истории»¹ под редакцией К.В. Никифорова; *Gradove smo vam podigli. O protivrečnostima jugoslovenskog socializma*² под редакцией Борка Павичевича; монография Й. Пирьевца «Тито и товарищи»³ и пр. На сербском языке вышли книги, посвященные отдельным сюжетам развития автомобильной индустрии⁴, между тем акцент в международных авторитетных научных исследованиях часто делается на политической истории Югославии. В нашей работе мы остановим внимание на истории автомобильного сектора югославской промышленности, особенности развития которого, на наш взгляд, дают более четкое представление о состоянии югославской экономики в целом.

Отношение к югославскому автопрому среди граждан бывшей Югославии, как правило, довольно противоречиво. Обычно упоминание автомобилей марок *Југо* или *За-става* вызывает насмешку у молодежи, а у старшего поколения — ностальгию по социалистическим временам. За югославскими автомобилями закрепилось клеймо недоброкачественной и недолговечной продукции, о чем в частности свидетельствует старая поговорка «*Југо није за дуго*» (рус. «Юго это ненадолго»). Наличие собственного автомобильного производства является подтверждением индустриальной

состоятельности преимущественно аграрной Югославии, а изучение бытования автопрома представляется важным предметом истории югославской повседневности. Легковые автомобили, произведенные на заводе *Црвена Застава* в Крагуевце в 1980-е гг., до сих пор встречаются на улицах городов, а особенно в сельской местности. В некоторых сербских автошколах обучение вождению все еще производится на автомобилях, выпущенных под брендом *Застава*. Характерной чертой югославского автопрома была работа на чужих производственных мощностях, а также покупка лицензий на изготовление автомобилей за рубежом с последующей локализацией и производством на территории Югославии, причем заводы старались не концентрировать в пределах какой-либо одной республики, а размещать равномерно, развивая промышленность в каждой из шести республик независимо от исходного потенциала местности. В СФРЮ также осуществлялся выпуск автомобилей из капиталистических стран: *Renault*, *Citroën*, *Volkswagen*, *Opel*, что было характерно и для многих государств, входивших в состав Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Так, в Сараево на заводе *TAS*, или *Tvornica automobila Sarajevo*, собирали *Volkswagen Käfer*, *Golf* и *Caddy*.

Возможно, именно факт освоения чужих разработок и прямого заимствования не давал выхода чисто югославской инженерной мысли и блокировал возможности создания собственных качественных образцов народных автомобилей. В этом отношении мы можем провести прямые параллели между продукцией югославской *Црвена Застава* и советского «ВАЗ», с учетом того факта, что для обоих предприятий основным образцом для подражания были автомобили итальянской компании *Fiat*. Югославский и советский автопром сотрудничали довольно интенсивно и осуществляли взаимные поставки продукции на рынки друг друга, хотя это в большей степени касалось грузовиков и автобусов, не-

жели легковых машин⁵. Другой немаловажной причиной отсталости югославской автомобильной промышленности стала слабая дисциплина на предприятиях, сравнительно низкая подготовленность и мотивация югославских рабочих в условиях «гибридной» экономической системы⁶.

К моменту начала гражданской войны в бывшей Югославии производство «социалистических» автомобилей и комплектующих к ним осуществлялось на заводах в Мариборе, Ново-Место, в Загребе, Риеке, Крагуевце, Кикинде, Сараеве и Скопье.

Именно в экономически более состоятельной Словении в 1947 г. был открыт первый автомобильный завод в социалистической Югославии, получивший наименование *TAM* — *Touarna Automobilov in Motorjev*. К концу 1960-х гг. завод выпускал современные конкурентоспособные мощные армейские грузовые автомобили высокой проходимости *TAM-110/150*. Грузовик развивал скорость порядка 90 км/ч, преодолевал подъемы крутизной до 70% и броды глубиной до 1 м. Автомобиль применялся в ходе югославских войн всеми противоборствующими сторонами и показывал высокую надежность и результативность в боевых условиях⁷. Производство *TAM-110* с некоторыми коррективами и изменениями в конструкции продолжается по сей день, однако завод в Мариборе теперь принадлежит немецкой компании *MAN*.

В Риеке на заводе *Tvornica motora i motornih vozila* собирали грузовики под маркой *Torpedo SRT* по румынской технологии, не отличавшейся ни особым качеством, ни новаторством. В Загребе вплоть до 2000 г. выпускали автобусы *TAZ* — *Tvornica Autobusa Zagreb*. Сегодня большинство автобусов, осуществляющих пассажироперевозки по Хорватии и за ее пределы, имеет итальянское или немецкое происхождение.

В Скопье на заводе *ФАС-11. октября* выпускали автобусы *Sanos* для осуществления длительных пассажироперевозок.

В 1970 г. завод начал сотрудничество с *Mercedes*, получив право производить копии немецких автобусов под своей маркой. Значительная часть таких автобусов отправлялась на экспорт в страны Европы и Ближнего Востока, а в начале 1990-х гг. — в Россию и Украину.

Первые югославские легковые автомобили начали выпускаться в 1953 г. после открытия в сербском Крагуевце завода *Црвена Застава*. В 1955 г. здесь стартовало производство автомобиля *Zastava 750*, рассчитанного на внутренний потребительский рынок и призванного стать поистине народным автомобилем. *Zastava 750* была абсолютной копией итальянского *Fiat-600* и собиралась из комплектующих итальянского производства, но расходилась гораздо быстрее благодаря своей сравнительно низкой цене. Эта модель стала своеобразным символом средней югославской рабочей семьи. В то же время Крагуевац получил неофициальное название «югославского Детройта». В 1971 г. началось производство самой массовой за всю историю югославского автопрома модели *Zastava 101*, по сути лицензионной копии *Fiat 128*. Владение таким автомобилем считалось признаком семейного благополучия и достатка.

В 1980 г. в очередной раз на базе *Fiat* в Югославии был создан собственный автомобиль под названием *Koral*, который на мировой рынок поступал под брендом *Yugo*, в том числе и в модификации с открытым кузовом, которая пользовалась огромной популярностью в мире по причине своей дешевизны и непритязательности в обращении и обслуживании. Только в США за несколько лет было продано порядка 150 тыс. экземпляров *Yugo*⁸. В то же самое время автомобиль вошел в мировые рейтинги самых плохих машин в истории, что не мешает оставаться ему легендой социалистической автопромышленности. Последней из выпущенных моделей стала *Yugo Saga*, запущенная в производство в 1990 г. и чье производство было приостановлено с началом гражданской

войны. Последующие годы стали кризисными для многих промышленных предприятий страны, исключением не стал и завод *Застава*.

В 2007 г. Сербия объявила о продаже *Застава*. 20 ноября 2008 г. был выпущен последний красный автомобиль марки *Застава* под серийным номером 794 428, который прямо с конвейера отправился в заводской музей⁹. Продажа *Застава* подвела черту под сравнительно недолгим процессом дезорганизации и ликвидации бывшей югославской промышленности, лишив Сербию собственного, пусть и не вполне конкурентноспособного, автопрома и поставив ее в зависимость от европейских поставщиков деталей и комплектующих.

Таким образом, собственный легковой югославский (после 2006 г. — сербский) автопром оказался неконкурентноспособным в условиях глобализации рынка и диктата транснациональных корпораций. *Застава* не смогла ответить на выдвигаемые новыми рыночными условиями требования покупателей, а также понесла имиджевые потери в связи с негативными ассоциациями, появлявшимися при упоминании марки и у внутреннего, и у внешнего потребителя. Однако следует признать, что в истории Югославии само предприятие и выпускаемый им «народный» автомобиль сыграли значимую роль.

Примечания

¹ Югославия в XX веке: Очерки политической истории / ред. коллегия: К.В. Никифоров (отв. ред.), А.И. Филимонова, А.Л. Шемякин. М., 2011.

² Gradove smo vam podigli. O protivrečnostima jugoslovenskog socializma / za izdavača: Borka Ravićević. Beograd, 2018.

³ *Пирьевец Ђ.* Тито и товарищи / пер. со словен. Л.А. Кирилиной, Н.С. Пилько. М.; СПб., 2019.

⁴ См., например: *Gašić R.* „Jugoslovenski Detroit“. Automobilska industrija u Kragujevcu 1953–1991. Beograd, 2017.

⁵ Гиренко Ю.С. Советско-югославские отношения: Страницы истории. М., 1983. С. 163.

⁶ См.: Gradove smo vam podigli. O protivrečnostima jugoslovenskog socializma / ur. V. Knežević, M. Miletić. Beograd, 2018.

⁷ См.: Gajdek Đ., Pokorny S. Čime smo branili Hrvatsku u Domovinskom ratu 1991. Sisak, 2013.

⁸ См.: Официальный сайт «Застава» // <http://www.zastavanacionale.com/> (accessed: 14.06.2020).

⁹ В Сербии прекращен выпуск модели Yugo. URL: https://www.zr.ru/content/news/35292-v_serbii_prekrashhen_vypusk_modeli_yugo/ (дата посещения: 14.06.2020).

ПАМЯТЬ, ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.21

Проблема Польского коридора на Парижской мирной конференции

Ирина Игоревна Позднякова, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Российская Федерация; e-mail: irennepozdniakova@gmail.com

Ключевые слова: Парижская мирная конференция, Польский коридор, дипломатия, границы Польши

The Problem of the Polish Corridor at the Paris Peace Conference

Irina I. Pozdniakova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation; e-mail: irennepozdniakova@gmail.com

Keywords: Paris Peace Conference, Polish corridor, diplomacy, Polish borders

В череде территориальных изменений, принятых на мирной конференции в Париже в 1919 г., вопрос о выходе Польши к морю относился к числу самых дискуссионных. В отечественной историографии нет недостатка в работах, посвященных Версальскому договору и обстоятельствам его заключения, между тем проблема создания Польского коридора в контексте дипломатической борьбы великих держав затрагивалась лишь фрагментарно. Цель исследования — рассмотреть предложенные на Парижской конференции варианты выхода Польши к морю и определить основания для принятия итогового решения, которое имело далеко идущие последствия, так как не только явилось яблоком раздора в польско-германских отношениях, но и послужило одним из факторов в происхождении Второй мировой войны.

В знаменитом послании к конгрессу 8 января 1918 г. президент США В. Вильсон в 13-м пункте своей «программы всеобщего мира» заявил о необходимости создания независимого польского государства, которому должен быть обеспечен «свободный и надежный доступ к морю». Практическое решение этого вопроса было передано на рассмотрение Парижской мирной конференции в 1919 г. В связи со сложностью польского вопроса на конференции была создана специальная территориальная комиссия по польским делам под председательством французского дипломата Ж. Камбона, которому было поручено рассмотреть польские претензии относительно будущих границ¹. Деятельное участие в ее работе принимали британские делегаты, которые опирались на разработки по мирному урегулированию специального исторического сектора при Форин-офис².

Польша была приглашена на мирную конференцию в качестве признанного союзным Антанте государства³. Интересы польской стороны представляли Р. Дмовский, И. Падеревский, К. Длусский, Вл. Грабский, а также известные польские историки, географы, экономисты и юристы. Все ключевые решения от имени польской делегации принимались Р. Дмовским⁴. 29 января 1919 г. он выступил с длинной речью, в которой предложил «исторический принцип» для определения территории Польши, причем за основу предлагал взять границы до первого раздела 1772 г. Затем польские территориальные требования были переданы Ж. Камбону в письменной форме. Р. Дмовский добивался включения в состав Польши Западной Пруссии с городом Гданьском⁵. По мысли польских делегатов, Висла должна была снова стать важной водной артерией, соединяющей Польшу с Балтикой и Западом⁶.

Такой вариант был неприемлем для Германии, так как речь шла о территории, на которой проживали в основном немцы. Указанные области давно являлись предметом спора

между немцами и поляками. Пруссия получила Восточное (Гданьское) Поморье в результате первого раздела Польши 1772 г., назвав провинцию Западной Пруссией. По второму разделу Речи Посполитой 1793 г. Пруссия овладела и главным городом Поморья — Гданьском (Данцигом). Территория была подвергнута германизации и превращена в поставщика сельскохозяйственного сырья и рынок сбыта для немецких промышленных товаров. Такую весьма значимую в экономическом отношении территорию Германия отдавать не собиралась⁷.

В то же время отчуждение Поморья в пользу Польши не вполне устраивало и представителей некоторых ведущих европейских стран. В частности, активным противником установления таких границ выступил премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, который был против усиления Польши как союзницы Франции. Им был предложен этнический принцип разделения спорных территорий, когда за основу брался национальный состав большинства населения, проживающего на той или иной территории. Этот подход для поляков был невыгоден, так как размежевание существенно сокращало территорию будущей Польши.

Еще одним вариантом предоставления Польше выхода к морю, обсуждавшимся на конференции, могла стать передача Польше Восточной Пруссии или ее части. При этом предполагалось проложить дорогу к морю через Мемель (Клайпеду). Однако этот вариант был отброшен, поскольку за этим последовало бы серьезное ущемление прав восточнопрусских немцев. Кроме того, Мемель являлся единственным литовским портом. Даже если объявить его свободным, Литва теряла бы выход к морю⁸.

Таким образом, оставался вариант с Гданьском. Германия имела и другие портовые города на Балтике, в частности Кёнигсберг, поэтому обеспечение этим способом доступа Польши к морю представлялось максимально сбалансиро-

ванным решением. Однако Гданьск был в полном смысле немецким городом, и передача такового полякам могла привести к серьёзным конфликтным ситуациям на национальной почве. К тому же комиссия Камбона старалась по возможности придерживаться этнического принципа, хотя ей это не всегда удавалось⁹.

Министр иностранных дел Великобритании А.Д. Бальфур настаивал на том, что выходом к морю для Польши может быть только устье Вислы, но передача полякам Данцига создало бы новые Эльзас и Лотарингию, то есть новый предлог для конфликтов. Вот почему английская сторона предложила превратить Данциг в открытый порт и таким путем удовлетворить Польшу¹⁰.

В результате было решено выходу Польши к морю придать характер коридора с большинством польского населения, оставив земли на западе и на востоке Поморья, подвергшиеся интенсивной прусской колонизации, Германии. 12 марта 1919 г. комиссия изложила свои предложения в докладе «Совету десяти», призвав дать Польше «коридор» согласно этнографическому принципу, а «город немецкого языка» Данциг передать полякам как естественный порт Вислы, относящийся к Польше экономически и географически¹¹. Однако в ходе дискуссии против передачи Польше Данцига выступил Д. Ллойд Джордж. Он отправил меморандум, предназначенный делегатам конференции, более известный как «Документ из Фонтенбло». В нем британский политик высказал свое несогласие со значительными территориальными приобретениями Польши на севере и западе, особенно в отношении Данцига¹². Свою позицию он мотивировал тем, что для Польши могут возникнуть трудности в связи с преобладанием в этом городе немецкого населения. Пункт о передаче Данцига Польше был отклонен.

В итоге Версальский договор предусматривал создание польского государства с выходом к морю, получившим

неофициальное название Польского, или Гданьского коридора, а сам Гданьск был провозглашен Вольным городом под протекторатом Лиги Наций, состоящим в таможенном союзе со Второй Речью Посполитой¹³.

Примечания

¹ *Lapter K.* Sprawa Gdańska i dostępu Polski do morza na Konferencji Paryskiej 1919 r. // *Przegląd Historyczny*. 1954. Т. 45. N 2–3. S. 464–465.

² 174 тома материалов сектора, часть которых была посвящена польскому вопросу, были опубликованы в 1920 г. (См.: *Hanczewski P.* Kursy historii Polski dla brytyjskich delegatów na konferencję pokojową w Paryżu w 1919 roku // *Prace Historyczne*. 2019. N 1. S. 149–150).

³ Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 119.

⁴ *Зубачевский В.А.* Борьба между Германией и Польшей за Поморье в ноябре 1918 — январе 1920 гг. // *Советское славяноведение*. 1986. № 3. С. 36–37.

⁵ *Волос М.* Польская дипломатия в борьбе за определение границ возрожденного польского государства в 1918–1921 гг. // *Треугольник Москва-Варшава-Берлин. Очерки истории советско-польско-германских отношений в 1918–1939 гг.* СПб., 2011. С. 55.

⁶ *Polskie żądania* // *Monitor Polski*. 1919. 18 stycznia. S. 5.

⁷ *Dominiczak H.* Polska i jej granice zachodnie na forum międzynarodowym w latach 1914–1919 // *Rocznik Lubuski*. 1971. N 7. 100–101

⁸ *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 1. С. 584.

⁹ Там же. Т. 2. С. 181.

¹⁰ *Хауз Э.* Архив полковника Хауза. М., 1937. Т. 2. С. 32–33.

¹¹ *Зубачевский В.А.* Борьба между Германией и Польшей... С. 36.

¹² *Kania K.* Stosunek Wielkiej Brytanii do Polski — od Konferencji pokojowej w Paryżu po uznanie wschodnich granic Rzeczypospolitej 1919–1923 // *Historia Slavorum Occidentis*. 2012. N 1. S. 152.

¹³ Версальский мир. URL: http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19190628versal.php (дата обращения: 13.02.2020).

Память, история, политика в Польше и на Украине: подходы к интерпретации переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг.

Анна Романовна Лагно, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: lagnoaanna@gmail.com

Ключевые слова: репатриация, эвакуация, принудительная миграция, польская историография, украинская историография, Вторая мировая война, польско-украинский конфликт 1939–1947 гг., Волынская резня, Украинская повстанческая армия, операция «Висла»

Memory, History, Politics in Poland and Ukraine: Approaches to Study of Forced Migration 1944–47

Anna R. Lagno, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia Federation;
e-mail: lagnoaanna@gmail.com

Keywords: repatriation, evacuation, forced migration, Polish historiography, Ukrainian historiography, World War Two, Polish-Ukrainian conflict 1939–47, Massacres of Poles in Volhynia, Ukrainian Insurgent Army, Operation *Vistula*

В межвоенный период отношения с национальными меньшинствами у польского государства складывались весьма неоднозначно, Вторая мировая война осложнила их еще больше. Власти Третьего Рейха проводили политику подавления национального самосознания поляков, при этом активно использовали национальные разногласия и сепаратистские настроения украинского населения многоэтничной Второй Речи Посполитой¹. На Тегеранской конференции союзники по антигитлеровской коалиции в общих чертах договорились

о послевоенных границах Польши между «линией Керзона» и р. Одер. Таким образом, в качестве компенсации за утрату довоенных территорий на востоке Польша получала немецкие земли на западе. Проблему национальных меньшинств не только в Польше, но и в целом ряде других стран, союзники рассматривали на Потсдамской конференции, где на самом высоком уровне была поддержана идея переселений. Украинское население должно было переехать в СССР, а немецкое — в пределы Германии; в свою очередь, поляков активно поощряли переселяться с тех территорий, которые более не принадлежали польскому государству. В условиях военного и послевоенного времени обмен населением не мог проходить гладко в плане организации, часто он сопровождался запугиванием и насилием.

Современное состояние исследований этих проблем, а также многотомные публикации документов, подготовленные польскими и украинскими историками, дают возможность, с одной стороны, углубиться в детали и воссоздать события чуть ли не каждого дня, с другой же стороны, ознакомление со всем этим массивом информации является своего рода вызовом для любого исследователя. Прежде чем охарактеризовать состояние исторических исследований в области переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг., представляется немаловажным сперва задаться вопросом: почему эта тема столь популярна? Ответ на него позволит не только описать различия в интерпретациях профессиональным сообществом историков двух стран сложного совместного прошлого, но и поразмышлять на тему взаимосвязи истории, памяти и политики.

Проблематика переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг. на польско-украинском пограничье имеет богатую научную литературу, попытка обобщить которую уже не раз предпринималась польскими и украинскими историками². Любопытно, что заголовки историографических статей указывают на повышенный интерес к финальному

эпизоду этих процессов: операции «Висла» 1947 г. История переселений связана также и с двумя другими темами, относительно которых существуют значительные расхождения в интерпретациях среди польских и украинских историков: трагическими событиями на Волыни и в Восточной Галиции 1943–1944 гг. и деятельностью Украинской повстанческой армии на этих территориях³.

В советское время тема переселений 1944–1947 гг. была табуирована, она не только не являлась предметом специальных исследований профессиональных историков, но и сами переселенцы предпочитали лишней раз не рассказывать об этих событиях. После распада СССР и социалистического лагеря стало возможно открыто говорить о «белых пятнах» истории, о фактах, которые в силу идеологических причин, замалчивались или интерпретировались односторонне; появилась масса воспоминаний свидетелей событий 1940-х годов как с польской, так и с украинской стороны. Очевидно, что мемориальные дискурсы различались, в каждой стране концентрировались на собственном прошлом и в основном на собственных страданиях.

Для польской стороны переселения с Восточных кресов имеют прямую связь с деятельностью УПА на польско-украинском пограничье. В воспоминаниях поляки подчеркивали, что они вынуждены были оставить свою родную землю из-за боязни быть убитыми «бандеровцами»⁴. Ключевые трагические события в этом контексте — это этнические чистки на Волыни и в Восточной Галиции 1943–1944 гг. Украинцы тоже не желали переселяться в УССР, оставлять свои дома и могилы предков, но вынуждены были пойти на это вследствие «жестокого террора польско-большевистских банд»⁵. Воплощением трагизма переселений и всех страданий украинцев в Польше стала операция «Висла» 1947 г. И поляки, и украинцы, пережившие этот травматический опыт, смогли солидаризироваться, объединиться в организованный

коллектив и создать формы коммеморации, передающиеся из поколения в поколение. Как полагает исследователь исторической памяти А. Ассман, именно от этого зависит «обретет ли жертвенная память социальной группы форму коллективной и культурной памяти», поскольку невинным жертвам необходимо сочувствие, а память о перенесенных страданиях нуждается в «публичном признании и общественном резонансе»⁶.

Польские и украинские общественные организации с начала 1990-х гг. пытались оказать давление на польские или/и украинские местные и центральные власти с тем, чтобы трагические события 1940-х гг. получили соответствующую оценку (и желательно на самом высоком уровне), чтобы преступники были заклеимены, а память о жертвах — увековечена. С особенной остротой эти вопросы обсуждались накануне годовщин соответствующих событий, и если в 1990-е гг. доминировал либеральный дискурс в истории, апеллирующий к взаимному прощению и признанию ответственности за темные страницы своего прошлого, то с началом нового столетия начался консервативный ренессанс, адепты которого требовали не каяться, а защищать доброе имя своего народа⁷. Обсуждение трагических событий прошлого очевидцами, их потомками и политиками не могло не привлечь профессиональных историков. Хотя воспоминания не являются надежными историческими источниками, но все же «история» и «память» неразрывно взаимосвязаны: «мемориальная культура слепа без исторической науки, а историческая наука пуста без взаимодействия с памятью»⁸.

В настоящее время высокая конфликтность при обсуждении совместного исторического прошлого между соседними польским и украинским народами сохраняется. Как считает украинский историк Г.В. Касьянов, это связано с тем, что в силу различных причин и в Польше и на Украине доминирует запрос на классический национальный исторический

нарратив, который предполагает «особое внимание жертвенно-виктимным и героическим аспектам национальной истории»⁹, что не способствует лучшему пониманию другой стороны и избавлению от взаимных негативных стереотипов.

Примечания

¹ Польша в XX веке. Очерки политической истории / под ред. А.Ф. Носковой. М., 2012. С. 289.

² *Цепенда І.Е.* Операція «Вісла» в польській історіографії // Український історичний журнал. 2002. № 3. С. 84–93; *Sowa A.* Akcja “Wisła” w polskiej historiografii — aktualne problemy badawcze // Akcja “Wisła” / ed. J. Pisuliński. Warszawa, 2003. S. 12–25; *Bortnik K.* Akcja “Wisła” na tle badań ukraiноznawczych w polskiej historiografii powojennej — zarys problematyki // Biuletyn Ukrainoznawczy. 2005. 11. S. 127–179; *Ільющин І.* Переселенческо-депортаційні акції 1944–1947 гг. на українсько-польському пограниччі: дискусійні питання в новітній українській історіографії // Журнал російських і східноєвропейських історических досліджень. 2012. № 4 (1). С. 83–91.

³ См., напр.: *Сергіійчук В.* Трагедія українців Польщі. Тернопіль, 1997; *Przed akcją “Wisła” był Wołyń* / pod red. W. Filara. Warszawa, 2000; *Siemaszko W., Siemaszko E.* Ludobójstwo dokonane przez ukraińskich nacjonalistów na polskiej ludności Wołynia. Warszawa, 2000. T. 1–2; *Ільющин І.* ОУН-УПА і українське питання в роки Другої світової війни (в світлі польських документів). Київ, 2000; *Мотыка Г.* От волынской резни до операции «Висла». Польско-украинский конфликт: 1943–1947. М., 2014.

⁴ См., напр.: *Białowąs J.* Krwawa Podolska Wigilia w Ithrowicy w 1944 r. Lublin, 2003. S. 52.

⁵ См., напр.: *Депортації. Західні землі України кінця 30-х — початку 50-х рр.: Документи, матеріали, спогади* / ред. Ю. Сливка. Львів, 2002. Т. 3. С. 25 и др. воспоминания в этом томе.

⁶ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014. С. 77–79.

⁷ *Dudek A.* Political Assessment of the Past in Poland // Europe and Latin America — looking at each other? Warsaw, 2010. P. 303–330; *Миллер А.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. «Секьюритизация памяти»: историческая вина в руках политических антрепренеров // *Полития*. 2016. № 1 (80). С. 111–121.

⁸ *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2019. С. 245.

⁹ Подробнее см.: *Касьянов Г.В.* Украина и соседи. Историческая политика. 1987–2018. М., 2019. С. 218–239.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.23

**Образ героя-воина
в сербском национальном самосознании:
к постановке вопроса***

*Дина Дмитриевна Копанева, Татьяна Германовна Черных,
Ксения Александровна Костоусова*, Санкт-Петербургский
государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация; e-mail: st036379@spbu.ru

Ключевые слова: Сербия, национальное самосознание, герой-
воин, воин-защитник, Косово, историческая память

**The Image of Hero-Warrior
in Serbian National Self-Consciousness:
On a Formulation of the Question**

Dina D. Kopaneva, Tatyana G. Chernykh, Ksenia A. Kostousova,
St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation; e-mail: st036379@spbu.ru

Keywords: Serbia, national self-consciousness, hero-warrior,
warrior-defender, Kosovo, historical memory

В исторической памяти сербского народа особое место занимает образ воина. Его кристаллизации немало способствовали военные конфликты, в которые была вовлечена Сербия на протяжении всей своей истории. Большая их часть носила

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК-1715.2019.6 «Образ героя в дискурсе национального самосознания сербского народа».

оборонительный или освободительный характер, что повлияло на формирование фигуры защитника Сербии и ее национальных интересов. Цель настоящего исследования — на основании анализа ключевых образов героев-воинов, сформировавшихся в сербской культуре на протяжении XIV–XXI вв., выявить общезначимый образ и его характерные черты.

Каждое значимое событие военной истории оставляло устойчивый след в народной памяти в лице не только реальных исторических персонажей, но формировало общую, собирательную фигуру безымянного сербского воина. Самый ранний образ сербского воина-защитника относится к Косовской битве — событию, сохраняющему для сербов актуальность вплоть до современности. В качестве конкретных героев этого сражения в национальной памяти прочно укоренились князь Лазарь, Милош Обилич и другие исторические и легендарные (Косовская девушка, Юг Богдан и Юговичи) персонажи. Герои Косовской битвы почти сразу же заняли особое место в культурной памяти, где сформировался целый цикл народной поэзии и песен, получивший название Косовского. В XX–XXI вв. тема Косова получила развитие в художественном¹ и документальном² кино, детской литературе³, музыке и т. д. По сей день сражение на Косовом поле присутствует во всех сферах сербской культуры: начиная от народного творчества, заканчивая государственными начинаниями. В сербском образовании этому событию посвящают особые разделы.

После Косовской битвы Сербия надолго оказалась под турецким гнетом. В этот период актуальна фигура воина-мстителя, воплощением которой стал Королевич Марко. Реальный исторический персонаж, Марко Мрнявчевич, правивший в Прилепе во второй половине XIV в. и находившийся в вассальной зависимости от турецкого султана, послужил источником для формирования своего легендарного воплощения в сербском героическом эпосе. В песнях о Марко

нашли свое отражение мечты сербов о защите, освобождении от турецкого гнета и отмщении за свой народ.

В сложившихся условиях османского владычества, централизованное и успешное сопротивление туркам сформировалось лишь к XIX в. Его олицетворением стали народные вожди Милош Обренович и Карагеоргий. СобираТЕЛЬНЫМ образом героев данной эпохи выступили повстанцы — участники народной освободительной борьбы. Историческая память об этих событиях сохранена в эпических жанрах, а также нашла свое отражение в монументальном искусстве: так, один из памятников Карагеогию находится в центре Белграда, у собора святого Саввы — значимого религиозного символа Сербии. Имена этих исторических деятелей также носят населенные пункты и улицы.

Первая мировая война обернулась для Королевства Сербии оккупацией, разрухой, колоссальными жертвами и голодом. Выразилось это прежде всего в людских потерях — и среди военных, и среди мирного населения. Вследствие этого Первая мировая война воспринимается в Сербии как катастрофа — военная, гуманитарная и национальная. В этот период национальный дискурс обогатился новыми типажам: ребенок–воин (Момчило Гаврич) и женщина–воин (Милунка Савич, София Йованович). Сохранились и прежние образы: воин–правитель (король Петар Карагеоргиевич), военачальник (генералы Радомир Путник и Живойин Мишич), скорбящая, милосердная женщина, подобная Косовской Деве (русская сестра милосердия Дарья Александровна Коробкина). Однако на первое место в народной памяти выходит подвиг и страдание простых солдат. Существуют несколько сюжетов об этом периоде, среди которых можно отметить «Албанскую Голгофу» и «Носки короля Петра».

Героические образы, сформированные в ходе Второй мировой войны и после ее окончания, до сих пор неоднозначно оцениваются в Сербии. В первую очередь это касается таких исторических личностей, как Драголюб Михаилович и Йосип

Броз Тито. В качестве собирательных образов в этот период выступают идеализированные фигуры четника и партизана. Оба они воспринимались как защитники сербского народа. На государственном уровне получила развитие именно партизанская составляющая, дав начало так называемому партизанскому направлению кинематографа, ставшему своеобразной визитной карточкой Югославии. Из других важных направлений «партизанского» в массовой культуре стоит выделить комиксы, такие как «Никад робом» — история о двух мальчиках-партизанах (Мирко и Славко) авторства Десимира Жижовича Буина. Однако с окончанием коммунистического периода и распадом Югославии партизанская тематика почти полностью была вытеснена из общественной риторики националистической. В настоящий момент, впрочем, наблюдается некоторый обратный эффект — так называемая югоностальгия.

События балканских конфликтов 1990-х гг. из-за своей неоднородности также имели своим следствием появление целого ряда героев, неоднозначно воспринимаемых в разных кругах. Фигуры генерала Ратко Младича, Слободана Милошевича и других участников данных событий в настоящее время мы встречаем в основном в стихийных проявлениях массовой культуры. К таковым можно отнести уличные граффити и интернет-творчество. Представляется, что общего «положительного» образа сербского героя эти войны не дали.

Проводя краткий экскурс динамики развития образа военного героя Сербии, важно отметить, что их персоналии по большей части неоднозначно трактуются различными группами населения. Историческая фигура, воспринимаемая как герой одними сербами, для других вполне может являться антигероем. В качестве объединяющего мифа, являясь неким единым знаменем, полезным для мирной пропаганды и для военной мобилизации выступает лишь битва на Косовом поле⁴. Косовский герой в настоящее время

остаётся наиболее актуальным и востребованным образом героя-защитника, вызывающим наименьшие споры. Он отражает идею защиты страны от иностранных захватчиков, выступает хранителем православия и олицетворением жертвы во спасение народа. До настоящего времени Косово по-прежнему воспринимается как духовное сердце Сербии и средоточие святынь, а проникновение косовского героя во все сферы культуры способствует его укоренению. Косовский эпизод и его герои в этих условиях выступают в качестве точки консенсуса, способствуя идее национального объединения, представляющей большую актуальность для сербов.

Примечания

¹ См., например, фильмы «Прослава 550-е годишњице Косовске битке» (1939), Косовский бой (1989).

² Подробнее см.: *Копанева Д.Д.* Сербский средневековый герой в документальной драме: к вопросу об особенностях отображения // Ученые записки НовГУ. 2019. № 6 (24). С. 1–4.

³ *Станишић С.* Кнегиња Милица и девет Југовића. Чачак, 2019; *Idem.* Милош Обилић: јунак над јунацима. Чачак, 2019; *Idem.* Милош Обилић и мач српске ватре. Београд, 2017.

⁴ *Ramet S.* Dead Kings and National Myths: Why Myths of Founding and Martyrdom Are Important // *Civic and Uncivic Values: Serbia in the Post-Milosevic Era* / eds. S. Ramet, D. Dulic, O. Listhaug. Budapest; New York, 2011. P. 291.

РОЛЬ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.24

Чешские и словацкие организации в США в годы Второй мировой войны

Артём Викторович Зорин, Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация;
e-mail: arzor@list.ru

Ключевые слова: чехословацкая эмиграция, американские чехи, американские словаки, Чехословацкий национальный совет Америки

Czech and Slovak Organisations in the USA during the Second World War

Artem V. Zorin, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation; e-mail: arzor@list.ru

Keywords: Czechoslovak emigration, American Czechs, American Slovaks, Czechoslovak National Council of America

В марте 1939 г. Чехословацкая республика (ЧСР) была разделена Германией на включенный в состав рейха Протекторат Богемии и Моравии и марионеточное Словацкое государство. Эти события повлияли не только на жизнь чехов и словаков на родине, но и на их земляков в других странах.

Наиболее крупные общины выходцев из Чехословакии проживали в США. Согласно переписи 1940 г., таковых было 985 тыс. Из них 320 тыс. родились за границей, 665 тыс. являлись американцами в первом поколении. 520 тыс. жителей

США считали родным языком чешский, 475 тыс. — словацкий. Поскольку перепись не учитывала американцев иностранного происхождения во втором и последующих поколениях, реальная численность чешской и словацкой общин была крупнее. Больше всего чехов и словаков проживало в северо-восточных штатах: Пенсильвании, Иллинойсе, Огайо, Нью-Йорке. Из крупных городов — в Нью-Йорке, Чикаго, Кливленде и Питтсбурге¹.

В США функционировали десятки чешских и словацких организаций. Крупнейшими из них, включавшими в себя и более мелкие, являлись Чешско-американский национальный альянс и Словацкая лига Америки. Еще в 1918 г. они учредили Чехословацкий национальный совет Америки (ЧНСА), боровшийся за создание Чехословацкой республики. После выполнения этой задачи, совет прекратил активную деятельность. Необходимость в его возрождении возникла весной 1939 г., когда находившийся в США после отставки с поста президента ЧСР Э. Бенеш начал формировать основу национально-освободительного движения².

Воссоздание ЧНСА произошло в Чикаго 18–20 апреля 1939 г. К тому времени между американскими чехами и словаками произошел раскол. Первые были готовы поддержать призывы к борьбе за воссоздание ЧСР, симпатии большинства последних оказались на стороне Словацкого государства. Его сторонником стала Словацкая лига, объединявшая преимущественно католические общины Америки. Ее руководство упрекало чехословацкое правительство в нарушении прав своих соотечественников, поддерживая клерикальный словацкий режим.

Место лиги в ЧНСА занял учрежденный в те же дни в Чикаго Словацкий национальный альянс Америки³, объединявший главным образом протестантские общины Иллинойса и Пенсильвании⁴. Организациями — членами совета также стали Национальный альянс чешских католиков и Федерация американских чехословаков Техаса⁵. Уже

в апреле 1939 г. ЧНСА обратился к Бенешу с просьбой возглавить движение за восстановление Чехословакии⁶.

Точное количество членов упомянутых организации трудно подсчитать. В обращениях к правительству США лидеры ЧНСА указывали на право представлять интересы 300 тыс. чехов и словаков Америки⁷. Согласно оглашенным в июле 1945 г. на съезде совета сведениям, в нем состояло около 75 тыс. человек и 370 местных отделений⁸. Словацкая лига претендовала на представительство не менее 150 тыс. американцев словацкого происхождения⁹.

Поддерживавшие Бенеша организации во главе с ЧНСА действовали в тесном взаимодействии с чехословацкими дипломатическими структурами. Они выполняли функцию финансовой и информационно-пропагандистской поддержки. Последняя велась через периодические издания на чешском, словацком и английском языках.

Деятельность национальных организаций можно разделить на три основных периода. 1939–1941 гг. характеризовались консолидацией двух лагерей вокруг идеи восстановления ЧСР с одной стороны и поддержки ее раздела — с другой. Правительство США не признало расчленения ЧСР и создания Словацкой республики, объявив это актом агрессии. В Вашингтоне продолжало работать чехословацкое посольство. Однако США отказывались установить официальные отношения с чехословацким правительством в изгнании до июля 1941 г.¹⁰ Руководство чехословацких дипломатических учреждений в США уже в марте 1939 г. поддержало Бенеша и признало его лидерство¹¹. На этом этапе деятельность ЧНСА была направлена на информационную и финансовую поддержку лондонского правительства. Словацкая лига выступала с критикой этой деятельности, поддерживая словацкий режим. Официальные власти США предпочитали дистанцироваться от этих разногласий, сохраняя нейтралитет.

После вступления США в войну начинается второй этап. 1942–1944 гг. ознаменовались переходом организаций на патриотическую повестку и нарастанием внутренних противоречий, особенно в словацкой среде. Руководство Словацкой лиги вынуждено было отмежеваться от поддержки словацкого режима и искать новую платформу. Словацкий альянс оказался расколотым после прибытия в США в октябре 1941 г. бывшего премьер-министра ЧСР М. Годжи. Пропагандируя идею автономии Словакии, он смог оторвать от альянса и лиги часть членов, создавших собственное движение. Его численность составляла до 80–100 тыс. человек¹².

В мае 1943 г. США с официальным визитом посетил Бенеш. Получив поддержку Вашингтона, он укрепил позиции эмигрантского правительства и его сторонников. Бенеш отказал американским словакам в праве представлять интересы соотечественников на родине. В то же время президент признал некоторые ошибки в управлении довоенной ЧСР. Это обеспечило более благоприятное отношение к ЧНСА со стороны умеренных словацких групп и властей США¹³.

На последнем этапе, в 1944–1945 гг. раскол в словацкой среде удалось частично преодолеть. Активность автономистского движения стало затихать после смерти Годжи летом 1944 г. Многие сторонники словацкой независимости были вынуждены отказаться от своих радикальных требований¹⁴. В конце войны наметился и постепенный переход национальных организаций к новым функциям: сбору благотворительных средств и поддержке культурного взаимодействия¹⁵.

В годы войны чехам и словакам в США не удалось создать единой организации для поддержки освободительного движения на родине. Укоренившиеся разногласия оказались слишком глубокими и непреодолимыми. Главным очагом противоречий стал вопрос о послевоенном устройстве ЧСР и чешско-словацких отношениях. Между тем, по

свидетельствам некоторых участников национальных организаций, их рядовые члены, граждане США, мало интересовались проблемами своей исторической родины. Борьба шла в основном между политическими лидерами¹⁶.

Примечания

¹ US Department of Commerce. Sixteen Census of the United States: 1940. Population. Nativity and Parentage of the White Population. Mother Tongue. Washington, 1943. P. 15–57. URL: www.census.gov/library (дата обращения: 20.02.2020 г.).

² Зорин А.В. Проблема признания США чехословацкого правительства в изгнании в годы Второй мировой войны // Славяноведение. 2017. № 3. С. 31–34.

³ *Paránek J.* Organization in the United States of the Struggle for Czechoslovakia's Independence, 1938 to 1941 // *Czechoslovakia Past and Present*. Vol. I. The Hague, 1968. P. 217.

⁴ Hoover to Lyon. February 9, 1945 // US National Archives and Records Administration (NARA). RG 59. CDF 1945–1949. 860F.01/2-945.

⁵ Hoover to Lyon. February 10, 1945 // NARA. RG 59. CDF 1945-1949. 860F.01/2-1045.

⁶ *Paránek*. Op. cit. P. 217.

⁷ Zmrhal to Hoskins. December 19, 1941 // NARA. RG59. DF 1910-1944. 860F.01/464.

⁸ Hoover to Lyon. October 15, 1945 // NARA. RG 59. CDF 1945-1949. 860F.01/10-1545.

⁹ FNB Memorandum № 124. May 5, 1943 // NARA. RG59. DF 1910-1944. 860F.001/146.

¹⁰ Зорин А.В. Ук. соч. С. 30–43.

¹¹ *Paránek J.* Op. cit. P. 216.

¹² Berle to Poole. September 17, 1942 // NARA. RG59. DF 1910-1944. 860F.00/993.

¹³ FNB Memorandum № 133. June 26, 1943 // NARA. RG 165. MID. Regional File, 1922–1944. Box 690.

¹⁴ Hoover to Lyon. February 9, 1945 // NARA. RG 59. CDF 1945-1949. 860F.01/2-945.

¹⁵ Hoover to Lyon. October 15, 1945 // NARA. RG 59. CDF 1945-1949. 860F.01/10-1545.

¹⁶ Hoover to Lyon. February 9, 1945 // NARA. RG 59. CDF 1945-1949. 860F.01/2-945.

**Идеи славянской солидарности
в политической риторике ультраправых партий
Словацкой Республики в 2004–2018 гг.
(на примере Народной партии — Наша
Словакия и Словацкой национальной партии)**

Никита Юрьевич Шишов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация; e-mail: shishoff.nickita2012@yandex.ru

Ключевые слова: Словакия, ультраправые, идеи славянской солидарности, *Kotlebovci-L'SNS*, *SNS*

**The Ideas of Slavic Solidarity
in the Political Rhetoric of the Far-Right Parties
of the Slovak Republic in 2004–18
(On the Example of “Kotlebists — People’s Party
Our Slovakia” and “Slovak National Party”)**

Nikita Yu. Shishov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; e-mail: shishoff.nickita2012@yandex.ru

Keywords: Slovakia, far-right, the ideas of slavic solidarity, *Kotlebovci-L'SNS*, *SNS*

Специфика словацкого национализма заключается в особой роли идей славянской солидарности в общественно-политической жизни страны. В связи с этим важно проследить значение данных идей в политической риторике наиболее успешных право-радикальных партий современной Словацкой Республики: Народная партия — Наша Словакия (*Kotlebovci — Ludová strana Naše Slovensko / Kotlebovci-L'SNS*; далее — НП-НС) и Словацкая народная партия (*Slovenská národná strana / SNS*; далее — СНП).

НП-НС и СНП — ведущие право-радикальные партии Словацкой Республики (на парламентских выборах 2016 г., НП-НС получила 14 мандатов, а СНП — 15¹; по итогам парламентских выборов 2020 г., НП-НС получила 17 мандатов, СНП не преодолела пятипроцентный избирательный барьер²), выступающие за тесное экономическое, культурное и политическое сотрудничество Словакии со славянскими странами.

Деятельность право-радикальных политических партий Словакии рассматривали известные словацкие историки и политологи, такие как А. Клуковска³, Г. Месежников и О. Гарфашова⁴. Однако идеи славянской солидарности во внешнеполитических воззрениях право-радикальных партий не становилась предметом пристального изучения. Выбор в качестве объекта исследования России, Украины и Сербии обусловлен тем, что это крупнейшие славянские государства, не входящие в Европейский союз и имеющие тесные контакты со Словацкой Республикой.

Исследование основано на рассмотрении политических программ и заявлений партий в отношении России, Сербии и Украины в 2004–2018 гг.

1. Российская Федерация

Симпатии НП-НС к России базируются на идее славянской солидарности, что находит отражение в лозунгах партии — например, «За славянское братство, против войны с Россией»⁵.

Идеи славянской солидарности можно увидеть и в конструировании образа «свой — чужой», если Россия — друг, то Запад и США, «стремящиеся любой ценой поставить Россию на колени и приблизиться к доминированию в мире»⁶ — злейшие враги, угрожающие национальным интересам Словакии.

НП-НС не признала вхождение Крыма в состав России, однако лидер партии М. Котлеба во время президентской

кампании 2019 г. выступил за снятие санкций, признав Крым частью России⁷.

Идеи славянской солидарности в риторике СНП основываются на родстве культуры и языка России и Словакии⁸. Тем не менее партия предпочитает говорить о тесном культурном и экономическом сотрудничестве двух стран, во многом опуская политические проблемы. На этом основании партия, не признавая Крым частью России, призывает к отмене антироссийских санкций, и проведение Словакией политики «славянского моста» между Евросоюзом и Россией⁹.

2. Сербия

НП-НС с огромной симпатией относится к Сербии. Партия критикует военную операцию НАТО в Югославии 1999 г.: по ее мнению, итогом стало «создание преступного государства Косово»¹⁰, которое «является практическим примером мусульманской экспансии в Европе»¹¹. Лидер партии Котлеба восхищается фигурой бывшего президента Югославии — С. Милошевича, называя его «сербским национальным героем»¹².

В одной из своих речей Котлеба заявил следующее: «Для нас сербы всегда будут братьями, Косово навсегда останется сербским! Мы, славяне, должны и будем помогать друг другу, защищая земли наших предков»¹³.

В заявлениях СНП подчеркивается, что теплые отношения Словакии и Сербии базируются на идеях славянской солидарности, тесных исторических, культурных и политических связях. Лидер партии А. Данко говорил в парламенте Сербии: «Мы, словаки, считаем сербов частью нашего славянского мира [...] В мире не так много наций, которых мы можем назвать братьями. Словацкая нация всегда будет поддерживать своих южных братьев»¹⁴.

Тем не менее СНП выступает с позиции еврославизма, то есть тесного сотрудничества славянских народов в рамках ЕС. Партия является одним из ключевых лоббистов принятия Сербии в Евросоюз¹⁵. Выступая за необходимость

мирного урегулирования конфликта Сербии и Косово, СНП, однако, не признает независимости Косово, называя его «отколовшейся провинцией»¹⁶, а его правительство — «автономным»¹⁷.

3. Украина

Идеи славянской солидарности в отношении Украины в политической программе НП-НС ярче всего проявились во время Евромайдана 2013–2014 гг. Котлеба направил письмо президенту Украины В. Януковичу, в котором содержатся следующие строки: «как славянин я в полной мере осознаю, за что в настоящее время идет борьба [...] в интересах будущего славянских народов прошу Вас и взываю, чтобы вы ни в коем случае не уступали группам, которые посредством уличных беспорядков и нападений на госучреждения и их представителей пытаются разбить территориальную целостность Украины и поставить под угрозу ее суверенность и независимость»¹⁸.

СНП не использует тему славянской солидарности в отношении Украины. Партия занимала сдержанную позицию в отношении событий 2013–2014 гг., призывая к мирному решению конфликта на юго-востоке страны. Лидер партии в одном из интервью заявил: «Я не тот человек, который доверяет Порошенко [...] Мы должны внимательно изучить все события и факты [...] Давайте не будем скоропалительно обвинять Россию и накладывать миллионы санкций, так как мир между Украиной и Россией очень важен»¹⁹.

Таким образом, идеи славянской солидарности занимают важное место в политических программах праворадикальных партий Словакии: обе партии признают сербов «братским народом», русских «дружественным народом», касательно украинцев риторика НП-НС отличается резко, партия занимает бескомпромиссную позицию в отношении действующей власти, СНП же предпочитает не упоминать славянские корни Украины, призывая к мирному урегулированию внутреннего конфликта.

Примечания

¹ Definitívne Výsledky Hlasovania // Official site Vol'by do Národnej Rady SR 2016. URL: <http://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2016/en/data03.html> (дата обращения: 06.04.2020).

² Platné hlasy odovzdané pre politické subjekty podľa územného členenia Výsledky za SR // Official site Vol'by do Národnej Rady SR 2020. URL: <https://volbysr.sk/sk/data02.html> (дата обращения: 06.04.2020).

³ Kluknavská A. Od Štúra k parazitom. Tematická adaptácia krajnej pravice v parlamentných voľbách na Slovensku // Czech Journal of Political Science. 2013. N 3. S. 258–281.

⁴ Mesežnikov, G., Gyárfášová O. Súčasný pravicový extrémizmus a ultranacionalizmus na Slovensku. Stav, trendy, podpora. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky; Hanns Sediel Stiftung, 2016.

⁵ Кандидат в президенты Словакии Мариан Котлеба: «За выход из НАТО, против войны с Россией» // Царьград-ТВ. Режим доступа: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ftsargrad.tv%2Farticles%2Fkandidat-v-prezidenty-slovakii-marian-kotleba-za-vyhod-iz-nato-protiv-vojny-s-rossiej_188845 (дата обращения: 23.02.2020).

⁶ Vyzyvame Pellegriniho, aby zastavil protiruské besnenie a nehlasoval za predĺženie sankcií // Official site Kotlebovci — Ludová strana Naše Slovensko. URL: <http://www.naseslovensko.net/nase-nazory/zahranicna-politika/vyzyvame-pellegriniho-aby-zastavil-protiruske-besnenie-a-nehlasoval-za-predlzenie-sankcii/> (дата обращения: 25.02.2020).

⁷ Кандидат в президенты Словакии Мариан Котлеба ...

⁸ Andrej Danko: Som rád, že sa potvrdzujú moje slová, že svet musí spolupracovať s Ruskom // Official site Slovenská národná strana. URL: <https://www.sns.sk/andrej-danko-som-rad-ze-sa-potvrduju-moje-slova-ze-svet-musi-spolupracovat-s-ruskom/> (дата обращения: 03.03.2020).

⁹ Andrej Danko: Máme vlastný názor, ktorý môže byť iný, niekedy aj kritický, no nikdy nie je nepriateľský // Official site Slovenská národná strana. URL: <https://www.sns.sk/andrej-danko-mame-vlastny-nazor-ktory-moze-byt-iny-niekedy-aj-kriticky-no-nikdy-nie-je-nepriateltsky/> (дата обращения: 27.02.2020).

¹⁰ Na zločinecké bombardovanie Juhoslávie vojskami NATO nikdy nezabudneme! // Official site Kotlebovci — Ludová strana Naše Slovensko. URL: <http://www.naseslovensko.net/nase-nazory/vyhlasenia/na-zlocinecke-bombardovanie-juhoslavie-vojskami-nato-nikdy-nezabudneme/> (дата обращения: 01.03.2020).

¹¹ Ibid.

¹² Vyhlásenie LS Naše Slovensko k zamlčevaným faktom o nevine Slobodana Miloševića // Official site Kotlebovci — Ludová strana Naše Slovensko. URL: <http://www.naseslovensko.net/nase-nazory/vyhlasenie-ls-nase-slovensko-k-zamlciavanym-faktom-o-nevine-slobodana-milosevica/> (дата обращения: 07.03.2020).

¹³ LS Naše Slovensko spojila sily s bratmi Srbmi. Brat za brata, za spoločnú budúcnosť! // Official site Kotlebovci — Ludová strana Naše Slovensko. URL: <http://www.naseslovensko.net/nase-nazory/zahranicna-politika/lis-nase-slovensko-spojila-sily-s-bratmi-srbmi-brat-za-brata-za-spolocnu-buducnost/> (дата обращения: 28.02.2020).

¹⁴ A. Danko — Sme Slovania, a preto spoločne zachovajme a rozvíjajme náš slovanský svet // Official site Slovenská národná strana. URL: <https://www.sns.sk/a-danko-sme-slovania-a-preto-spolocne-zachovajme-a-rozvi-jajme-nas-slovansky-svet/> (дата обращения: 08.03.2020).

¹⁵ A. Danko — Srbsko a Čierna Hora patria do EÚ // Official site Slovenská národná strana. URL: <https://www.sns.sk/a-danko-srbsko-a-cierna-hora-patria-do-eu/> (дата обращения: 28.02.2020).

¹⁶ SNS protestuje proti zriadeniu armády v Kosove // Official site Slovenská národná strana. URL: <https://www.sns.sk/sns-protestuje-proti-zriadeniu-armady-v-kosove/> (дата обращения: 25.02.2020).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Kotleba napísal Janukovyčovi list: Neustúpte! // Official site Actuality. SK. URL: <https://www.aktuality.sk/clanok/245111/kotleba-napisal-janukovy-covi-list-neustupte/> (дата обращения: 07.03.2020).

¹⁹ Andrej Danko: Ukrajina už nás raz údajne mŕtvym novinárom oklamala. Bojím sa, aby sa s nami niektorí ľudia opäť nehrali // Official site Slovenská národná strana. URL: <https://www.sns.sk/andrej-danko-ukrajina-uz-nas-raz-udajne-mrtvym-novinarom-oklamala-bojim-sa-aby-sa-s-nami-niektori-ludia-opat-nehrali/> (дата обращения: 05.03.2020).

Парламентские выборы в Словакии: неожиданные результаты на фоне грядущего кризиса

Михаил Владимирович Ведерников, Институт Европы
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: vishma@mail.ru

Ключевые слова: Словакия, парламент, «Обычные люди и независимые личности», «СМЕР — социальная демократия», Игорь Матович

Parliamentary Election in Slovakia: Unexpected Results amid Coming World Crisis

Mikhail V. Vedernikov, Institute of Europe, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: vishma@mail.ru

Keywords: Slovakia, Parliament, Ordinary people, SMER — social democracy, Kotleba, Robert Fico, Igor Matovič

Двадцать девятого февраля 2020 г. в Словакии прошли очередные парламентские выборы, которые, несмотря на ожидаемые итоги — потеря правящей партии «Направление — социал-демократия» (*SMER-sociálna demokracia*; Н-СД) лидирующих позиций — продемонстрировали кардинальные перемены в расстановке партийно-политических сил. Предвкушение многих аналитиков о победе либеральных партий не стало реальностью; фаворит предвыборных прогнозов коалиция партий «Прогрессивная Словакия» и «Вместе» не смогла пробиться в парламент.

На этом фоне успех движения «Обычные люди и независимые личности» (*Obyčajní ľudia a nezávislé osobnosti*; ОЛиНЛ) — первое место с преимуществом в 7% от ближайшего «преследователя» — стал неожиданным. За несколько месяцев до голосования ОЛиНЛ не было в числе главных претендентов на победу, а ее лидер Игорь Матович — экс-

траординарный и скандальный политик — вряд ли мог всерьез рассматриваться в качестве потенциального главы правительства. Впрочем, взятая им на вооружение риторика, обличающая коррупцию, злоупотребление власти в высших кругах на фоне теряющей популярность партии Н-СД и проходящих судебных процессов над заказчиками убийства журналиста Яна Куциака¹, привлекла внимание словацких избирателей. Последние увидели в движении Матовича политическую силу, способную навести порядок в стране, не прибегая к кардинальным изменениям политической системы, которую предлагали провести либеральные партии.

Итоги выборов в Словакии стали подтверждением тренда, получившего в последние годы распространение в Европе. Он демонстрировал поддержку со стороны населения политических партий, не связанных с традиционным политическим истеблишментом. Так называемые партии политической альтернативы, выступающие с позиций несогласия с проводимым курсом правящих сил, и их представители за последние годы сумели победить на выборах (Хорватия)² и даже возглавить правительства (Украина)³. В других странах подобные партии, прибегающие к популистским методам, постоянно получали широкую поддержку от избирателей, проходили в законодательные органы, активно участвовали в политической жизни. В.Я. Швейцер видит причину их возникновения на пространстве ЕС в том, что классические партии не сумели найти адекватный ответ на «турбулентность экономической, социальной, внутри- и внешнеполитической ситуации»; «не были своевременно оценены факторы вне Евросоюза (президентство Д. Трампа, ИГИЛ*, украинский кризис, национал-реваншизм)»⁴.

Впрочем, для Словакии, в которой также проявилась эта тенденция, свойственен особый антиэлитарный характер победившей политической партии, который сочетается

* Запрещена в РФ. — *Прим. ред.*

с отсутствием в ее рядах дискуссии о несоответствующем положении страны в рамках ЕС. В программе ОЛиНЛ не было острой критики Брюсселя, более того проевропейский и прозападный курс рассматривался как безальтернативный*. Это отличало ее от иных европейских партий политической альтернативы, которые во многом строили свои программы вокруг критичной повестки в отношении ЕС.

Сочетание популизма («за все хорошее, против всего плохого») и антибюрократической, антикоррупционной, антиэлитной риторики, несомненно, способствовало победе ОЛиНЛ. Население устало от предыдущего правительства Н-СД и было готово голосовать за тех, кто обещал избавление от порочных практик его правления. Однако, как показывает опыт других стран, позитивный заряд подобной риторики истощается при возникновении кризисных ситуаций и появления необходимости принимать конкретные решения. В обстановке, когда новое правительство объединилось только благодаря плану антикоррупционных мер, расхождение в стратегии развития государства и долгосрочных проектах, скорее всего, неизбежно. Тот факт, что правящий кабинет сформирован из четырех разнородных партий, не может не сказаться на работоспособности коалиции. Наряду с нестабильной популистской силой, у которой отсутствует четкая структура (ОЛиНЛ), в правительство вошли либеральная партия, исповедующая западные ценности, которые не совсем близки остальным участникам коалиции («За людей»), популистская евроскептическая партия («Мы — семья») и партия, в составе которой И. Матович в 2010 г. прошел в парламент и выход из которой сопровождался громким скандалом («Свобода и солидарность»).

* Стоит оговориться и отметить, что за пределами нашего обзора остаются крайне правые партии, которые в последние пять лет получили активную поддержку в Словакии. Статус «нерукопожатных», которым их наделили остальные участники политического процесса, не дает им возможности участвовать в составлении правящих кабинетов из-за отсутствия у них возможных политических союзников.

В обстановке надвигающегося мирового кризиса, спада экономических показателей стран ЕС и опасности распространения коронавирусной эпидемии сложности у нового правительства несомненно будут. Отсутствие со стороны центральных органов ЕС адекватных мер по нейтрализации пандемии и по оказанию помощи странам, оказавшимся в наиболее затруднительном положении, несомненно приведет к усилению голосов евроскептических и националистических сил. В ситуации, когда новое словацкое правительство разнородно и разноидейно, не исключен вариант досрочных выборов.

Примечания

¹ *Ведерников М.В.* Политический кризис в Словакии 2018 г.: Отставка Р. Фицо и новый кабинет П. Пеллегрини // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2 (2). С. 72–79.

² *Кандель П.Е.* Президентские выборы в Хорватии и парламентские — в Косово // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 1. С. 43–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120204349>.

³ *Мироненко В.И.* «Украинский транзит» 2 // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 4. С. 21–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420192126>.

⁴ *Швейцер В.Я.* Партийно-политический ландшафт Европы: новые времена, новая диспозиция // Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. М., 2019. С. 10.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.27

Референдум как инструмент политического давления в условиях финансово-экономического кризиса (на примере современной Греции)

Анна Константиновна Александрова, Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

Ключевые слова: финансово-экономический кризис в Греции, кризис евро, референдум, Г. Папандреу, А. Ципрас, СИРИЗА

Referendum as an Instrument of Political Pressure during a Financial and Economic Crisis (The Case of Contemporary Greece)

Anna K. Aleksandrova, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

Keywords: financial and economic crisis in Greece, euro crisis, referendum, G. Papandreou, A. Tsipras, SYRIZA

В конституциях многих государств мира, в том числе и Греции, зафиксирована возможность проведения референдума. Референдум является важнейшим демократическим инструментом волеизъявления граждан по тому или иному значимому для страны вопросу. Однако зачастую всенародное голосование — и даже просто его вероятность — становится для находящихся у власти сил удобным способом заручиться поддержкой населения при реализации выгодных им решений и таким образом оказать давление на внутриполитических противников или внешних акторов¹. В Греции референдумы начали играть особую роль в последнее десятилетие: в условиях финансово-экономического кризиса правительства дважды обращались к этой идее, не будучи готовыми в переломные моменты принять на себя ответственность за будущее страны².

В конце 2009 г. в Греции начался глубокий финансово-экономический кризис, поставивший страну на грань дефолта. Спустя полгода, в мае 2010 г., греческое правительство во главе с Г. Папандреу вынуждено было подписать Меморандум о взаимопонимании с Еврокомиссией, Европейским центральным банком (ЕЦБ) и Международным валютным фондом (МВФ), согласно которому страна получала кредит в размере 110 млрд евро в обмен на обязательство провести серьезные структурные реформы и меры по сокращению бюджетных расходов.

Соглашение с «тройкой» международных кредиторов позволило на время купировать кризис и одновременно поддержать стабильность евро, пошатнувшегося в результате долговых проблем Греции. Однако строгие условия стабилизационной программы не позволяли экономике страны выйти из рецессии, что, в свою очередь, сводило на нет усилия правительства, направленные на бюджетную консолидацию и уменьшение государственного долга. Уже во второй половине 2011 г. стало очевидно, что Афинам нужны дополнительные — и даже еще более масштабные — антикризисные меры. 26 октября 2011 г. лидеры стран еврозоны и МВФ согласовали второй пакет международной помощи Греции, включавший новый кредит в размере 130 млрд евро и списание более 50% ее задолженности частным инвесторам; правительство, со своей стороны, должно было продолжать политику жесткой экономии.

Неолиберальная политика, навязанная Греции Еврокомиссией, ЕЦБ и МВФ, стала причиной серьезных акций протеста. Кроме того, правящая партия ПАСОК оказалась в политической изоляции: идею второго меморандума не поддержала ни одна из оппозиционных сил. В надежде преодолеть назревающий социальный и политический кризис премьер-министр Г. Папандреу 31 октября предложил провести референдум по вопросу, следует ли Греции заключить новое соглашение с «тройкой» международных кредиторов и ввести новые меры по сокращению расходов. Это предложение было воспринято руководством ЕС как решение, способное перечеркнуть все ранее достигнутые договоренности. Таким образом, ответ «нет» на референдуме означал бы дефолт и исключение Греции из еврозоны и ЕС. 9 ноября Г. Папандреу уступил давлению европейских лидеров, лоббией ценой пытавшихся предотвратить очередной виток валютного кризиса, и отменил решение провести референдум; сразу же после этого он подал в отставку.

Хотя референдум в Греции в конце 2011 г. так и не был проведен, эта идея не была бессмысленной. Согласно опросам, большинство греческих граждан выступало за европейское будущее Греции и, соответственно, за продолжение сотрудничества с «тройкой»³. А заручившись поддержкой населения, правящая партия смогла бы укрепить свое положение на внутривластной арене и, как следствие, улучшить международный имидж страны. В конечном счете это позволило бы правительству Г. Папандреу добиться заключения нового кредитного соглашения на более выгодных для Греции условиях.

Несмотря на то, что предложение провести референдум стоило Г. Папандреу поста премьер-министра, перед уходом он сумел убедить своего главного политического противника, лидера партии «Новая демократия» А. Самараса, в необходимости продолжения реализуемой антикризисной политики. В результате 1 марта 2012 г. коалиционное правительство (в состав которого вошла, в том числе, и «Новая демократия») во главе с технократом Л. Пападимосом подписало второй меморандум; его условия в целом повторяли договоренности, достигнутые в октябре 2011 г.

Спустя три года (все это время Афины послушно следовали политике строгой бюджетной экономии в обмен на кредитные транши), в январе 2015 г., на парламентских выборах победила леворадикальная партия СИРИЗА, сумевшая сформировать коалицию с правоцентристской партией «Независимые греки»; премьер-министром стал харизматичный и не чуждавшийся популизма лидер СИРИЗА А. Ципрас. Созданное правительство выступало за пересмотр программы международной финансовой помощи Греции в сторону смягчения мер по сокращению расходов; важно, что об отказе от сотрудничества с кредиторами и тем более от членства Греции в ЕС речи не шло. Подписание нового соглашения с «тройкой» на как можно более выгодных для Афин условиях

стало главной задачей А. Ципраса. Несколько месяцев безуспешных переговоров с кредиторами показали, что СИРИЗА не сумеет выполнить предвыборное обещание покончить с политикой бюджетной экономии⁴. Тем временем затянувшаяся неопределенность относительно необходимости продолжения прежней антикризисной политики спровоцировала в Греции очередную виток финансово-экономических проблем, и к лету 2015 г. единственной возможностью Афин избежать дефолта стало получение третьего пакета финансовой помощи.

В этой ситуации А. Ципрас назначил на 5 июля 2015 г. референдум по вопросу, должно ли быть принято представленное Еврокомиссией, ЕЦБ и МВФ кредитное соглашение. Премьер-министр призывал дать ответ «нет», надеясь, что такое решение вынудит «тройку» пойти на уступки и ослабить режим жесткой экономии. За ответ «да» выступал ряд оппозиционных партий, опасавшихся исключения Греции из еврозоны. Международные кредиторы, в свою очередь, отказались предоставлять Афинам очередной транш финансовой помощи до проведения референдума. Это стало причиной дефолта Греции: 1 июля для нее истек срок погашения части выданного МВФ кредита — данное событие потрясло финансовые рынки и мировую общественность.

По итогам референдума большинство граждан выбрало ответ «нет», согласившись на пересмотр договоренностей с «тройкой» и даже — в крайнем случае — на отказ от них. Опора на результат всеобщего голосования придавала правительству А. Ципраса новую легитимность в ходе дальнейших переговоров с кредиторами. Кроме того, референдум позволил ему завуалировать неудачи первых месяцев пребывания у власти⁵, и в этом случае апелляцию к воле народа можно рассматривать как откровенно популистский шаг теряющей симпатии электората правящей коалиции.

Греческое правительство не смогло сделать успешно проведенный референдум инструментом политического

давления на Евросоюз и МВФ: результаты голосования не были учтены при разработке кредитного соглашения⁶, и в августе 2015 г. был подписан третий меморандум — на условиях, сформулированных «тройкой». Усугубившиеся вследствие политической нестабильности финансово-экономические проблемы вынудили А. Ципраса согласиться на более строгие, чем прежде, меры бюджетной консолидации.

Таким образом, в период финансово-экономического кризиса в Греции дважды предпринимались попытки провести референдум по вопросу о дальнейшей финансовой политике страны. В первом случае голосование не состоялось, а предложившему эту идею Г. Папандреу пришлось отказаться от должности премьер-министра. Во втором случае оно было успешно проведено, и его результаты соответствовали ожиданиям правительства А. Ципраса. И в 2011, и в 2015 г. руководство страны стремилось использовать итоги референдума как инструмент влияния на решения, принимаемые Еврокомиссией, ЕЦБ и МВФ относительно антикризисных мер в Греции. Но, несмотря на совершенно разную судьбу двух референдумов, их конечная — совпадающая — цель оказать давление на международных кредиторов так и не была достигнута: в условиях кризиса финансово-экономическая политика Греции полностью контролировалась внешними силами.

Примечания

¹ *Jacobs K., Akkerman A., Zaslove A.* The voice of populist people? Referendum preferences, practices and populist attitudes // *Acta Politica*. 2018. No 53. P. 517–541. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41269-018-0105-1>; *Walter S., Dinas E., Jurado I., Konstantinidis N.* Noncooperation by Popular Vote: Expectations, Foreign Intervention, and the Vote in the 2015 Greek Bailout Referendum // *International Organization*. 2018. Vol. 72. Issue 4. P. 977–979. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818318000255>.

² *Hansen M.E., Shughart II W.F., Yonk R.M.* Political Party Impacts on Direct Democracy: the 2015 Greek Austerity Referendum // *Atlantic*

Economic Journal. 2017. Vol. 45. P. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11293-016-9528-0>.

³ *Лубоцкая А.С.* Истоки и причины внутриполитического кризиса в Греции // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3 (12). С. 7–21.

⁴ *Bistis G.* From Karamanlis to Tsipras: The Greek Debt Crisis through Historical and Political Perspectives // Mediterranean Quarterly. 2016. Vol. 27. No 1. P. 30–54. DOI: <https://doi.org/10.1215/10474552-3488049>.

⁵ *Mavrozacharakis E., Tzagarakis S.* The Greek Referendum: An Alternative Approach / MPRA Paper No 65738. 12 July 2015. P. 2.

⁶ *Tsatsanis E., Teperoglou E.* Realignment under Stress: The July 2015 Referendum and the September Parliamentary Election in Greece // South European Society and Politics. 2016. Vol. 21. Issue 4. P. 427–450. DOI: <https://doi.org/10.1080/13608746.2016.1208906>.

Секция
«ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

Записи на полях Христинопольского Апостола XII века

Алёна Андреевна Бакшаева, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация;
e-mail: aabakshaeva42@gmail.com

Ключевые слова: Христинопольский апостол, маргиналии, глоссы, схолии, древнерусский язык

Manuscript margins of Apostolus Christinopolitanus from the twelfth century

Alyona A. Bakshaeva, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russian Federation; e-mail: aabakshaeva42@gmail.com

Keywords: Apostolus Christinopolitanus, marginalia, glosses, scholia, Old Russian language

Христинопольский Апостол XII в. (далее АпХр) является уникальным источником древнерусской письменности по ряду причин. Прежде всего, АпХр представляет собой один из самых ранних сохранившихся списков Апостола, особую ценность которому придает его принадлежность к древнейшей кирилло-мефодиевской редакции, хотя и в отдельных случаях с внесенными преславскими чтениями¹. Данный манускрипт отличается полнотой и архаичностью лексико-грамматических свидетельств, строгой последовательностью написания с системой четких правил.

Другой важной особенностью является наличие в рукописи значительного вспомогательного аппарата, включающего не только традиционные элементы (такие, как деление на значимые отрезки текста, инициалы, киноварные выделения и т. д.), но и систему разноплановых комментариев: глосс, схолий, катен. Приписки к тексту на полях широких

рукописей редко становились объектом изучения специалистов. В каталогах XIX в. и «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.» зачастую сведения о них ограничивались лишь кратким комментарием², однако уже в «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век» тексту толкований уделяется отдельная статья³. Непосредственно предметом исследования записи на полях АпХр становятся в публикациях О. Ясиновской и М.А. Бобрик⁴.

Данный доклад посвящен исследованию записей на полях в части Деяний Апостолов. Основными источниками служат:

1) Электронная фотокопия АпХр, размещенная на сайте Львовского Исторического музея (Л.1–6об., 11–40об.)⁵.

2) Киевская часть рукописи, опубликованная в 1907 г. С.И. Масловым⁶.

Прежде всего следует отметить записи, непосредственно не имеющие отношения к тексту деяний. В Львовской части рукописи такие записи содержатся на л. 1 (карандашом польски *Początek*), 4об. (начало молитвы «*Pater noster*»). На л. 39об. запись XVII в. о военных столкновениях в период восстания под предводительством Богдана Хмельницкого. На л. 40 содержится запись, вероятно, почерком писца XIV–XV вв. о «святых книгах».

В Деяниях приписки на полях выполнены тремя писцами:

1) Древнейший почерк, которым написан основной текст Апостола. Примером могут служить схолии на л. 6об. киевской части рукописи или л. 20об., 25, 35об. львовской части манускрипта. Или более лаконичные, как, к примеру, схолия на л. 22 львовской части рукописи. Данные записи являются толкованиями на Деяния и направлены на разъяснение тех мест текста, которые показались писцу сложными

либо требующими дополнительного контекста. В работе О. Ясиновской⁷ глоссы как краткие пояснения и схолии как дидактические уточнения толкового характера разграничены, кроме того, автор выделяет определенные подтипы данных форм комментариев⁸. Однако приведенные классификации отличаются некоторой «размытостью» и, на наш взгляд, требуют уточнения.

2) Уставной почерк близкий по времени к основному тексту, которым сделаны новые обозначения служебных чтений. Данные указания выполнены темно-красными чернилами, а само написание более небрежное. Таких записей в рукописи довольно много, их назначение — сделать текст максимально удобным для чтения, зачастую они имеют утилитарное значение. Например, на л. 1 львовской части рукописи второй писец указывает на конец фрагмента, на л. 3, 5 — указание на время чтения. Аналогично, на л. 1, 10б. киевской части.

Позднейший полууставной почерк XVI в., основная функция которого — обновление стершихся начертаний и дополнения к тексту. Примером дополнения могут служить записи на л. 2 и 80б. киевской части, л. 6, 360б. львовской части Апостола. Такие указания могут быть выполнены ярко-красными⁹ или черными чернилами, и несут ту же функцию, что и обозначения второй группы.

Таким образом, АпХр обладает обширной системой комментариев к основному тексту, выполненных в разное время и претерпевших ряд изменений. В текстах апостольских посланий возникает катена, наличие которой также является уникальной особенностью данного манускрипта, требующей внимания исследователей. Вероятно, анализ комментариев разного типа выявит разнообразные проявления древнерусского языкового узуса, в том числе регионального, галицко-волынского типа.

Примечания

- ¹ *Пентковский А.М., Пентковская Т.В.* Синайский апостол (Sin. Slav. 39): история текста и история рукописи // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002–2003. М., 2003. С. 144.
- ² См. например, *Свенцицкий И.С.* Опись музея Ставропигийского института во Львове: По поручению Совета. Львов: Типография Ставропигийского ин-та под управлением Михаила Рефца, 1908. С. 134; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 101–103.
- ³ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис–Летопись Лаврентьевская). М., 2002. С. 563.
- ⁴ См. например, *Ясіновська О.* Катени як жанр герменевтичної літератури: візантійська традиція і слов'янська рецепція (на прикладі Крестинопольського апостола XII ст.) // Княжа доба: історія і культура. Вып. 3. Львів, 2010. С. 72–103; *Бобрик М.А.* Терминология библейской цитаты и толкования в рукописях Толкового Апостола XII–XVI веков // Библиистика. Славистика. Русистика: К 70-летию... Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011. С. 387–398.
- ⁵ Л. 7а–8б содержит фрагмент 1 Тим 5:5 — 1 Тим 6:2, 9а–10б — предисловие и начало второго послания Тимофею, 2 Тим 1:1–10.
- ⁶ *Маслов С.И.* Отрывок Христинопольского апостола, принадлежащий библиотеке Университета св. Владимира // Изв. ОРЯС. СПб., 1910. Т. XV. Кн. 4. С. 229–269.
- ⁷ *Ясіновська О.* Катени як жанр герменевтичної літератури... С. 91–94.
- ⁸ Напротив, в упоминаемой ранее работе М.А. Бобрик используется только термин «глосса».
- ⁹ Чтобы продемонстрировать различие между второй и первой группой начертаний укажем, например, на л. 27 или 40 электронной фотографии львовской части рукописи, где явственно проступает отличие не только в почерке писцов, но и в цвете используемых ими чернил.

Языковые и культурные контакты чехов Румынии*

Сергей Александрович Борисов, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: borisovsergius@gmail.com

Ключевые слова: языковые контакты, социолингвистика, полевые исследования, переключение кодов

Language and cultural contacts of Czechs in Romania

Sergej A. Borisov, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: borisovsergius@gmail.com

Keywords: language contacts, sociolinguistics, field research, code switching

В настоящее время в Румынии проживает около 2500 этнических чехов¹. Речь идет прежде всего о населенных пунктах исторического расселения чехов, которые прибыли в Банат в рамках политики реколонизации отвоеванных в XVIII в. Австрийской монархией у Османской империи земель: Бигэр (Bigăr), Гырник (Gârnic), Равенска (Ravensca), Сфынта-Елена (Sfânta Elena), Шумица (Șumița) (жудец Караш-Северин); Эйбенталь (Eibenthal) (жудец Мехединци). Данные села, расположенные в гористой местности, оставались труднодоступными вплоть до революции 1989 г., что обеспечивало достаточно сильную изолированность чешского сообщества². Чешский язык сохранялся как основное

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

средство общения и не подвергался сильному влиянию других языков, функционировавших в данном регионе: румынского, венгерского, сербского. Однако чешские села все же не были полностью изолированы, чехи активно контактировали с соседями. Отдельного внимания заслуживает населенный пункт Златица (Zlatița), который расположен вблизи пограничной реки Нера, разделяющей современные Румынию и Сербию. На протяжении XX в. большинство населения в этом селе составляли сербы, второе место по численности занимали румыны, третье — чехи (от 100 до 150 человек)³. В настоящее время живущие в Златице чехи контактируют с румынским большинством, а также с сербами и цыганами.

В ходе экспедиции в Румынию, совершенной автором в сентябре 2019 г.⁴, были записаны нарративы, в которых отражено восприятие культур, обычаев и языков иноэтнических соседей чехов. Особый интерес представляют этнонимы. Так, румыны называют местных чехов «пемы» (*Pemi, Pem/Pemix***, *Pemka/Pemoaica*) — от нем. *Böhme* «житель Богемии»⁵. Чехи называют румын «валахи» (*Valaši*)⁶.

Записанные нарративы иллюстрируют языковую ситуацию с точки зрения многоязычия, которое является обыденным явлением для местных чешских сообществ.

(1) Sloužila sem furt. Važila sem, prala sem, u n'akoho doktora sem bila aš votaj vodešel, von bil e-e-e-e ten e maď'ar. A vona bila **n'emcojka** (рум. *nețoica*). A pak sem sloužila u n'aki s-srpkí. A-a e-e vona mn'ela tetu maď'arku, a ja sem k n'i xod'ila, a vona na mn'e mluvila -nom maď'arski. A tak sem se naučila maď'arski teda, -al už sem to zapomn'ela, **közöm szepen, kezzem csókolom** (венг. *koszönöm szépen, kezét csókolom*). A tam bili blisko cikán'i, ja sem se naučila

** Вместо диграфа *ch* в транскрипции используется *x*. Мягкость согласных обозначается апострофом (').

cikánski. *Bengo nakhe(l), kaže, hata (xata) phure**** (Сфынта-Елена, 2019).

[Я все время прислуживала. Я варила, стирала, была у одного доктора, пока он не уехал, он был этот, венгр. А она была немка. А потом я прислуживала у одной сербки. А у нее была тетя венгерка, я к ней ходила, а она со мной разговаривала только на венгерском. Ну и так я выучила венгерский, но я уже все это забыла, *большое спасибо, целую ручки*. И были там близко цыгане, так что я выучила цыганский. *Идет дьявол, говорит, вон старый*] (перевод приблизительный из-за нечеткого произношения).

- (2) A srpski, u jedni srпки sem sloužila teda, vona povida na mne: «Anka, *idi donesi mi bili lukac*». Ja šla do špajzu: gde je *bili lukac*? Pak sem šla: «*Pa, do(a)mna, acolo nu e niciunde*». A vona: «*Pa este Anka, du-te să-l caut (cauți)!*» — «*Do(a)ma, l-am căuta(t) peste tot, dar nu e*». Von to bil česnek. Po srpski *bile luka(c)* (Сфынта-Елена, 2019).

[А сербский — у одной сербки я, значит, служила, она мне говорит: «Анка, иди, принеси мне *<bili lukac>*». Я пошла в кладовку: где *<bili lukac>*? Потом прихожу: «Госпожа, там нигде нет». А она: «Да есть же, Анка, иди его ищи!» — «Госпожа, я его искала везде, но его нет». А это был чеснок. На сербском «*bile lukac*»].

В (1) информантка рассказывает о том, что она «выучила» венгерский и цыганский, когда работала служанкой у сербки. Разумеется, речь идет о понимании отдельных слов и базовых фраз, а не о полноценном владении языком. В (2) она пересказывает анекдотическую ситуацию, связанную с недопониманием: по просьбе хозяйки она идет искать *bile lukac* (серб. диал. «чеснок»), думая, что это «белый лук».

*** Автор благодарит за транскрипцию д-ра. Билянчу Сикимич, Институт Балканистики САНИ (Белград).

При этом она активно использует переключение языкового кода: поручение звучит на сербском языке, дальнейшие объяснения с хозяйкой — на румынском, а комментарии для исследователей она дает на чешском.

Контакты чехов с румынами прослеживаются также в сфере народных традиций и межконфессионального взаимодействия. Следующие отрывки из интервью иллюстрируют, как информанты интерпретируют несоответствия обрядов и поверий, связанных с периодом, предшествующим похоронам покойника.

(3) On'i valaši mají strach. On'i říkají *muroni, vine muroniul*, ne. Panebože. Taki sme d'alali kontrakti na tuto staven'i, a taki sem šla do Oravic. <...> Mušela sem mit inženýra, a on sem přišel. A mi sme mu do-do pokoje, že tadi bude spat. A vo- *řikal: «Ja ne bu spa sa, ja bu spa s vama u sekmici»*. A říkam: «Proč vi ste *spa* s nama f sekmici?» ne. A von říkal: «Ja sem spal u n'ejakejx teda rumunu <...>, a von v noci pšišel *muroi*, na mn'e. (смех). Bouxal a bouxal». A ja povidam: «Malej, murone nexod'i. ale živeho se boj, ale mrtvo(ho) n'igda, ten nepšijdej» (Сфынта-Елена, 2019).

[Они, румыны, боятся. Они говорят: «Мурой, придет мурой!» Господи Боже. Мы делали бумаги на этот дом и я поехала в Оравицу. Мне нужен был инженер, и он сюда приехал. А мы ему постелили в комнате, мол, здесь будет спать. А он говорит: «Я не буду спать один, я буду спать с вами в спальне». А я говорю: «Почему Вы будете спать с нами в спальне?». А он говорит: «Я спал у одних румын, а он пришел ночью за мной, мурой. Гремел и гремел. А я говорю: «Парень, мурой не ходят, бойся живого, мертвого никогда, он не придет»].

(4) A bila sem v nemocnici a von'i tam bili, t'i rumun'i. A u nas se mrtvi nehľda, jako u rumunuw, tam sed'ej a hľdaju, bar to, dit' von nepude n'ikam. A on'i žikali: «Proč vi nehľdáte?» Ja žikám: «Náš nestane. Mi mu svažem nohi a ruce a nedame

mu tševice na nohi, nexame mu punčoxi, a vono ho to pixa, vickrat domu nepřijde». Valački mn'eli takle voči, ja tomu nasmáta potom (смех) -tit' to nen'i pravda (смех). No nedavame tševice do.. mrtvemu. Punčoxi teda-a, tak. A an'i ho nesvážem (смех). A ja: «Pa svažem ho, mu nohi a ruce». A valaš'ki: «Aolele! Veš(c)ino! Aša-i! Aša-i!» (Сфынта-Елена, 2019).

[Была я в больнице, и были там румыны. А у нас за мертвым не следят как у румын: там сидят и следят, как минимум, а ведь он не пойдет никуда. А они говорили: «Почему вы не следите?» Я говорю: «Наш не встанет. Мы ему связываем ноги и руки и не надеваем туфли на ноги, оставляем ему только чулки, его колет, и он домой больше не придет». У румын были вот такие глаза, я так смеялась. Ведь это не правда. Ну, мы не надеваем туфли на мертвого. Чулки, да. Но мы его и не связываем. А я говорю: «Мы его связываем, ноги, руки ему!» А румыны: «Ой, да, соседка, так и есть, так и есть!»].

В (3) информантка рассказывает о том, что румыны верят в ходячих мертвецов, вампиров (рум. *mironi*). У местных чехов данное поверье отсутствует, поэтому ее рассказ сопровождается смехом. В (4) она иронизирует над тем, что румыны боятся в связи с этим оставлять покойника на ночь одного. Упоминается также традиция прокалывать и связывать ему ноги, чтобы он не смог встать⁷.

Таким образом, в чешских селах в Румынии наблюдается ситуация многоязычия, чаще всего не ограниченная взаимодействием одного миноритарного языка (чешского) с государственным (румынским): чехи также активно контактируют с другими меньшинствами — сербами (особенно в селе Златица), цыганами, венграми. В контакте находятся также элементы религиозной жизни и народные обычаи этих этносов: чехи в этом регионе — католики и протестанты (евангелисты и баптисты), румыны, в основном, православные.

Примечания

¹ Recensământul populației și al locuințelor 2011. Rezultate. Vol. II: Populația stabilă (Rezidentă) — Structura etnică și confesională // Institutul Național de Statistică [Online]. URL: <http://www.recensamantromania.ro/noutati/volumul-ii-populatia-stabila-rezidenta-structura-etnica-si-confesionala/> (дата обращения: 16.03.2020).

² *Gecse D.* Historie českých komunit v Rumunsku. Praha, 2013. S. 33–42.

³ *Varga E.Á.* Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi/nemzetiségi) adatai 1880–2002. URL: <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf> (дата обращения: 16.03.2020). Old. 97.

⁴ *Борисов С.А.* Чешский язык и традиционная культура в полиэтничном окружении (результаты полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2020. № 3–4 [в печати].

⁵ См. об этом у хорватских чехов: *Rajković M.* Višestruki identitet Čeha u Jazveniku, Etnološka tribina // Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva. N 34/35. Zagreb, 2005. S. 237.

⁶ Valáh // Dicționarul explicative al limbii române (ediția a II-a revăzută și adăugită). Academia Română, Institutul de Lingvistică. București: Univers Enciclopedic Gold, 2009 [Online]. URL: <https://dexonline.ro/definitie/VAL%C3%81H> (дата обращения: 09.03.2020).

⁷ Ср. *Толстая С.М.* Покойник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 тт./ под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 114–115; *Левкиевская Е.Е.* Покойник «Заложный» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 тт./ под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 123–124.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.03

Стратегии вежливости в испанском и русском языках на примере интернет-рекламы косметики

Ана Дворачек, Люблянский университет, Любляна,
Словения; e-mail: anadvoracek94@gmail.com

Ключевые слова: стратегии вежливости, русский язык, испанский язык, прагмалингвистика, интернет-реклама, косметические транснациональные компании

Politeness strategies in Spanish and Russian (on the example of cosmetic online advertising)

Ana Dvoracek, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia;
e-mail: anadvoracek94@gmail.com

Keywords: politeness strategies, Russian language, Spanish language, pragmalinguistics, online advertising, cosmetic multinational companies

Косметические компании стремятся с помощью онлайн-рекламы достичь немедленного эффекта: прямо и косвенно убедить адресата в том, что ему нужен конкретный продукт. Обычно используется речевой акт, содержащий стратегию вежливости.

Теория речевых актов была разработана философами Дж. Остином и Дж. Серлем. Остин писал, исходя из идей многих философов, что «утверждение может только описывать положение вещей или сообщать нечто о каком-либо факте, который при этом должен быть либо истинным, либо ложным»¹. Однако, помимо утверждений, существуют и другие способы выражения, такие как вопросы, восклицания, пожелания, реальность и нереальность которых нельзя доказать. Остин заявил, что сделанное утверждение определяет действие² и это является речевым актом. Ученик Остина Дж. Серль позднее совершенствует теорию речевых актов и выделяет так называемые репрезентативы, комиссивы, экспрессивы, директивны и декларативы³.

Концепция *лица*, разработанная лингвистами П. Браун и С. Левинсоном, связана с теорией речевых актов и служит для облегчения понимания вежливости. Браун и Левинсон определяют *лицо* так: оценка человека обществом происходит исходя из того, как этот человек показывает себя в данном обществе. Существует *позитивное* и *нега-*

тивное лицо⁴. *Позитивное лицо* — это связано с желанием индивида получить одобрение общества и позитивную оценку. *Негативное же лицо* проявляется тогда, когда человек стремится, чтобы другие не препятствовали его действиям. Первоначальное желание участников коммуникации состоит в том, чтобы искать баланс и защищать образ как свой, так и собеседника. Именно поэтому были разработаны стратегии вежливости, позволяющие смягчать определенные акты, которые угрожают партнеру по коммуникации⁵.

Фуэнтес Родригес различает четыре разные стратегии на основе позитивной и негативной вежливости⁶: а) смягченное выражение / *atenuación*, б) способы подчеркивания / *enfaticación*, в) косвенные стратегии / *fórmulas indirectas* и г) системы обращений / *sistemas de tratamiento*. Последняя стратегия, на которую ссылается Фуэнтес Родригес, — это системы обращений отдельного языка, состоящие из языковых форм, предназначенных для обращения к адресату. Чаще всего это личные местоимения, а также согласуемые с ними сказуемые и предикативные прилагательные.

В нашей работе стратегии вежливости были рассмотрены на примере онлайн-рекламы косметики. Сам язык рекламы по определению направлен на убеждение адресата. Как объясняет испанский лингвист Феррас Мартинес⁷, язык рекламы обладает свойствами эффективности, свободы и сохранения информации, поэтому реклама содержит целый ряд выразительных средств, с помощью которых рекламодатель хочет убедить адресата купить продукт, и следовательно, рекламный язык часто нарушает языковые нормы: он использует различные символы (слова, картинки, цифры), содержит иностранные слова (как заимствования, так и кальки), использует разные типы регистров (от сленга до научного языка). Он также стремится создавать неологизмы, часто использует технические термины и нарушает нормы, чтобы привлечь внимание адресата.

Подобно стратегиям вежливости Фуэнтес Родригес, русский лингвист Г.Н. Тельминов⁸ выделяет различные стратегии вежливости, уделяя основное внимание рекламе. К ним относятся стратегии: прямого выражения, связи рекламодателя с адресатом (то есть обращение на «ты», присвоение имени адресату, свободное решение, предложение совместной деятельности), стратегии этикета, стратегии деперсонализации и т. д.

В нашей работе была применена количественная методология. Исследовательский корпус состоит из онлайн-рекламы известных транснациональных косметических компаний, чьи веб-страницы переведены на испанский и русский языки. Цель состояла в том, чтобы найти испанские и русские рекламные тексты для одного и того же продукта. Мы выбрали 20 различных примеров на обоих языках от разных транснациональных косметических компаний для сравнительного анализа онлайн-рекламы (то есть всего 40 текстов — 20 на испанском, 20 на русском).

Для каждой рекламы на испанском и русском мы провели сравнительный анализ. Мы сосредоточились на следующих категориях: целевая группа (которая в первую очередь влияет на выбор рекламодателем стратегий вежливости и системы обращений), речевые акты, стратегии вежливости (согласно Фуэнтес Родригес и Тельминову), система обращений и языковые средства (то есть глаголы, слова, присутствующие в обеих рекламах, англицизмы и слова, появляющиеся в одном и отсутствующие в другом объявлении).

Что касается речевых актов, мы обнаружили, что в 20 текстах больше всего встретилось директивов (10/20 в испанских, 11/20 в русских), число комиссивов совпадает (6/20 испанских реклам, 6/20 русских реклам), репрезентативов больше встречается в российских реклам (4/20 испанских реклам, 6/20 русских реклам), но экспрессивов больше в испанских (2/20 испанских реклам,

1/20 русских реклам). Это объясняется тем, что каждый рекламный текст направлен на достижение перлокутивного эффекта (ср. Иванова⁹). Помимо речевых актов, мы также сосредоточились на стратегиях вежливости. Стратегии вежливости совпадали в 60% случаев, то есть в 12/20 случаях сравнительного анализа.

Самыми интересными для нашего исследования стратегиями вежливости являются системы обращений (на «Ты» и «Вы») и возможность безличного выражения, то есть без прямого обращения к адресату. В общей сложности в 20 сравнительных анализах обращение на «Ты» в испанской рекламе использовалось в 15 случаев из 20. Обращение на «Вы» в испанской рекламе было выявлено только в одной, а в русских — в 8/20, поэтому, согласно нашему исследованию, это самая распространенная форма обращения в русской рекламе. Тем не менее в 6/20 случаев в русском языке основной формой обращения является обращение на «Ты». Такая форма обращения, независимо от языка — испанского или русского — встречается чаще всего в том случае, когда целевой аудиторией являются либо мужчины (например, *Head & Shoulders, Avon*), либо молодые женщины (например, *Maybelline, Shiseido*). Чтобы избежать выбора конкретной формы обращения и, следовательно, прямого обращения к адресату, рекламодатель в некоторых случаях выбирает безличные предложения (4/20 испанских реклам и 5/20 русских реклам). Единственным исключением является компания *Johnson & Johnson*, которая использует 1-е лицо множественного числа в своей рекламе шампуня *Johnson's Baby*, что также является одной из косвенных стратегий Фуэнтес Родригес, с помощью которой рекламодатель уверенно гарантирует качество своего товара. Как уже упоминалось, в большинстве случаев решение рекламодателя о конкретной форме обращения принимается в зависимости от целевой аудитории.

В нашем сравнительном анализе, помимо стратегий вежливости, мы также фокусируем внимание на языковых средствах, таких как время глагола, слова, которые используются в рекламах на обоих языках, слова, которые используются в одной, но отсутствуют в другой рекламе, а также на лексических единицах английского происхождения. Прежде всего мы сравнили сходства и различия и обнаружили, что рекламные тексты в большинстве объявлений на обоих языках довольно схожи. К тому же и там и там были использованы определенные слова, специфичные для языка каждой из реклам, что также способствовало вежливому тону текста интернет-рекламы. Что касается безличных форм глаголов, то в русском и испанском их больше, чем в словенском, и сравнительный анализ показывает, что они чаще встречаются в русском, чем в испанском, хотя разница незначительна. В русской рекламе мы находим 12 инфинитивов, 4 причастия и 2 деепричастия. В испанской рекламе 13 инфинитивов и 4 причастия.

Для более точных результатов было бы целесообразно провести более обширный анализ онлайн-рекламы на обоих языках и, возможно, добавить больше рекламы одной определенной компании, чтобы выявить потенциальные различия в продуктовых линейках.

Примечания

¹ *Austin J.* Kako napravimo kaj z besedami. Ljubljana, 1990. S. 13.

² *Ibid.* S. 17.

³ *Searle J.* Expression and meaning: Studies in the theory of speech acts. Cambridge, 1979. P. 13–17.

⁴ *Brown P., Levinson S.C.* Politeness. Some universals in language usage. Cambridge, 1978. P. 61.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Fuentes Rodríguez C.* La gramática de la cortesía en español/LE. Madrid, 2010. P. 27.

⁷ *Ferraz Martínez A.* El lenguaje de la publicidad. Madrid, 1993. P. 28.

⁸ *Тельминов Г.Н.* Использование коммуникативных стратегий вежливости в американской и российской интернет-рекламе // Политическая лингвистика. Раздел 3. Язык — Политика — Культура. 2013. № 3. С. 320.

⁹ *Иванова Е.С.* Коммуникативно-прагматические аспекты текстов интернет-рекламы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 94.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.04

**Житие Святого Феодора Студита
в редакции Нила Сорского:
к интерпретации некоторых лексических замен**

Полина Юрьевна Караваева, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: vatopedioumonastery30@yandex.ru

Ключевые слова: церковнославянский язык, Нил Сорский, «Соборник житий греческих Святых», лексическая норма, основной антиграф, автограф

**The Life of Saint Theodore of Stoudios
edited by Nilus of Sora:**

The interpretation of some lexical substitutions

Polina Yu. Karavaeva, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: vatopedioumonastery30@yandex.ru

Keywords: Church Slavonic language, Nilus of Sora, “Collection of Lives of Greek Saints”, lexical norm, main antigraph, autograph

Среди Четых-Миней домакарьевского времени особое место занимает «Соборник житий греческих Святых», составленный, отредактированный и собственноручно переписанный великим старцем Нилом Сорским¹. Триптих сорского подвижника является уникальным во многом благодаря

тому, как старец работал с источниками. Сопоставление житий в составе труда Нила с установленными основными антиграфами показывает, что включению каждого агиографического текста в «Соборник» предшествовала кропотливая текстологическая работа книжника и существенная правка лексики житий.

1. Внесенные Нилом исправления на уровне лексики обнаруживают строгий системный характер: русизмы последовательно заменены на соответствующие по смыслу нейтрально-книжные слова (**любострадьныи** → **троудолюбъзныи**, **почати** → **начати**), архаизмы на эквиваленты, понятные книжнику XV в. (**оуи** → **дада**, **пычевати** → **помыслити**, **оземьствик** → **заточеник**, **добросоумныи** → **добродѣтельныи**), учтена эволюция семантики слов (**вона** → **благооуханик**, **добрвоник** → **благооуханик**)². Однако некоторые случаи не следует трактовать столь однозначно. Ряд таких замен выявлен нами при сопоставлении Ниловой редакции Жития Святого Феодора Студита (ОР РГБ, ТСЛ 684) с обнаруженным Т.П. Леннгрен³ текстом основного антиграфа (ОР РНБ, Кир.-Бел. 30/1107). Рассмотрим некоторые из них подробнее.

2. **Тезоименитыи** — **зълѡименитыи**, **гноетьзоименитыи** — **гноеманитыи**.

При редактировании текста Жития Феодора, принадлежащего к особой группе древних переводов с греческого, выполненных южнославянскими книжниками в Киевской Руси⁴, Нил Сорский правит **тезоименитыи** «получивший прозвание от чего-либо»⁵ на **зълѡименитыи** «имеющий дурную славу»⁶. На первый взгляд не совсем понятно, чем могла быть мотивирована данная замена, однако обращение к фрагменту основного антиграфа, включающему исправленное впоследствии слово, к греческому оригиналу Жития и древнейшему славянскому списку в составе Выголексинского сборника позволяет пролить свет на причины ее осуществления: КБ 30/1107 л. 304об. **костантіноу тезоименітомоу**

црѣтво дръжащоу (Κωνσταντίνου τοῦ κοπρωνύμου; РГБ, Муз. собр., № 1832 л. 38 коСТЯНТИНЮ ТЪЗОНЕНИТОМОУ ЦРѢСТВОУ ДРЪЖАЩЮ⁷) — ТСЛ 684, л. 116об.–117 въ царство злонени- таго константина. Благодаря сопоставлению данных двух древнейших славянских списков Жития Феодора (Муз. 1832, КБ 30/1107) с греческим оригиналом становится ясно, что в славянском тексте передана только вторая часть слова κοπρωνύμος, первая же (κόπρος «кал, навоз, гной») осталась непереуведенной. Наиболее вероятно, что Нил не располагал оригиналом житийного текста, но обратил внимание на семантическую неполноту фрагмента и, опираясь на знание исторических реалий, заменил тезоненитыи «получивший прозвание от чего-либо» на зълоненитыи «имеющий дурную слауу».

При этом, как показал материал Житий, входящих в «Соборник»⁸, Нил в ряде случаев использует прилагательное тезоненитыи в значении «равноименный/получивший прозвание от чего-либо» и обязательно в сочетании с существительным:

— книжник дополняет текст основного антиграфа⁹ Жития Николая Студита так: Кир.-Бел. 15/1254 л. 35 Сїи прп^аб- ныи ѡць ншь никола баше ѡ кратьскыа земла, ѡ веси кидонїа тако нарицаемы — Волок. 630, лл. 187–187об. В га нашего всебл҃гаго и премл҃чїваго. оугодникоу бл҃жнномуу николѣ. иже побѣдѣ соуцоу истинно тезоненитоу [...] сеи прп^абныи ѡць нашъ никола баше ѡ кратьскїа земла. ѡ веси кидонїа нарицаемы;

— [Житие Феодора] Кир.-Бел. 30/1107 л. 393об. прѣ^а малы поминаныи лѡнѣ, иже и въ иноческоѣ житїе вше^а послѣ^а, и тезъ- именитѣ ѡцоу нареченѣ — ТСЛ 684, л. 163 преже мала поманоутыи лѡнѣ, иже послѣже въ иночьскоѣ житїе вше^а тезоненитѣ ѡцоу нареченѣ быѣ.

В том же случае, если коренная морфема -тъзъ- «одноименный, носящий одинаковое с кем-либо имя; равноименный; получивший прозвание от чего-либо; подобный»¹⁰ входит в состав одного слова, включающего три корня,

например **гнои/тезо/именитыи**, Нил, по всей вероятности, убирает морфему **-тъзъ-** как семантически избыточную. Так, он правит **гноитезоименитыи** (то же, что **гноктезъныи**¹¹) на **гноемманитыи**: [Житие Феодора] КБ 30/1107 л. 333 **дондеже гноетьзоименитыи константинъ вса мнихъи ингыи изъ византиа изгна** (коπρώνυμος, то же ОР РГБ, Муз. собр., № 1832, л. 76; ОР РГБ, Волок. 592, л. 155об.) — ТСЛ 684, л. 131 **дондеже коньстантинъ гноемманитыи, вса иноки изъ византиа изгна**. Согласно данным словоуказателя¹², в «Соборнике» один раз засвидетельствовано **гноемманитыи**, и не зафиксировано **гноитезоименитыи/гноктезъныи**. Обратим внимание, что прилагательное **тъзъньнъ**, **-ыи** «одноименный», лишь единожды обнаружено и в старославянских рукописях¹³.

На фоне рассмотренной выше замены особенно важным представляется, во-первых, сохранение Нилом при редактировании Жития Николая Студита прилагательных **звъроименитыи** и **мотылоименитыи** (см. Кир.-Бел. 15/1254, л. 39 — Волок. 630, л. 190), во-вторых, регулярное употребление слова **звъроименитыи** в «Соборнике» (Волок. 630, лл. 190, 194, ТСЛ 684, л. 178).

Таким образом, Нил Сорский отдает предпочтение корневой морфеме **имен-** «названный в честь, одноименный», а не **-тъзъ-**, и в этом проявляется стремление устранять архаичные слова и морфемы в составе слов, которые могут быть неверно истолкованы русскими книжниками эпохи последней четверти XV — начала XVI вв.

3. Преходимыи — пьръстныи

При редактировании Жития Феодора старец Нил заменяет встретившееся страдательное причастие настоящего времени **преходимыи** «преходящий, недолговечный»¹⁴ на близкое по семантике прилагательное **пьръстныи** «земной, тленный»¹⁵: Кир.-Бел. 30/1107 л. 317–317 об. **что оубо члкъ. ёстьство приходимое и смиренно** — ТСЛ 684, л. 123об. **како члчское ёство пьръстное и смъренное**. Как позволяет увидеть обращение к данным исторических словарей, и **пьръстньнъ**,

-**ыи** «тленный», и **преходимыи** «преходящий, недолговечный» сравнительно редко фиксируются в древнерусских текстах, однако **преходимыи** в значении «преходящий, недолговечный» обнаружено единожды и только в Житии Феодора Студита. Следовательно, Нил Сорский заменил малоупотребительное слово **преходимыи** «преходящий, недолговечный» на более употребительный синонимичный вариант, обнаруживающийся в различных памятниках.

Таким образом, бóльшая часть лексических замен в отредактированном старцем Нилом Житии Феодора и других Житиях Соборника имеет системный характер и относительно свободно распределяются по группам, некоторые же требуют особого рассмотрения. Это связано с наличием в Житии Феодора большого количества ошибок, допущенных переводчиком при передаче греческого оригинала. Данные ошибки встречаются спорадически и обусловлены неполной передачей греческого слова, смешением схожих греческих слов, итацизмом и т. д., поэтому к исправлению каждой старец Нил подходил индивидуально.

Примечания

¹ *Леннгрен Т.П.* Соборник Нила Сорского. В 3 ч. М., 2000. Ч. I. С. 11–18.

² *Караваяева П.Ю.* К вопросу об основных принципах редактирования Нилом Сорским житий греческих Святых // Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. 2019. № 51. С. 90–101.

³ *Леннгрен Т.П.* Житие Феодора Студита в автографе Нила Сорского // *Palaeoslavica*. Cambridge, Mass., 2012. Vol. XX, N 1. P. 134–206.

⁴ *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011. С. 352–353.

⁵ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III. С. 1076.

⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесов. М., 1990. Т. III. С. 417.

⁷ *Дубровина В.Ф., Бахтурина Р.В., Гольишенко В.С.* Выголексинский сборник / под ред. С.И. Коткова. М., 1977. С. 143.

⁸ *Леннгрэн Т.П.* Сборник Нила Сорского. Указатель слов: О-V. М., 2005. С. 314.

⁹ *Леннгрэн Т.П.* Автограф Нила Сорского: «**преписана бы^ѣ с книги, старца нила**»// *Palaeoslavica*. Cambridge, Mass., 2010. Vol. XX. N 1. P. 197–242.

¹⁰ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. С. 1078.

¹¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесов. М., 1989. Т. II. С. 336.

¹² *Леннгрэн Т.П.* Сборник Нила Сорского. Указатель слов: А-Н. М., 2005. С. 177.

¹³ Словарь старославянского языка (= *Slovník jazyka staroslověnského*. I–IV. Praha, 1958–1997). Репринтное издание. СПб., 2006. Т. IV. С. 530.

¹⁴ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. В.Б. Крысько. М., 2008. Т. VIII. С. 326.

¹⁵ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. В.Б. Крысько. М., 2012. Т. IX. С. 387.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.05

Показатели категории эвиденциальности и да-конструкция: межкатегориальные взаимодействия в македонском языке

Наталья Игоревна Кикило, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: kikilo.natalia@gmail.com

Ключевые слова: эвиденциальность, модальность, адмиративность, да-конструкция, македонский язык

Evidential Markers and the Da-construction: A grammatical interaction in the Macedonian language

Natalia I. Kikilo, Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russian Federation; e-mail: kikilo.natalia@gmail.com

Keywords: evidentiality, modality, admirative, Macedonian

Семантическая зона эвиденциальности включает в себя грамматические и лексические показатели, которые сообщают «источник информации» говорящего о ситуации высказывания. Современная классификация¹ выделяет следующие кластеры значений: а) прямого/личного доступа к информации, б) непрямого/личного доступа (напр., конклюдивные), в) непрямого/неличного доступа (репортативные, или «пересказ»). Македонский язык входит в обширную ареальную группу языков «Большого эвиденциального пояса», глагольная система которых включает в себя грамматикализованные эвиденциальные показатели с диффузным значением². В македонском указание на не прямой доступ к информации маркируется омонимичной перфекту *сум-л-формой* глагола.

1. Эвиденциальная система македонского языка (как и в других языках балканского ареала) имеет тесную связь с категорией модальности, поскольку показатель несвидетельской информации *сум-л-форма* также активно используется для выражения **эпистемических значений**, то есть оценки ситуации говорящим по степени вероятности/достоверности. Данная форма маркирует «дистанцирование» говорящего от информации, которую он не может (не хочет) включить в личную сферу (термин «дистанция» в отношении македонских показателей эвиденциальности разрабатывал Х. Лант³, а также З. Тополинська⁴). Также на модализированность глагольной системы указывает использование эвиденциальных показателей для выражения **(ад)миративного значения**.

2. Категория эвиденциальности является своеобразной **надстройкой** всей глагольной системы македонского языка, поскольку формы репортатива образуются не только от времен индикатива, но и от формы косвенного наклонения (конъюнктива⁵), которое представлено нефактивными аналитическими конструкциями с модальной союзной частицей *да* и финитным глаголом.

3. **Да-конструкция** в независимой синтаксической позиции является показателем самого широкого спектра модальных значений (прежде всего, императивного и оптативного). В зависимом типе союзная частица *да* участвует в образовании составного глагольного сказуемого или присоединяет придаточные предложения, которые имеют нефактивную семантику (целевые, условные, уступительные и т. д.)⁶. Далее будут рассмотрены случаи межкатегориального взаимодействия, при котором эвиденциальные показатели накладываются на модальные конструкции с частицей *да*.

1. В подавляющем большинстве случаев использование несвидетельских форм в *да*-конструкции — это не грамматически обязательное, а скорее прагматически обусловленное явление, которое указывает на коммуникативную стратегию говорящего и его субъективную оценку пропозиции высказывания: дубитативность — сомнение в истинности информации, адмиративность — нарушение эпистемических ожиданий говорящего⁷.

а) Как правило, при репортативном значении показатели эвиденциальности присоединяют матричный глагол, который управляет зависимой *да*-конструкцией (*da+praes*):

1) Не дозвољувајте да Ве замајуваат разни музички училишта и академии со фамата дека виолината е тежок инструмент (сме го измериле, нема ни кило). Па дека **требало** школувањето **да трае** најмалку десет години, па **требало да се вежба** најмалку по 6 часа на ден, па требало и дарба, и добри професори, и специјализации и субспецијализации. (С. Мицковиќ «Тоа е тоа»)⁸. [Не позволяйте всяким музыкальным школам и академиям вводить Вас в заблуждение рассказами, что скрипка — тяжелый инструмент (мы взвесили, в нем и килограмма не будет). И что, якобы, обучаться игре придется не меньше десяти лет, и что упражняться надо минимум по 6 часов в день, и что нужен талант,

и хорошие преподаватели, и специализации, и подспециализации)].

При переводе из прямой речи в косвенную повелительного высказывания в зависимый тип конструкции *da+praes* встраиваются эвиденциальные *сум-л-формы*, когда говорящий использует стратегию **дистанцирования** от повеления, если оно по его субъективным представлениям кажется неуместным. В примерах 2 и 3 оба говорящих были свидетелями ситуации повеления и даже его адресатами, что элиминирует условия для употребления несвидетельской формы репортативного значения. Также это объясняет факт, почему *да-конструкция*, а не матричный глагол имеет несвидетельскую *сум-л-форму*:

2) **Да сме им дошле на стан**, така ни рекоа Тања и Кире. «Се вселивме минатата недела и скоро сè ќе ни е завршено», зборуваше Тања прегласно па морав да го држам телефонот малку подалеку од увото. (Р. Бужаровска «Не одам никаде»). [Чтобы мы пришли к ним в квартиру, так нам сказали Таня и Кире. «Мы въехали на прошлой неделе, и уже почти все готово», Таня говорила очень громко, и я была вынуждена держать телефон подальше от уха].

3) «...Не покажува *никаква* иницијатива, желба за ништо, освен да игра и да јаде чоколада. Така што можете да си замислите каков празник беше тоа што Џорџи излезе од кабината и бараше да сме застанеле до еден ризорт во близина, **да се видел** со другарче од училиште. Приватен резорт, со приватна плажа. Империјал», рече и ја погледна Џулија. (Р. Бужаровска «Медуза»). [«...Он не имеет никакого стремления, никаких желаний, кроме как играть и есть шоколад. Поэтому можете себе представить, какой это был праздник, когда Джорджи вышел из кабины и потребовал, чтобы мы остановились возле одного курорта поблизости, чтобы он увиделся с другом из школы. Частный курорт, с частным пляжем. Империял» — сказала она и посмотрела на Джулию].

б) И эвиденциальные *сум-л-формы*, и независимая *да-конструкция* также являются показателями модального значения (ад)миратива — выражение удивления при обнаружении факта, который не соответствовал ожиданиям говорящего. *Да-конструкция* маркирует конкретное событие (или несколько событий) в плане настоящего или прошедшего, которое, по мнению говорящего, нарушает естественный порядок вещей.

4) — Од Балканската војна сум војник, седум рани носам. (...) И пак тоа копице мене **да ме учи!**... Крчмарот му потврдуваше со глава. (Б. Конески «Лозје»). [Я солдат со времен Балканской войны, семь ран ношу... (...) И чтоб этот слизник еще меня учил! Хозяин корчмы согласно кивал головой].

В отличие от адмиративных *сум-л-форм да-конструкция* может использоваться в том типе нарратива (то есть в последовательном рассказе о событиях в прошлом), в котором выделяется персонифицированный повествователь. *Да-конструкции* появляются в тех точках развития действия, которые кажутся рассказчику ключевыми, он хочет вызвать у слушающего максимальную степень эмпатии и удивления. Такие *да-конструкции* представляют собой особый подтип *адресованного адмиратива*⁹. В примере 6 героиня рассказывает историю своей жизни, в повествовании *да-конструкции* описывают ситуацию, когда она впервые видит свое отражение в зеркале после месяцев заключения:

5) Сосема туѓо лице... Мое е, а ништо мое нема на него. Ни уста, ни нос, ни очи, ни чело. И не можам да се тргнам од пред огледало. (...) Такво лице ќе да имав видено некаде, на некој филмски журнал: го откопуваа од некоја колективна гробница... Сета глава **да ми е соголена**. Само неколку влакна **да ми штрчат** на темето. Ама и тие се некако недалеку застанати: влакно со **влакно да не може** да се досегне. А и главата како да ми стои понастрана од телото. (П.М. Андреевски «Небеска Тимјановна»). [Совсем чужое лицо... Мое,

а ничего моего в нем нет. Ни рот, ни нос, ни глаза, ни лоб. А взгляд не могу отвести. (...) Кажется, такое лицо я где-то видела, в каком-то журнале о кино: где человека откопали из братской могилы... И вся голова голая! Только несколько волосинок торчит на темени. Но и они как-то реденькие, и волосок до волоска не дотягивается. Да и сама голова будто отдельно от тела].

Функция повествовательной адмиративной ДАК — не столько маркировать экспрессивную реакцию говорящего от нарушения ожиданий, несовпадения фактов с его эпистемической гипотезой, сколько вызвать этот спектр эмоций у слушающего.

с) Интересным представляется соотношение двух близких по значению показателей адмиратива — независимой *да*-конструкции и *сум-л*-формы, они регулярно употребляются вместе, образуя сочетание *да+perf*, с общим значением «усиленного» адмиратива. Соединение двух показателей в одной глагольной форме усиливают аффект, который говорящий испытывает после осознания нового факта, нарушившего логический ход вещей:

б) Луѓето околу се виткаа од смеене и велеа: — Пусти Богдан, што шакација бил! — Види го, каков **откорнатик да ти бил!** (В. Малески. «Разбој»). [Люди вокруг надрывались от смеха и говорили: — А этот Богдан, какой, оказывается, шутник! — Посмотри на него, вот он оторва!].

В македонском языке сочетание двух показателей — *да*-конструкции и эвиденциальной *сум-л*-формы — не имеет грамматически обязательного статуса и обусловлено прагматическими установками говорящего, для которого важно провести четкую границу между высказываниями собственными и чужими. Межкатегориальное взаимодействие в составе нефактивной *да*-конструкции (*да+perf*) открывает новые модализированные стратегии употребления эвиденциальных показателей.

Примечания

- ¹ *Aikhenvald A.Y.* Evidentiality. Oxford, 2004; *Козинцева Н.А.* Связи засвидетельствованности с другими категориями // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб, 2007.
- ² *Ницолова Р.* Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 27–45; *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- ³ *Lunt Horace G.* A grammar of the Macedonian literary language. Skopje, 1952.
- ⁴ *Тополињска З.* Семантичка/граматичка категорија „дистанца“ // Предавања на XLI меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, Охрид, 11–28.08.2008. Скопје, 2009. С. 45–52.
- ⁵ *Тополињска З.* Семантичка/граматичка категорија „дистанца“. С. 45–52; *Макарцев М.М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб., 2014. С. 42.
- ⁶ *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М., 2003. С. 253.
- ⁷ *Верижникова Е.В.* Адмиративност во македонскиот јазик // XXXVIII Научна конференција на XLIV Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид, 14 и 15 јули 2011). Лингвистика. Универзитет Св. Кирил и Методиј. Скопје, 2012. С. 93–109.
- ⁸ Поскольку корпус македонского языка пока еще находится на стадии разработки, для исследования был использован языковой материал, полученный способом сплошной выборки из литературных текстов разных функциональных стилей.
- ⁹ *Верижникова Е.В.* Адмиративност во македонскиот јазик. С. 93–109.

Традиционная народная культура провинции Шаньдун

Лю Ху, Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: liu.hu@mail.ru

Ключевые слова: диалект, мифологические персонажи, конфуцианство

Traditional folk culture of Shandong Province

Liu Hu, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: liu.hu@mail.ru

Keywords: dialect, mythological characters, Confucianism

Целью исследования является выявление особенностей традиционной народной культуры провинции Шаньдун. В работе рассматриваются наименования мифологических персонажей в китайской традиции. Автор дает обзор истории диалекта, мифологии и конфуцианской традиции в провинции Шаньдун.

Народная мифология провинции Шаньдун имеет большую ценность для исследований. Шаньдун является одним из важнейших мест для китайской культуры: здесь родился Конфуций, возникла ранняя китайская письменность и древнейший город-государство, также здесь рано стали производить керамику и шелк. С древних времен провинция Шаньдун была одним из политических, экономических и культурных центров Китая. Уникальная культура Цилу занимает важное место во всей традиционной культуре.

Исследование сконцентрировано на изучении диалекта Цилу, распространенного в провинции Шаньдун. Он относится к группе *гуаньхуа*, имеет свои уникальные особенности фонетики и отличается от пекинского и северо-восточного

диалектов *гуаньхуа*. В провинции Шаньдун распространены три диалекта: Цилу (на северо-западе), Цзяоляо (на востоке) и Чжунюань (в центре равнины). На диалекте сохранились хроники, мифы, фольклор и поэзия провинции Шаньдун. Шаньдунские диалекты играют важную роль в развитии китайской культуры: «Изучая диалекты и поговорки Шаньдуна, мы обнаружили, что культура Цилу глубоко укоренилась в душах людей: традиционная цивилизация Шаньдуна имеет долгую историю, оказавшую глубокое влияние на современных жителей Шаньдуна»¹. В системе диалекта Цилу находят отражение особенности мировосприятия и образа жизни местных жителей, которые разнятся в рамках провинций. Диалект является полноценной системой речевого общения. Наименование того или иного мифологического персонажа находит отражение в устной речи, фольклоре, а также и в письменных источниках.

В исследовании рассматриваются мифологические персонажи, встречающиеся в фольклорных текстах провинции Шаньдун, такие как дух дома, дерева, воды и т. д. Все эти персонажи в той или иной степени имеют признаки нечистой силы. В работе особое внимание уделяется наименованиям персонажей и их диалектным вариантам, отражающим восприятие и понимание их местными жителями. Исследуется внешний вид, ипостась, локус, функция. Одним из важных объектов изучения является также этнокультурный контекст, в том числе местные праздники, обычаи и ритуалы. Исследование проводилось на материале краеведческих записей. Так в прибрежных районах Шаньдуна было зафиксировано, что люди верят в *Тяньхоу* (богиня-покровительница мореплавателей), в некоторых деревнях люди называют ее *Хайшэнь Нянян* (*Хайшэнь* — богиня моря, *Нянян* — ее диалектное учтивое наименование). Сохраняется традиция «подношения денег и имущества — ежегодно 15 и 16 января по лунному календарю люди поджигают ритуальные

бумажные деньги, разноцветные флаги, специальные одеяла и одежду, сделанные рыбаками для Тяньхоу, и молятся о благословении»².

Язык отражает духовную культуру народа. В провинции Шаньдун зарождалось конфуцианство — этико-философская система и религиозное учение Китая. Суть ее сводится к следующим трем принципам: доброжелательность, вежливость и умеренность. Конфуцианство лежит в основе системы верований и культов. Сегодня Конфуция почитают как *Да Шэн Сянь Ши* («Великого святого учителя»). В сельской местности его называют *Кун Шэнжень*, *Кун Лаое*, *Кун Лаофуцзы*. В провинции Шаньдун проводятся праздничные мероприятия, посвященные Конфуцию.

Все вышеизложенное позволяет выделить следующие особенности традиционной народной культуры провинции Шаньдун: 1) формируется собственная уникальная система народной культуры; 2) различные феномены духовной культуры взаимодействуют и смешиваются друг с другом; 3) представленная традиционная культура провинции Шаньдун может быть в дальнейшем исследована с точки зрения сравнительной типологии сходств и различий мифологических персонажей культуры славян.

Примечания

¹ 殷梅. 从山东方言俗语看齐鲁文化 // 青岛科技大学学报. 2011. № 3. С. 57. (*Инь Мэй*. Изучение культуры Цилу через диалект и поговорки // Вестник циндаоского университета науки и техники. 2011. № 3. С. 57.)

² 张兆兴. 青岛渔民风俗: 祭奠海神, 拜海神娘娘 // 青岛日报, 青岛. 16.02.2015. (*Чжан Чжаосинь*. Рыбацкий обычай в Циндао: жертвоприношение и поклонение божеству моря // Циндао жибао. Циндао. 16 февраля 2015.)

К семантико-мотивационной интерпретации лексики, обозначающей недоброжелателя (на материале севернорусских говоров)*

Яна Владимировна Малькова, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: yana-malkova@list.ru

Ключевые слова: этнолингвистика, русская диалектная лексика, семантика, мотивология, народная аксиология

On the semantico-motivational interpretation of lexis denoting the malevolent person (based on the data from the Russian north dialects)

Yana V. Malkova, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: yana-malkova@list.ru

Keywords: ethnolinguistics, Russian dialect lexis, semantics, motivationology, folk axiology

Недоброжелательность представляется многоаспектным понятием, связанным как с внутренним миром человека, так и с его социальным существованием. Неприязненно настроенный по отношению к другим человек обращает на себя внимание в обществе, поскольку он нарушает традиционный уклад. Оценка его поведения со стороны социума нередко закрепляется в языке.

Статья посвящена рассмотрению представлений о неприязненно настроенном человеке, существующих в языковом сознании носителей севернорусских говоров. Преиму-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

щественно мы сосредоточимся на исследовании внутренней формы лексем, составляющих обозначенную зону семантического пространства, а также на выделении основных мотивационных линий. В качестве материала выступают лексические единицы, представленные в диалектных словарях и неопубликованных картотеках по таким территориям, как Архангельская, Вологодская, Мурманская области, Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий АО; также будут привлекаться данные дочерних говоров (Урала и Сибири).

Наибольшее внимание носители говоров уделяют **поведению недоброжелательного человека**. Недоброжелательность выражается, прежде всего, в **недружелюбном взгляде**: печор. *как рублём одарить* 'посмотреть недоброжелательно' (т.е. презрительно, как на нищего)¹, перм. *глядеть сентябрём* 'быть хмурым; выражать неудовольствие недружелюбие'², помор. *коситься* 'ссориться, жить недружелюбно'³ ← 'посматривать искоса, сурово бросать беглым взглядом, злобно смотреть'⁴.

Недоброжелательный человек зачастую выражает свое недовольство **вербально**: волог. *фунья́стый* 'недоброжелательный, неприветливый'⁵ ← 'ворчливый; постоянно недовольный'⁶. Обострение отношений ведет к обоюдным упрекам, спорам (карел. *спóрный* 'недружный'⁷) и ссорам (ср.-урал. *наперекосёрдиях* 'недружно'⁸ ← алт., том., амур., курган., тобол., челяб., волог. *перекосёрдие(ве)* 'возражение, пререкание, перекоры; ссора'⁹).

Недружелюбный человек проявляет **агрессию**, совершает поступки, приносящие объекту ощущение вреда: перм. *вредительница* 'недоброжелательная, неприязненно настроенная женщина'¹⁰, арх. *заёдливый* 'недоброжелательный, злой'¹¹.

Недоброжелательно настроенному человеку приписываются **определённые свойства характера**, в первую очередь, злобность. Так, например, для перм. *кокóра* 'о женщине

недоброжелательной, неприязненно настроенной к другим¹² мотивирующим, вероятно, послужило значение перм. *как ко-кора* 'о чем-л. твердом, жестком'¹³, *кокора* 'коряга, пень', 'ком засохшей грязи'¹⁴. Тогда возможно предположить переход 'твердый, жесткий' (подобно дереву, высохшей грязи) → 'суровый, злой' (ср. *жесткий характер, твердость характера* и т. д.) → 'недоброжелательный'.

Судя по данным языка, существуют определенные представления о **внешнем виде** недоброжелательно настроенного человека.

По признаку **внешнего вида**, представляющего опасность, недоброжелательный человек сравнивается с волком (арх. *волчáной* 'недружелюбный, злой, неприветливый'¹⁵) или с быком (перм. *как бык* 'с недружелюбным видом, надувшись'¹⁶).

Как неприязненный настрой может интерпретироваться **внешняя строгость** человека, ср. волог. *серьёзный* 'суровый, недоброжелательный'¹⁷ ← 'выглядящий глубокомысленно, сосредоточенно'.

Неприязненность значительным образом нарушает традиционный уклад и правила взаимодействия в деревенском обществе. Именно поэтому во внутренней форме лексем находят отражение представления о **социальном положении** недоброжелательно настроенных людей.

Недружелюбный человек **«исключается» из членов группы**, в которой он существует. На это указывают, например, такие лексемы, как карел. *несою́зный* 'неприветливый, недружный'¹⁸, волог. *несми́ла* 'недружелюбно'¹⁹ (в гнезде **mil-* исходными значениями были 'дружба, дружественный, любовный союз', 'связь'²⁰). Неприязненно настроенные люди относятся к «чужим», а не «своим»: арх. *несво́чатый* 'о недружелюбном, замкнутом человеке; о человеке, который не поддерживает семейные отношения'²¹ (< *не свой*).

Недоброжелатели не участвуют в жизни деревни, не поддерживают важнейшие типы социальных связей, такие как

соседство (арх. *несусѣдливый* 'недружный'²²) и родство (ко-стром., самар., смол. *несоветный* 'несогласный, недружный': *Не спрашивают друг у дружки, дак несоветная семья*²³). Общественному они предпочитают личное пространство: волог., арх., перм., сиб. *углан* 'угрюмый, недоброжелательный, злой человек'²⁴, перм. *сидѣть на запертѣ (на крючкѣ, под бадогáми)* 'жить за постоянно замкнутой дверью, что является символом негостеприимства, недружелюбия'²⁵.

Недоброжелательность может концептуализироваться через **мифологические образы**. Так, вероятно, волог. лексема *лихомánка* 'недоброжелательная, неприятная osoba'²⁶ связана мотивационными отношениями с новг., волог. *лихо* бран. 'нечистая сила, черт'²⁷, курск. *лихомán* 'дьявол, черт'²⁸. По славянским демонологическим верованиям, черт может вселиться в тело человека, «одержимый чертом становится злым, агрессивным, склонным к дракам и убийству»²⁹.

Недоброжелательное поведение **негативно воспринимается в социуме**, на что указывает закрепление оценок во внутренней форме лексем. Нарушение мирного сосуществования людей в обществе воспринимается как отступление от важнейших моральных принципов, от совести (карел. *несóвестно* 'недружно, ссорясь'³⁰), и понимается как грех (карел., арх. *грешítься* 'ссориться, жить недружно'³¹).

Наконец, стоит отметить, что общение с неприязненно настроенным человеком вызывает у других людей **психологический дискомфорт**, что отражается в арх. *остудный* 'недоброжелательный, злой; вредный'³². Мотивационным импульсом для переноса значения стало то, что холод связывается с внутренним равнодушием человека к чему-либо, ср. курск. *постылица* 'утрата расположения, любви'³³. Напротив, жар и тепло означают доброе, сердечное отношение к кому-либо.

Таким образом, анализ внутренней формы лексем, принадлежащих полю, позволяет воссоздать языковой облик недружелюбно настроенного человека. Лингвистические данные

обращают внимание на некоторые особенности внешнего вида, характера, поведения и социального положения недоброжелателя. В частности, отмечается строгость, недобрый взгляд, злобность, склонность к прямому выражению неприязни и ссорам, стремление навредить, избегание общества. В свою очередь, другие люди, испытывая враждебность к недоброжелательно настроенному человеку, предпочитают не контактировать с ним.

Примечания

¹ Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / сост. Н.А. Ставшина. СПб., 2008. Т. 1. С. 329.

² Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. С. 81.

³ Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И.И. Муллонен. Петрозаводск, 2011. С. 184.

⁴ Там же.

⁵ Словарь русских народных говоров / гл. ред. С.А. Мызников. СПб., 2016. Вып. 49. С. 179.

⁶ Там же.

⁷ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 2005. Вып. 6. С. 267.

⁸ Словарь русских говоров Среднего Урала / отв. ред. Н.П. Костина. Свердловск, 1971. Т. 2. С. 177.

⁹ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Л., 1991. Вып. 26. С. 130.

¹⁰ Словарь русских говоров севера Пермского края / Перм. гос. ун-т; гл. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1. С. 288.

¹¹ Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовоной. М., 2015. Вып. 16. С. 347.

¹² Словарь пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000. Вып. 1. С. 402.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2002. Т. 2. С. 176.

- ¹⁶ Словарь пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой... Вып. 1. С. 71.
- ¹⁷ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 6. С. 74–75.
- ¹⁸ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1999. Вып. 4. С. 13.
- ¹⁹ Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ²⁰ Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1992. Вып. 19. С. 46–48.
- ²¹ Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ²² Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1986. Вып. 21. С. 169.
- ²³ Там же. С. 158.
- ²⁴ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 2013. Вып. 46. С. 201–202.
- ²⁵ *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. С. 329–330.
- ²⁶ Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А.И. Левичкин, С.А. Мызников. СПб., 2006. С. 236.
- ²⁷ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1996. Вып. 3. С. 131.
- ²⁸ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1981. Вып. 17. С. 79.
- ²⁹ Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2014. Т. 5. С. 525.
- ³⁰ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4. С. 13.
- ³¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994. Вып. 1. С. 396.
- ³² Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Л., 1989. Вып. 24. С. 92.
- ³³ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Л., 1996. Вып. 30. С. 245.

Номенклатурные термины объектов городского пространства на примере Москвы, Софии и Варшавы

Мария Михайловна Масальская,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская
Федерация; e-mail: Marima94@yandex.ru

Ключевые слова: ономастика, язык и культура, городские объ-
екты, топонимы, агоронимы, номенклатурные термины

Nomenclature terms for urban space objects based on the example of Moscow, Sofia, and Warsaw

Mariia M. Masalskaia, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: Marima94@yandex.ru

Keywords: onomastics, language and culture, city objects, godo-
nyms, agoronyms, nomenclature terms

Город представляет собой особое семиотическое простран-
ство, существующее в соответствии с историей, географией,
культурными и религиозными традициями страны. Анализ
городского пространства должен быть комплексным и вклю-
чать в себя как рассмотрение лингвистических аспектов, так
и экстралингвистических, в частности таких, как история
возникновения города, его тип и планировочная структура.

В ходе данного исследования рассматривается система
урбанонимов трех славянских столиц — Москвы, Софии
и Варшавы. Эти города стали столицами в различные пе-
риоды при разных исторических обстоятельствах. Городская
топонимия Москвы складывалась изначально в рамках ра-
диально-кольцевой планировочной структуры, центром ко-
торой являлся Кремль. София становится геополитическим
и культурным центром только в 1879 г., после получения

Болгарией относительной независимости, тогда же город стал постепенно приобретать прямоугольную планировочную структуру. До этого городское пространство было организовано подобно турецким городам и многим городам Востока, где городскую структуру формируют не улицы, а кварталы (болг. *махала*). Варшава становится фактической столицей после пожара в Вавельском замке в Кракове (1596 г.), однако официальной столицей город стал лишь в 1791 г. Планировочная структура Варшавы тяготеет к комбинированной, то есть объединяет в себе черты радиально-кольцевой и прямоугольной структур.

Функционирование объектов городского пространства не представляется возможным без номенклатурных терминов. Н.В. Подольская предлагает понимать под номенклатурой в данном случае: «1) Список, совокупность онимов. 2) Список, совокупность названий объектов, регистрируемых и изучаемых данной отраслью знания»¹. Ю.А. Карпенко отмечал, что «организация географических терминов теснее связана с объектами, с географическими реалиями — она диктуется, строго регламентируется этими реалиями»².

В ходе данного исследования мы рассмотрели около 11 000 урбанонимов Москвы, Софии и Варшавы. В урбанонимии Москвы встречаются такие номенклатурные термины: *аллея, бульвар, набережная, переулок, площадь, проезд, просек/просека, проспект, рынок, тупик, улица, шоссе*; в Софии — *алея, булевард, площадь, улица*; в Варшаве — *aleja, bulwar, pasaż, plac, rondo, rynek, trakt, ulica, wybrzeże, kopiec, strona, międzymurze*. Основным номенклатурным термином, функционирующим в городском пространстве трех славянских столиц, является «улица»: 50,37% — в Москве, 95,42% — в Софии, 95,93% — в Варшаве.

В урбанонимии Софии представлено достаточно небольшое количество номенклатурных терминов — *алея, булевард, площадь, улица*. Что, вероятно, обусловлено тем, что

этот город представляет собой сравнительно новую городскую систему, в которой сохранилось небольшое количество традиционных элементов, в отличие от Москвы и Варшавы.

Московские урбанонимы отличают номенклатурные термины — *переулок* (более 600 наименований), *проезд* (более 450 наименований), *просек / просека* (13 наименований), *проспект* (около 40 наименований), *тупик* (более 50 наименований).

Среди урбанонимов Варшавы выделяется ряд номенклатурных терминов, не встречающихся в составе городских номинаций Москвы и Софии, например — *rondo* (рус. круглая площадь). Основное отличие данного номенклатурного термина от «площади» состоит в том, что *rondo* представляет собой «перекресток в виде круглой площади с «островком» в середине»³. Всего 46 наименований. Например: *Rondo Feliksa Stamma*, *Rondo Jana Szala*, *Rondo Józefa Szczepańskiego «Ziutka»*, *Rondo Tybetu*, *Rondo Jerzego Waszyngtona*. Также городское пространство Варшавы отличает наличие единичных номенклатурных терминов таких, как *międzymurze* (ход между (наружной и внутренней) окружными стенами средневековой крепости) — *Międzymurze Jana Zachwatowicza, kopiec* (курган, холм, бугор) — *Kopiec Powstania Warszawskiego, strona* (сторона) — *Strona Ignacego Wyszogoty Zakrzewskiego*. Отметим и различия в московском и варшавском номенклатурном термине «рынок / гупек». Данный термин в московской урбанонимии представляет собой реальный объект городской инфраструктуры. Польский же «гупек» может и не быть связанным с местом торговли, поскольку, в первую очередь, соотносится с исторически закрепившимися наименованиями частей города, где ранее действительно находился торговый рынок, а сейчас это площадь.

Таким образом, очевидно, что на состав городских номенклатурных терминов оказывают влияние прежде всего национальные и местные традиции их употребления.

Различия в планировочной структуре организации города, в рамках которой формировалась городская топонимия, ведут к такому явлению как безэквивалентность номенклатурных терминов.

Примечания

¹ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 92.

² Карпенко Ю.А. Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи) // Вопросы географии. Местные географические термины. М., 1970. Т. 81. С. 36–45.

³ To skrzyżowanie w formie kolistego placu z wysepką na środku // Inny słownik języka polskiego PWN. Warszawa, 2000. S. 527.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.09

Змора и проблема определения категории *двоедушник*

Полина Борисовна Миронова, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; e-mail: diana_middels@mail.ru

Ключевые слова: польский фольклор, двоедушники, мифологический персонаж, народная демонология

Zmora and the problem of the category *soul dualism*

Polina Borisovna Mironova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
e-mail: diana_middels@mail.ru

Keywords: Polish folklore, mythological creature, folk demonology, people with two souls

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» змора — польский мифологический персонаж (МП), главной функцией которого является душиение людей во

сне — однозначно отнесена к категории двоедушников¹. Однако известный польский фольклорист О. Кольберг считал, что змора не является двоедушником². Его точку зрения подтверждает пометка собирателя к разделу о зморе в анкете Польского этнографического атласа: «Nie wiązu tego z dwiema duszami» («Не связывает этого с двумя душами»)³. В статье рассматривается история формирования исследовательского термина *двоедушник*, его современное значение, ставится вопрос об адекватности его применения к разным МП, в частности, к зморе.

В «Славянских древностях» Е.Е. Левкиевская и А.А. Плотникова определяют данную группу МП следующим образом: «Двоедушники — в з.-укр. и пол. традиции люди, рожденные с двумя душами: человеческой и демонической (или двумя сердцами) и поэтому обладающие демоническими свойствами»⁴. Ключевым мотивом, объединяющим всех двоедушников, является «способность второй души покидать спящее тело и вести самостоятельное существование обычно для того, чтобы приносить вред людям»⁵. Душа выходит из тела двоедушника, главным образом, ночью во время сна, поэтому днем он никак не отличается от обычного человека. После смерти двоедушники продолжают вредить живым, поскольку их вторая душа (или сердце) не умирает⁶.

Данная трактовка основана на подходе, сформулированном в работах Н.И. Толстого 1980–90-х гг.⁷ Исследователь, в свою очередь, ссылается на статью Ф.М. Потушняка, посвященную поверьям о душе в закарпатском селе Осой⁸. В силу разработанности и распространенности представлений о двоедушии в этом ареале, круг персонажей-двоедушников, описанных в статье Потушняка, весьма широк — в него входят, например, «водяний опір», «вітряник» и «той, що гадам розказує»⁹. Соответственно, им свойственны не только вышеприведенные мотивы, но множество иных, которые не всегда соотносены с двоедушниками в соседних фольклорных традициях.

В польском фольклоре поверья о двоедушниках разработаны не настолько подробно, как в Закарпатской области Украины, о которой пишет Потушняк. В Польше мотив двоедушия связан преимущественно со стригонем (*strzygoń*) или упырем (*upiór*) — близкими друг к другу и часто функционально эквивалентными МП, которые «ходят» после смерти¹⁰. Для зморы мотив двоедушия не настолько типичен: по данным Польского этнографического атласа, этот мотив регулярно появляется в сообщениях информантов о стригонях и упырях¹¹ и упоминается по отношению к зморе всего в четырех анкетах из более двухсот тридцати¹². Спорадически в польском фольклоре двумя душами обладает также утопленник (*topielec*)¹³.

Сравнение образов двоедушников из Закарпатья и разных регионов Польши показывает, что, в зависимости от степени разработанности представлений о двоедушии в конкретном ареале, к числу двоедушников там могут быть отнесены разные персонажи, которые притягивают в концептосферу двоедушия специфические сюжеты и мотивы, с ними связанные. Поэтому при работе с конкретным материалом может быть сложно точно определить, какие именно сюжеты и мотивы являются «маркерами» двоедушия в изучаемом ареале, а какие нет, если это не высказано прямо в сообщениях информантов.

Если опираться на определение двоедушников из «Славянских древностей», прототипические польские двоедушники стригонь и упырь не могут быть отнесены к этой категории МП, поскольку в качестве основного показателя принадлежности к двоедушникам там указан мотив выхода души из спящего тела, нехарактерный для стригоня и упыря. В отличие от зморы, эти персонажи обычно начинают вредить людям только после смерти, но даже тогда вторая душа стригоня или упыря, вынуждающая его труп «ходить», как правило, остается в теле¹⁴. При этом еще Потушняк писал,

что существуют двоедушники, душа которых не покидает их тела¹⁵.

В то же время, мотив выхода души из тела сам по себе не всегда указывает на двоедушие. Упоминания информантов о выходе души из тела зморы во время сна регулярно встречаются в польском фольклоре, в отличие от немногочисленных свидетельств о двоедушии зморы. Это может не только говорить о том, что наличие у зморы двух душ обычно не выражается информантами эксплицитно, но и показывать, что в ряде случаев связь выхода души из спящего тела с двоедушием отсутствует на уровне мировоззрения. Кроме того, в славянском фольклоре мотив выхода души из тела во время сна может относиться не только к двоедушникам, но и к обычным людям¹⁶.

Таким образом, хотя для зморы типичен мотив выхода души из тела во время сна, и польские информанты иногда упоминают о двоедушии зморы, эти два признака не позволяют уверенно отнести змор на всей территории Польши к классу *двоедушников*, поскольку в польской народной традиции мотив двоедушия редко напрямую связан с выходом души из спящего тела. Поэтому, кроме эксплицитного упоминания информантов о двух душах / двух сердцах МП в конкретном микроареале или наличия там соответствующей народной терминологии¹⁷, вторым более надежным критерием определения двоедушников представляется появление у МП некоторых мотивов, определенно указывающих на двоедушие. Например, наречение ребенка при крещении двумя именами неоднократно встречается в мифологическом тексте о стригонях¹⁸, но практически нехарактерно для зморы, что подтверждает наши наблюдения об отсутствии или периферийности для нее мотива двоедушия в значительной части Польши.

Примечания

- ¹ *Левкиевская Е.Е.* Змора // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 342; *Левкиевская Е.Е., Плотникова А.А.* Двоедушники // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 29.
- ² *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Krakowskie. Kraków, 1874. Т. 7. Część III. S 69 (цит. по *Zieleniewski M.* O przesądach lekarskich ludu naszego. Kraków, 1845. S. 52).
- ³ Archiwum Polskiego Atlasu Etnograficznego. Kwestionariusz N 10 Demony, półdemony i istoty nadprzyrodzone w opowiadaniach i wierzeniach ludowych. Sygn. PAE 20. 25. VII. Dzierżazna. S. 43.
- ⁴ *Левкиевская Е.Е., Плотникова А.А.* Двоедушники. С. 29.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 29–30.
- ⁷ *Толстой Н.И.* Двоедушник // Мифологический словарь / под общей ред. Е.М. Мелетинского. М., 1990. С. 177; *Толстые Н.И. и С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд, текст / под ред. Н.И. Толстого. М., 1981. С. 117.
- ⁸ *Потушняк Ф.М.* Душа в народнім повір'ю села Осій // Науковий збірник товариства «Просвіта» в Ужгороді. Ужгород, 1938. С. 33–44.
- ⁹ Там же. С. 41–42.
- ¹⁰ См. например, *Валенцова М.М.* Мультипликация души: славянские поверья о двоедушниках // *Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej. Dusza w oczach świata / pod red. Ewy Masłowskiej, Doroty Pazio-Wlazłowskiej.* Warszawa, 2016. Т. 1. С. 488–490.
- ¹¹ См. например, Archiwum... Sygn. PAE 23.34.VI. Wola Filipowska. S. 51; Archiwum... Sygn. PAE 20.31.X Kokotek. С. 50; Archiwum... Sygn. PAE 26.28.VI Modliszewice. S. 50.
- ¹² Archiwum... Sygn. PAE 19.33.XVI. Wilcza. S. 44; Archiwum... Sygn. PAE 14.17.XI. Nietuszkowo. S. 43; Archiwum... Sygn. PAE 13.30.I. Książnica Śląska. S. 44; Archiwum... Sygn. PAE 11.28.VI. Słup. S. 44.
- ¹³ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Tarnowskie–Rzeszowskie. Wrocław; Poznań, 1967. Т. 48. S. 269.
- ¹⁴ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Krakowskie... S. 64.
- ¹⁵ *Потушняк Ф.М.* Душа... С. 41.

¹⁶ Толстая С.М. Душа // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 164.

¹⁷ См. Валенцова М.М. Мультипликация... С. 488–490.

¹⁸ См., например, Archiwum... Sygn. PAE 22.34.IX. Babice. S. 49–52; Archiwum... Sygn. PAE 23.36.VII. Budzów. S. 50–53; Kolberg O. Dzieła wszystkie. Krakowskie... S. 64.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.10

Предложения с причинно-аргументирующим значением в болгарском языке

Анастасия Геннадьевна Мосинец, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: anastasiiamos@gmail.com

Ключевые слова: болгарский язык, придаточные причины, обратно-причинное значение, предложения обоснования, причинно-аргументирующие предложения

Clauses of reason with argumentative semantics in Bulgarian

Anastasiya G. Mosinets, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: anastasiiamos@gmail.com

Keywords: Bulgarian language, clauses of reason, argumentative semantics, clauses of reverse reason, explanatory clauses

Среди сложных предложений с придаточным причины в славянских языках обычно выделяются предложения с несобственно-причинным значением, где в придаточной части указывается «внешний повод или косвенное свидетельство», используемое в качестве аргумента для сообщаемого в главной части умозаключения¹: *При това очевидно хората на «Зодиак» вече са направили проверките си, защото директорът разполага с пълни данни за предприятието*

ми [При этом, очевидно, люди «Зодиака» уже провели проверку, потому что директор располагает всеми данными о моем предприятии] (Б. Райнов).

В докладе рассматриваются синтаксические и семантические особенности болгарских сложных предложений с союзами причины, имеющих причинно-аргументирующее значение. Материал для исследования собран из произведений Д. Димова, Б. Райнова, П. Вежинова.

1. Особенность семантики причинно-аргументирующих предложений. Семантической особенностью причинно-аргументирующих предложений является обоснование, полностью базирующееся на логике развития мысли. Положение дел, указываемое в придаточной части, обосновывает истинность вывода не само по себе, а лишь через обращение к опыту говорящего и его знанию подобных ситуаций².

По сравнению с собственно-причинными предложениями, ситуации, указанные в разных частях предложения, меняются местами. Событие-причина отражается главным предложением, а событие-следствие — причинным придаточным предложением, то есть семантика синтаксической структуры (Б, так как А) вступает в противоречие с событийным, номинативным элементом смысла (Так как Б, то А)³, таким образом, налицо «обратная» причинно-следственная зависимость⁴: *Еванс вероятно продължава запя си или почива от него, защото ролс-ройсът не е на обичайното си място* [Эванс, вероятно, продолжает пить или отдыхает от запоя, потому что роллс-ройс не на своем обычном месте] (Б. Райнов). Ср. **Ролс-ройсът не е на обичайното си място, защото Еванс продължава запя си* [*Роллс-ройс не на своем обычном месте, так как Эванс еще продолжает пить или отдыхает от запоя].

Еще одной семантической особенностью предложений причинно-аргументирующего значения в наших примерах

является то, что вывод, как правило, делается на основе ситуаций, попавших в поле восприятия говорящего в момент совершения вывода, что может подчеркиваться и лексически: *Тоя спомен изглежда, че ѝ тежеше, защото лицето ѝ изведнъж потъмня* [Похоже, это воспоминание тяготило ее, потому что ее лицо вдруг побледнело] (П. Вежинов). *Тия глупости обаче също не дават резултат, защото тъкмо в тоя миг чувам шепота на Любо [...]* [Эти глупости, однако, тоже не дают результата, потому что именно в этот миг я слышу шепот Любо] (Б. Райнов).

2. Структурные особенности причинно-аргументирующих предложений.

2.1. Позиция придаточной части. Общим структурным свойством для причинно-аргументирующих предложений является постпозиция придаточной части, то есть сначала представлен вывод, затем — основание для данного вывода.

2.2. Средства связи в предложениях с причинно-аргументирующим значением. В качестве средств связи в данных предложениях из всех болгарских союзов причины выступают следующие: *защото, тъй като* и *понеже*. Наиболее распространенным средством связи, как и в собственно-причинных предложениях, является союз *защото*: *Човекът навярно си разбира от работата, защото шперцът уверено щраква и се превърта* [Человек, наверное, разбирается в своем ремесле, потому что отмычка уверенно щелкает и поворачивается] (Б. Райнов). С союзами *тъй като* и *понеже* зафиксированы немногочисленные примеры: *Навярно сънувам, решавам аз, тъй като невъзможно е да има човек в коридора, понеже вратата на етажа е заключена <...>* [Наверное, это сон, решаю я, так как невозможно, чтобы в коридоре кто-то был, поскольку дверь на этаж заперта] (Б. Райнов). *Вероятно девойката междувремени е приела предложено то питие, понеже чуваме: <...>* [Вероятно, в это

время девушка взяла предложенный напиток, поскольку мы слышим <...>] (Б. Райнов).

Возможно, использование в данном типе предложений является нехарактерным для союзов *тъй като* и *понеже* из-за их склонности к препозиции, что невозможно в предложениях данного типа. Кроме того, в причинно-аргументирующих предложениях представлен субъективный вывод, а субъективное мнение говорящего в причинных предложениях, как правило, вводится союзом *защото*.

2.3. Лексическое указание на вывод говорящего.

Причинно-аргументирующие предложения отличаются активной ролью говорящего, который производит логические операции и таким образом устанавливает связь между событиями главной и придаточной частей⁵. В наших примерах на предположение говорящего указывают:

1) модальные слова, означающие неуверенность: *може би, навярно, вероятно, изглежда*: <...> *следобедът въпреки цялата разтегливост на това понятие вероятно отдавна е минал, тъй като лампите навсякъде са запалени* [Полдень, несмотря на всю растяжимость данного понятия, вероятно, давно позади, так как везде горят лампы] (Б. Райнов); *Навярно и Доротея бе разбрала това, защото видях как с облекчение се усмихна* [Наверное, и Доротея поняла это, потому что я увидел, как она с облегчением улыбнулась] (П. Вежинов).

2) реже — модальные слова, маркирующие большую степень уверенности говорящего: *очевидно, сигурно*: *Фани доби впечатлението, че сигурно му изглеждаше на някоя Шарлота Корде, тъй като прочете в очите му неприязнь и подозрение* [У Фани осталось впечатление, что она представляется ему какой-нибудь Шарлоттой Корде, так как она прочла в его глазах неприязнь и подозрение] (Д. Димов).

3) предложение с глаголом мыслительной деятельности, для которого главная часть рассматриваемого причинно-аргументирующего предложения выступает в качестве

изъяснительного придаточного: <...> *по пътя следва мислено да призная, че се е случила една дребна авария, тъй като шлиферът на гърба ми не е моят* [По пути мне приходится признавать, что произошло небольшое недоразумение, так как плащ на мне чужой] (Б. Райнов).

4) В единичных примерах модальный компонент, указывающий на предположение говорящего, не выражен эксплицитно: *Глътчиците, и неговата, и моята, са от един аршин, защото и двете чаши пресъхват като по даден знак* [И его, и мои глотки одного размера, потому что оба бокала пересыхают, как по команде] (Б. Райнов).

А.И. Варшавская подчеркивает, что особенность передачи причинных и условных смысловых отношений состоит в том, что локализуемые события не отражают реально существующих отношений. Одно из предложений может выражать вывод, другое посылку или основание для некоторого вывода. При этом могут быть пропущены некоторые звенья в цепи логических рассуждений, отражающие факт умственной деятельности говорящего, направленной на осмысление событий и связей между ними: «Если произошло что-то (то у меня есть основания считать), то произойдет и то-то». Этот фрагмент содержания оказывается скрытым внутри структуры, хотя в языке существуют специальные средства для передачи подобного содержания⁶.

Таким образом, причинно-аргументирующие предложения не передают непосредственную причинно-следственную связь между двумя событиями, но помогают проследить логику говорящего: причина, сообщаемая в придаточной части, представлена как обоснование для вывода, сообщаемого в главной части. Несмотря на внешнее структурное сходство с собственно-причинными предложениями, причинно-аргументирующие предложения обладают отличными структурными особенностями: невозможность препозиции придаточной части и наличие модальных слов в главной части.

Примечания

¹ Русская грамматика. В 2 т. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. С. 577.

² Теремова Р.М. Опыт функционального описания причинных конструкций: учеб. пособие к спецкурсу. Л., 1985. С. 55.

³ Там же.

⁴ Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008. С. 64.

⁵ Теремова Р.М. Опыт функционального описания причинных конструкций. С. 56.

⁶ Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка. Л., 1984. С. 109–110.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.11

Становление норм словорасположения в многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях

(на материале исторических повестей XVII в.)

Анастасия Сергеевна Улитова, Университет «Синергия»,
Москва, Российская Федерация; e-mail: ulitovs@mail.ru

Ключевые слова: исторический синтаксис, порядок слов, атрибутивное словосочетание

The word order's formation in the complex attributive word combination (on the seventeenth century historical sagues' material)

Anastasiya S. Ulitova, "Synergy" University, Moscow,
Russian Federation; e-mail: ulitovs@mail.ru

Keywords: historical syntax, word order, attributive word combination

В современном русском языке при нейтральном словорасположении на первом месте в многокомпонентном атрибутивном словосочетании стоит местоимение, а ближе всего

к определяемому располагается прилагательное¹. Так называемое «обмыкание» атрибутов (когда определения обрамляют определяемое) редко встречается в литературном языке и считается книжным, но для разговорной речи рамочные конструкции являются наиболее привычными². В разных памятниках древнерусской письменности два определения, относящиеся к одному слову, вели себя по-разному. В новгородских берестяных грамотах они чаще всего окружали определяемое³. В «Слове о полку Игореве» определения чаще всего стоят в препозиции⁴. Для древнерусских переводных и оригинальных житий наиболее характерным был следующий словопорядок: *прилагательное — местоимение — существительное*⁵. Более поздние памятники еще плохо исследованы. Известно, что две исторические повести нач. XVII в. демонстрируют разные тенденции: в «Сказании» Авраамия Палицына преобладает «обмыкание» атрибутов (*единокровных братьй своих*), а в ранних частях «Иного сказания» словорасположение соответствует древнерусским житиям (*на злоскверный его труп*); в текстах делового содержания нормы словорасположения уже были близки современным (*местоимение — прилагательное — существительное*)⁶.

В данной статье рассмотрен порядок слов в многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях в пространной редакции «Летописной книги» И.М. Катырёва-Ростовского (памятник так называется в научной традиции; есть разные мнения о том, кто настоящий автор произведения⁷). Примеры приводятся по изданию в серии «Русская историческая библиотека»⁸.

Наиболее распространенным в произведении является порядок слов, соответствующий нормам современного литературного языка: **мест. (21 опред., 5 притяж., 24 указ.). — прил. — суц.:** *вся Російская держава (с. 602), свое отеческое царство (с. 579), сего Литовскаго множества (с. 595)* и т. д. — 50 примеров.

Вторым по распространенности в тексте является следующий словопорядок: **прил. — мест. (20 притяж., 4 указ.) — сущ.:** *изрядное ихъ ополчение* (с. 609) и т. д. — 24 примера.

«Обмыкание» является третьим по распространенности видом словорасположения в группах, включающих местоименное определение, прилагательное и существительное: *веля щедроты своя* (с. 619), *той (же) король Полскый* (с. 599) и т. д. — 13 примеров.

Самый редкий вариант — постпозиция обоих определений: **сущ. — мест. (2 указ., 2 притяж.) — прил.:** *гору сію деревяную* (с. 585) и т. д. — 4 примера.

Группы, состоящие из двух прилагательных и существительного, ведут себя похожим образом:

прил. — прил. — сущ.: *со многими дражайшими дарами* (с. 578) и т. д. — 25 примеров;

прил. — сущ. — прил.: *великихъ князей московскихъ* (с. 560) и т. д. — 10 примеров;

сущ. — прил. — прил.: *брани многие безчисленные* (с. 585) и т. д. — 5 примеров.

Словосочетания с двумя местоименными атрибутами, а также с тремя и более определениями немногочисленны, поэтому нельзя сделать достоверных выводов о поведении подобных именных групп, но можно отметить, что в них очень сильно варьируется порядок слов, и постпозитивные и препозитивные определения встречаются одинаково часто:

мест. — мест. — сущ.: *всехъ своихъ падений* (с. 607) — 1 пример;

сущ. — мест. — мест.: *войско (же) его все* (с. 573), *богатство (же) ихъ все* (пограбиша) (с. 589) — 2 примера;

мест. — сущ. — мест.: *со всеми полки своими* (с. 614) и т. д. — 3 примера;

прил. — мест. — прил. — сущ.: *ненасытнымъ своимъ блуднымъ хотѣниемъ* (с. 579), *отъ немилостиваго сего кровава меча* (с. 617) — 2 примера;

мест. — прил. (прич.) — прил. — сущ.: *иныя мнози благороднии юноши* (с. 579), *той (же) предреченный ложный царевичь* (с. 585), *симъ (же) проклятымъ богомерскимъ Римляномъ* (с. 605), *всего православнаго російскаго християнства* (с. 560) — 4 примера;

мест. — прил. (мест.) — сущ. — прил. (мест.): *иныхъ многихъ мужей духовныхъ* (с. 583), *вси ти людие Московстии* (с. 590), *желаемое свое хотѣние все* (с. 595), *настоящую сію бѣду нашу* (с. 616), *за сіе (же) спасенное дѣло его* (с. 620) — 5 примеров.

Таким образом, в «Сказании» Авраамия Палицына преобладали рамочные конструкции. В ранних частях «Иного сказания» большинство определений стояло в препозиции, причем ближе к определяемому было местоимение. «Летописная книга» И.М. Катырёва-Ростовского характеризуется преобладанием словосочетаний, построенных в соответствии с современными нормами словорасположения: *местоимение — прилагательное — существительное* (конечно же, во всех трех исторических повестях превалирующий вариант является далеко не единственно возможным). Нужно отметить, что «Летописная книга» написана немного позже двух других повестей (в 1626 г.; «Иное сказание» и «Сказание» Авраамия Палицына чаще всего датируются 1610-ми гг.). При этом исследование двухкомпонентных словосочетаний в данной повести показало, что она стоит ближе к современным нормам словорасположения, чем другие исследованные книжные тексты⁹. Можно сказать, что «Летописная книга» показывает нам, что в первой трети XVII в. наблюдается стремительное изменение норм словорасположения в атрибутивном словосочетании. Новаторский характер данной повести уже отмечался исследователями: И.Ю. Серова характеризует «Летописную книгу» как «оригинальное в художественном плане сочинение на стыке двух литератур — древнерусской и новой, зарождающейся в XVII в.»¹⁰.

Отдельного внимания заслуживает такой вариант порядка слов, как «обмыкание» (атрибут — определяемое — атрибут). В начале XVIII в. «обмыкание» часто встречалось в книжных текстах и имело «высокую» окраску¹¹. Можно думать, что и в XVII в. «обмыкание» было признаком книжного языка (напомним, что это самый распространенный порядок слов в «Сказании» Авраамия Палицына).

Примечания

- ¹ Кручинина И.Н. Определение // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998. С. 349.
- ² Лантева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 2007. С. 212.
- ³ Worth D. Animacy and adjective order: the case of новгородскъ. An explanatory microanalysis // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. XXXI–XXXII. P. 533–554.
- ⁴ Минлос Ф.Р. Что притягивает притяжательные местоимения? Или линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания, XIII, Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее и будущее: к 50-летию научной деятельности С.К. Пожарицкой. М., 2010. С. 279–290.
- ⁵ Казаковцева О.С. Позиция атрибута в оригинальных и переводных житийных текстах XI–XIII вв. // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2017. № 10 (123). С. 65.
- ⁶ Улитова А.С. Структура трёхкомпонентных атрибутивных словосочетаний в деловой и книжной письменности XVII века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 58–66.
- ⁷ Кукушкина М.В. Семен Шаховской — автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 75–78; Державина О.А. К истории создания «Летописной книги», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому // Уч. зап. Московского пед. ин-та им. В.П. Потемкина. М., 1959. Т. 48. Вып. 5. С. 29–45.
- ⁸ Русская историческая библиотека. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1891. Т. 13.
- ⁹ Улитова А.С. Частные замечания к вопросу о польском влиянии в «Летописной книге» И.М. Катырёва-Ростовского // Тезисы молодежной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие». М., 2018. С. 151–154.

¹⁰ Серова И.Ю. «Летописная книга» (из истории русской литературы первой трети XVII века): автореф... дисс. канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 16.

¹¹ Ковтунова И.И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — I трети XIX в. Пути становления современной нормы. М., 1969. С. 72, 172.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.12

Глаголы взаимно-многократного способа глагольного действия и их перевод на сербский/хорватский и македонский языки

Мария Ивановна Хажомия, Православный
Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва,
Российская Федерация; e-mail: semper_gaudete@outlook.com

Ключевые слова: способы глагольного действия, взаимно-многократный способ действия, сербский язык, хорватский язык, македонский язык

Mutually-multiple verb action in Russian, Serbian / Croatian and Macedonian

Marija I. Hazhomija, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow,
Russian Federation; e-mail: semper_gaudete@outlook.com

Keywords: verb action modes, mutually multiple modes of action, Serbian, Croatian, Macedonian

Взаимно-многократный способ глагольного действия (далее — СГД/СД) формально выражается приставкой *пере-* в соединении с итеративным суффиксом и постфиксом *-ся*: *пере-...-ыва-/-ива-/-ва-/-а-...-ся*. Глаголы этого класса имеют значение взаимодействия между несколькими субъектами, состоящее в том, что они по очереди производят действие, названное мотивирующим глаголом¹. К данному СГД относятся главным образом глаголы речи, звучания, зрительных

восприятий и некоторые другие²: *переговариваться, пересмеиваться, перешептываться, перехихикиваться, перестреливаться, перекликаться*. Ср.:

(1) *Благовест кончился. Перелаивались по городу псы. Где-то пропел петух-полуночник* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев³).

Взаимно-многократный СД в языке двух прошлых веков был представлен шире, при этом кроме суффикса *-ыва-/ива-* использовались суффиксы *-ва-* и *-а*. Ср.:

(2) *Она даже мне не написала обо всем, чтобы не расстроить меня, а мы часто пересылались вестями* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание⁴).

Следует отличать глаголы этого СД от вторичных имперфективов, образованных от совершенного вида с формантом *пере-...-ся*, обозначающих однократное взаимное действие:

(3) *... и морды на холсте перемигнулись, и на прощанье, словно издеваясь, самодовольно звякнул телефон* (Е.А. Евтушенко. Голубь в Сантьяго⁵).

В сербском/хорватском⁶ языке словообразовательными формантами для передачи значения этого СД могут выступать приставки *до-, пре-, з-*, суффиксы *-ива-, -ва-, -а-* и частица *се*, о чем свидетельствуют словари⁷: *дописивати се* (переписываться), *препирати се* (препираться), *дозивати се*, *довикивати се* (перекликаться), *намигивати* (перемигиваться), *дошаштавати се* (перешептываться), *згледати се* (переглядываться). Ср. еще:

(4) *Он особенно был чем-то очень доволен, потирал руки, хохотал и перемигивался с товарищами* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени⁸). — *On je bio nekako vrlo zadovoljan, trljao je ruke, smijao se glasno i namigivao drugovima*⁹.

Кроме того, более частотным способом передачи рассматриваемого значения является не словообразовательная модель, а сама семантика глагола (чаще возвратного),

лексические контекстуальные средства или глагольные перифразы¹⁰, ср.: *измeнљивати поглeдe* (переглядываться), *међусобно разговарати* (переговариваться), *свађати се / псовати се / добацивати псовке један другоме* (переругиваться), *пушкарати, чаркати се* (перестреливаться), *споразумевати се куцањем у зид* (перестукиваться (в тюрьме)):

(5) *В камерах нам не разрешалось разговаривать, поэтому мы **перешепывались** или **перестукивались** друг с другом при помощи азбуки Морзе. — Dok smo bili u ćelijama, nije nam bilo dozvoljeno da razgovaramo, tako da **smo šaputali ili međusobno komunicirali kucanjem Morzeove azbuke**¹¹.*

В македонском языке, по данным русско-македонского словаря¹², наиболее частотными словообразовательными формантами для выражения значения взаимодействия между несколькими субъектами, являются суффикс *-ува-* и местоименный элемент *се*, указывающий на возвратность: *се погледнува* (переглядываться), *се намигнува* (перемигиваться), *се довикува* (перекликаться). Ср. еще:

(6) *Ученики стали **переглядываться** между собой, недоумевая, о ком он говорит. — Учениците **се погледнуваа** помеѓу себе во недоумица, не знаејќи за кого зборува.*

В то же время довольно часто это значение передается благодаря глагольным перифразам: *разменува погледи* (переглядываться), *се слуша по телефон* (перезваниваться), *меѓусобно си потфрла шеги* (пересмеиваться), *се договара со чукање во ѕид* (перестукиваться) и др. Ср. еще:

(7) *Очевидно, люди **перешепывались** друг с другом: одни отзывались о нем одобрительно, а другие — нет. — Тие **си шепотеле** за него, при што некои велеле дека е добар, а други велеле дека не е добар човек.*

(8) *В камерах нам не разрешалось разговаривать, поэтому мы **перешепывались** или **перестукивались** друг с другом при помощи азбуки Морзе. — Не ни беше дозво-*

лено да зборуваме додека бевме во ќелиите, па затоа си шепотевме или комунициравме меѓу себе со помош на Морзеова азбука.

Таким образом, значение длительного действия, происходящего между несколькими участниками и осуществляемого попеременно субъектами, при переводе на сербский/хорватский и македонский языки может передаваться как на словообразовательном уровне, так и лексически. Однако в русском языке характер протекания действия маркируется морфологическим показателем, в то время как рассматриваемое значение в сербском/хорватском и македонском языках довольно часто заключено в самой лексеме или словосочетании.

Примечания

¹ *Зализняк А.А., Шмелев А.Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000. С. 125–126.

² *Шелякин М.А.* Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008. С. 167.

³ *Шишков В.Я.* Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 3 (1934–1939). Национальный корпус русского языка.

⁴ *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание (1866). Национальный корпус русского языка.

⁵ *Евтушенко Е.А.* Голубь в Сантьяго. URL: http://ev-evt.net/poem/golub/gvs_10.php (дата обращения: 17.02.2020).

⁶ Автор вслед за Б. Тошовичем использует в данной работе косую черту в наименовании «сербский / хорватский язык», которая означает то, что «в социолингвистическом плане речь идет о двух различных стандартных языках, а в типологическом — об одном языке или очень близких языках» (*Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М., 2006. С. 7).

⁷ *Бошкович Р.* Руско-српски, српско-руски речник. Београд, 2007; Руско-српски речник. Русско-сербский словарь / у ред. Б. Станковића. Нови Сад, 2009; *Толстой И.И.* Сербскохорватско-русский словарь. М., 1957.

⁸ *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени (1839–1841). Национальный корпус русского языка.

⁹ *Ljermontov M.J.* Junak našeg doba. Preveo i komentare napisao Milan Bogdanović. URL: http://gimnazija-sb.com/portal/wp-content/uploads/2015/02/Ljermontov_junaknasegdoaba.pdf (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁰ *Mrazović P., Vukadinović Z.* Gramatika srpkohrvatskog jezika za strance. Novi Sad, 1990. S. 166.

¹¹ Этот и следующие примеры заимствованы с веб-сайта <https://glosbe.com/>.

¹² Руско-македонски речник / Н. Чундева, М. Најческа-Сидоровска, С. Накев. Скопје, 1997.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.13

Серый цвет и его обозначения в балканославянских диалектах в сопоставлении с албанским и румынским*

Александра Игоревна Чиварзина, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: mss-vah@yandex.ru

Ключевые слова: базовые цветообозначения, серый, балканославянские языки, южнославянские диалекты

“Grey” and its terms in the Balkan Slavonic dialects in comparison with Albanian and Romanian material

Alexandra I. Chivarzina, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mss-vah@yandex.ru

Keywords: basic colour terms, grey, Balkan Slavic languages,
South Slavic dialects

В условиях полиэтнических и полиязыковых контактов, свойственных балканскому ареалу, языки взаимодействуют,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01373).

формируя общий лексический фонд. На примере способов обозначения серого цвета в балканославянских языках можно проследить распределение имеющихся лексем в зависимости от контекста и ситуации. В качестве основного источника лексического материала славянских языков использовались словари юго-восточной Сербии, западной Болгарии, а также записи диалектной речи из собственных этнолингвистических экспедиций в Северную Македонию. Территория македонско-сербско-болгарского пограничья представляет собой зону переходных говоров, где наиболее ярко наблюдаются процессы взаимовлияния языков и культур (ср. выводы в работе А.А. Плотниковой по этнолингвистической географии Южной Славии)¹. А сопоставление с албанским и румынским показывает, как общие компоненты функционируют в языках других групп.

Серый цвет находится в промежуточном положении между белым и черным, он определяется как комбинация этих двух цветов². Главное значение балканославянской лексемы *siv* (и.-е. **k̑ei-*)³, албанской и румынской *gri* (итал. *grigio* «серый») — «цвета пепла». В словарных толкованиях встречается как указание на оттеночный характер цвета, так и сравнение с референтным объектом окружающей действительности — пеплом. Приведем примеры некоторых определений:

болг. **сив** 1. *Който е с цвят на **пепел** от дърво* [Цвета древесного пепла]⁴;

мак. **сив** 1. *што има боја меѓу бела и црна, како **пепел** или олово* [Цвета между белым и черным, как пепел или свинец]⁵;

серб. **сив** 1. *који је боје **пепела**, боје која је мешавина црне и беле* [Цвета пепла, цвета, который представляет собой смесь черного и белого]⁶;

алб. **gri mb.** 1. *Që ka ngjyrën **e hirit**, i hirtë; i përhimtë* [Цвета пепла, пепельный; цвета золы]⁷;

рум. **gri** 1. *Culoare **cenușie*** [Цвета пепла]⁸.

Албанское *gri* — наиболее общее, но не единственное слово, обозначающее «серый, пепельный»: в этом значении используются *i, e hirtë* и *i, e përhitur* (с внутренней формой *hi* «пепел» — от пр.-алб. **skina*, родственного лат. *cinis* «пепел»)⁹ и *thimë* «серый» (из *thij* «сесть» < пр.-алб. **tsinja*, родственного слав. **sivъ*)¹⁰. Аналогичная ситуация наблюдается с северной стороны исследуемой южнославянской зоны — в румынском языковом пространстве: помимо широко используемой лексемы *gri*, встречается вариант *sençiu* «серый, пепельный» (от нар.-лат. **cînusia* < *cinis* «пепел, зола»)¹¹.

Помимо основных лексем для обозначения серого цвета, в балканославянских языках встречается заимствование *сур* (тюр. *surli / -orle*)¹²: диал. мак. *сура вуна* «серая шерсть» (Стрновац), диал. болг. *сурлест* «светло-серый» (Трън)¹³, — и в алб. *surmë* (пр.-алб. **tsurma* < и.-е. **kṛto-*, родственное лит. *širmas* «серый»)¹⁴. Интересно, что авторами словаря румынского языка лексема **sur** от данного тюркского корня толкуется не через традиционное сопоставление с цветом пепла, а именно как комбинация двух ахроматических цветов, белого и черного¹⁵.

Редко встречается лексема *siv*, наряду с *бел*, по отношению к поседевшему человеку: болг. *За коса, мустаци прошарен, отчасти побелял* [(О волосах, поседевших усах) седой, отчасти поседевший]¹⁶; *siv човек* — *остарел, има бела коса* «серый человек — постаревший, с белыми (седыми) волосами» (Долно-Койнаре, Северная Македония)¹⁷. Сербская лексема *сињи* в первом словарном значении толкуется как «серый, пепельный, с проседью»¹⁸ (от прасл. **sińь* < п.-и.-е. **kei-*)¹⁹.

В рассматриваемых балканских языках фиксируется большое количество лексем для однословного наименования животных этого цвета:

— от славянских корней (**sińь*, **sivъ*) — диал. серб. *сивуља* «серая корова» (Ратайе-Крмоль)²⁰, диал. серб. *сив'у* «серый осел, конь» (Пирот)²¹; диал. серб. *сијер* «серый теленок» (Безуйе)²², диал. алб. *sivër, sivë* «серая овца», диал. алб.

sivan «серый бык» (Корча); диал. рум. *siv, sîv*; диал. рум. *sîn* «серый, сивый»;²³

— от тюр. корня — диал. серб. *сурка* (Каменица²⁴, Пирот, Честелин), диал. серб. *сурча* «серая собака» (Ратае-Крмоль); диал. болг. *сур* «серый» (Трын, Рабиша); диал. рум. *suran, suratic* «серая овца» (Кришу-Негру), *surilă* «темно-серый конь» (Оравица); диал. алб. *surikë* «серая корова» (Круя, Ругова).

Славянский и тюркский корень служат основой для создания кличек животных этого окраса: диал. мак. *Сивча, Сивка, Сурко, Суго* (Кумановско); диал. алб. *Surka, Surko* (Кичево); мегл.-рум. *Siva*, диал. рум. *Suraie* (Марамуреш), диал. рум. *Surana / Ţurana* (Цара Олтулуи) и др.

Помимо славянских и тюркских заимствований, в албанском и румынском встречаются наименования и от корней собственного фонда:

— диал. алб. *grivë* «серый мул» (Загори), диал. алб. *grive* «конь мышастой масти», диал. алб. *himë*, диал. алб. *thimōsh* «серая коза» (Косово), диал. алб. *th'enjun* «серый козел» (Мухур), диал. алб. *mushkash* «серый козел» (Влёра), диал. алб. *mushk* «коза с серой мордой» (Вальбона) (ср. алб. *mushkël-luar* «темный, серовато-коричневый, красно-коричневый» из нар.-лат. **muscellārius* «цвета мыши»²⁵);²⁶

— диал. рум. *cenuşiu* «серый, сивый», арум. *cănut, griveliu* «серый, сивый», диал. рум. *griv* «серый конь», а также диал. рум. *porumbă* «серая корова», *hulub* «серый бык», *поромб* «серый, сивый» (ср. рум. *porumbel* «голубь», то есть «цвета оперенья голубя»), диал. рум. *lupan, Лунан* «серый бык», *пэру-лупулу* «темно-серый, темный» (ср. рум. *lup* «волк», то есть «цвета шерсти волка»)²⁷.

В рассматриваемом балканском регионе животные с шерстью сероватых оттенков могут характеризоваться цветообозначениями, которые мы переводим на русский как «зеленый». Это касается как домашнего скота, так и других животных, например, волков, собак, сокола: диал. серб. *зелька* «серо-зеленая собака» (Трстена), диал. серб.

зеленка «кобыла 'зеленоватой' шерсти, серой» (Вртогош)²⁸. Подобное наблюдается не только в славянских языках, в целом в балканском ареале «зеленым» может называться светлый конь с пятнами или неясным цветовым нюансом, сероватый или буланный, кофейно-желтый²⁹.

Наряду с цветообозначениями зеленого, для неясных сероватых оттенков используются лексемы, которые на русский мы могли бы перевести как «темный, темно-синий». Это цветообозначения от корня *мур-* (диал. серб. *мура* «серая овца» (Првонек), диал. алб. *turgã* «серый мул», диал. алб. *sa-turr* «серый пес» (Круя), арум. *turgã* «серый мул»), от *модар* (диал. рум. *modur* «серый, сивый» (Банат)), от рум. *albastru* «синий» (диал. рум. *nalbastru* «серый, сивый», *nalbastrã* «серая овца») ³⁰, а также цветообозначения от *голуб-*, которые на русский можно перевести как «голубой» (*голубаша* «коза серого цвета» (Бойин-Дел), диал. серб. *голунка* «овца серого цвета» (Доньи-Стаевац))³¹. Славянский корень *плав-* в сербском литературном языке используется для обозначения оттенка волосяного покрова исключительно человека³² — это значение фиксируется также в диалектах болгарского: диал. болг. *плав* «бело-желтый»³³, «светло-русый и голубоглазый» (Пирдоп), «русый и светлоглазый» (Софийско)³⁴. Однако в южных говорах лексемы от данного корня встречаются и для обозначения светлого цвета шерсти домашних животных: диал. серб. *плаваша* «овца светлого цвета» (Обличка-Сена), диал. серб. *плавча* «овца светлого цвета» (Ратае)³⁵. Фиксируется заимствование данного диалектного использования и в других балканских языках: диал. рум. *plãvai*, *plãviț* «серая, сивая овца», диал. рум. *plãvan* «серовато-желтоватый бык», диал. рум. *плэвай* «серый баран», *Плэвэника* — кличка серой коровы; диал. алб. *pllavoj* «серый бык» (Косово)³⁶.

В языке фольклора серый встречается в сочетании с наименованием птиц, голубей и сокола, символизирующих сватов и жениха в контексте свадебного обряда. Использование своей или заимствованной лексемы в тексте песни

свидетельствует о распространенности того или иного способа характеристики животных по цвету в конкретном языке: мак. *Јас си водам и два сиви соколи / јас си водам / ќе и пуштам и низ гора зелена / ќе ми ватат и горска јаребица / ќе ми ватат* [Я с собой возьму двух серых соколов / Я с собой возьму / Пущу их через зеленый лес / Поймают мне лесную куропатку / Поймают мне]³⁷; болг. *Минули гору зелену, / Враг изнесе сур елена, / Сватове га отишли да гоне, / Сал е останал Милен и Јника* [Прошли зеленый лес, / Враг послал серого оленя, / Сваты погнались за ним, / Остались одни Милен и Яника]³⁸.

Таким образом, на примере цветообозначений серого можно отметить высокую степень взаимовлияния языков: среди многочисленных способов передачи серого цвета фиксируются лексемы, образованные как от корней собственного фонда, так и от заимствованных. Широко распространенными по диалектам остаются не только общебалканские тюркские заимствования, но и славянские диалектные формы. Особенно ярко это выражено в скотоводческой лексике. Разведение домашних животных и пастушество является важной частью хозяйственной жизни балканцев. Обозначение неясных сероватых оттенков шерсти находит причудливое выражение в рассматриваемых языках, в ходе контактов эти лексические способы передачи цвета заимствуются, становясь общебалканским достоянием.

Примечания

¹ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география южной Славии. М., 2004. С. 301–308.

² Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291.

³ Skok P. Etimologijski rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 3 (ponii' - Z). Zagreb, 1973. S. 246–247.

⁴ Български етимологичен речник. София, 1971–. URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/сив/> (дата обращения 15.03.2020)/

⁵ Мургоски З. Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005.

- ⁶ *Речник српскога језика*. Нови Сад, 2011. С. 1194.
- ⁷ *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. Tiranë, 1980.
- ⁸ *Micul dicționar academic* (2010) // *dexonline*. URL: <https://dexonline.ro> (дата обращения 15.03.2020).
- ⁹ *Orel V. Albanian Etymological Dictionary*. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 147.
- ¹⁰ *Ibid*. P. 478.
- ¹¹ *Candrea, L-A., Densusianu O. Dicționarul etimologic al limbii române. Elementele latine (A-Putea)*. București, 1907. P. 46.
- ¹² *Skok P... S. 363*.
- ¹³ *Младенов А. Трънските думи. Речник на регионалният говор*. София, 2011.
- ¹⁴ *Orel V. Albanian... P. 405*.
- ¹⁵ *Dicționar explicativ al limbii române // dexonline*. URL: <https://dexonline.ro> (дата обращения 15.03.2020).
- ¹⁶ *Български ...* URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/сив/> (дата обращения 15.03.2020)
- ¹⁷ Собственные записи в рамках этнолингвистической экспедиции в район Куманово (Северная Македония) в 2018 году.
- ¹⁸ *Речник српскога језика*. Нови Сад, 2011. С. 1199.
- ¹⁹ *Skok P... S. 239–240*.
- ²⁰ *Златановић М. Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.)*. Врање, 2014.
- ²¹ *Живковић Н. Речник Пиротског говора*. Ниш, 1987.
- ²² *Гаговић С. Из лексике Пиве (село Безује) // Српски дијалектолошки зборник*. Књ. 51. Београд, 2004.
- ²³ *Домосилецкая М.В. Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь: Скотоводческая лексика*. СПб., 2002. С. 158.
- ²⁴ *Јовановић В. Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник*. Књ. 51. Београд, 2004.
- ²⁵ *Orel V. Albanian... P. 280*.
- ²⁶ *Малый диалектологический атлас балканских языков / под ред. А.Н. Соболева. Серия лексическая. Т. 3. Животноводство*. СПб., Мюнхен, 2009. С. 198.
- ²⁷ *Домосилецкая М.В. Албанско-восточнороманский...*
- ²⁸ *Златановић М. Речник говора југа Србије...*
- ²⁹ *Ivić M. O zenenom konju // O zelenom konju. Novi lingvistički ogledi*. Beograd, 1995. S. 95; *Рачева М. Еще раз о «зеленом коне» // Этимология, 2000–2002 / под ред. Ж.Ж. Варбот и др. М., 2003. С. 80–109*.

- ³⁰ *Домосилецкая М.В.* Албанско-восточнороманский...
- ³¹ *Златановић М.* Речник говора југа Србије...
- ³² *Речник српскога језика.* Нови Сад, 2011. С. 916.
- ³³ *Геров Н.* Речник на българския език. Т. 4. София, 1978. С. 37.
- ³⁴ *Седакова И.А.* Система цветообозначений в болгарском языке // Наименование цвета в индоевропейских языках / отв. ред. А.П. Василевич. Изд. 2-е. М., 2011. С. 185–197.
- ³⁵ *Златановић М.* Речник говора југа Србије...
- ³⁶ *Домосилецкая М.В.* Албанско-восточнороманский...
- ³⁷ *Петреска В.* Свадбата како обред на премин кај македонците од брџачката етнографска целина. Скопје, 2002. С. 281.
- ³⁸ *Маринов Д.* Етнографическо (фолклорно) изучаване на Западна България. София, 1984. С. 592.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.14

Система шипящих в костромских и пошехонских говорах начала XVII в.

Владимир Юрьевич Шатин, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: vl.shatin@gmail.com

Ключевые слова: история русского языка, костромские диалекты, пошехонские диалекты, русская диалектология

Hushing consonants in Kostroma and Poshekhonye dialects in the beginning of the seventeenth century

Vladimir Yu. Shatin, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: vl.shatin@gmail.com

Keywords: history of the Russian language, Kostroma dialects, Poshekhonye dialects, Russian dialectology

Задача проведенного исследования состояла в определении состава шипящих фонем в костромских и пошехонских говорах начала XVII в. посредством изучения памятников деловой письменности и верификации полученных результатов

данными современной диалектологии. Рассмотрение данного вопроса можно разделить на две взаимосвязанные части: судьба фонем <ш> и <ж>, а также судьба долгих (сложных) шипящих.

Материалом исследования послужили Костромская отказная книга (далее — **Костр.**) 1619–1634 гг.¹ и Пошехонская отказная книга (далее — **Пош.**) 1615–1650, 1653 гг.²

Сразу оговоримся, что при трактовке примеров мы придерживаемся точки зрения С.И. Коткова: написания **шю**, **шя**, **жю** и **жя** отражают реликтовую мягкость, написания **шы** и **жы** свидетельствуют о твердой реализации рассматриваемых фонем³.

Обратимся к примерам, обнаруженным в **Костр.**

Единственное написание, свидетельствующее о твердости <ж>: *приложы^л* 213.

Написания, свидетельствующие о мягкости <ж>: *жюко^в* nom.sg. 138; *жюкѡ* nom.sg. 144об. и др.

Написания, отражающие твердость <ш>: *кашыны^х* gen.pl. 75об.; *пущошы* gen.sg. 344 и др.

Встретились в **Костр.** и примеры, свидетельствующие о мягкости <ш>: *шювалова* gen.sg. 723; *шыче* dat.sg. (гидроним) 452об. и др.

По данным Диалектологического атласа русского языка (далее — **ДАРЯ**)⁴, в районе Костромы мягкие реализации рассматриваемых шипящих сейчас представлены шестью островами: севернее Костромы, западнее, юго-западнее и южнее Галича, двумя рядом с Солигаличем. Число примеров редко превышает десять, мягкие шипящие представлены преимущественно перед парными мягкими согласными и [j] или перед гласными переднего ряда.

Таким образом, отверждение шипящих в костромских говорах начала XVII в. либо было крайне непоследовательным, либо же только начиналось, но в случае с <ш> проходило активнее и последовательнее, чем в случае с <ж>.

Обратимся к примерам из **Пош.**

Написания, свидетельствующие о твердости <ж>: *приложь*^л 130, 130об.; *ржы* gen.sg. 85.

Единственное написание, отражающее реликтовую мягкость <ж>: *промежю* 41.

Написания, отражающие твердость <ш>: *починокъ демешыха* 420; *пустошы* gen.sg. 418об. и др.

Пример, свидетельствующий о реликтовой мягкости <ш>, встретился в **Пош.** лишь один: *с щюриномъ* 99. Чистым его назвать нельзя, поскольку на выбор писцом буквы гласного могла повлиять замена **ш** на **щ** и выучка.

В настоящее время в районе Пошехонья мягкие и полумягкие реализации <ш> и <ж>, по данным **ДАРЯ**⁵, представлены тремя островами: самый компактный из них (преимущественно перед гласными переднего ряда) расположен к юго-востоку от города; второй по величине (преимущественно перед парными мягкими согласными и [j]) лежит к востоку от Пошехонья; третий же (самый крупный, независимо от позиции, порой более 10 примеров) растянулся по направлению к Вологде.

Можно сделать вывод, что отверждение <ш> и <ж> в пошехонских говорах начала XVII в. было более последовательным, чем в синхронных костромских.

Перейдем к долгим (сложным) шипящим, реализации которых являются результатами изменения сочетаний [ш'т'ш'] и [ж'д'ж'], упрощавшихся до [ш'ш'] и [ж'ж'] с тенденцией к превращению в [шш] и [жж]. Вышеописанное развитие является наиболее распространенным, два побочных пути таковы: в исходном сочетании мог утрачиваться конечный элемент ([ш'т'] и [ж'д']; вологодские говоры); исходные сочетания отвердевали ([шч] и [ждж]; олонекские и вологодские говоры)⁶.

Число замен **ш** на **щ** в **Костр.** достаточно велико (здесь и далее речь идет лишь о примерах в почерках с последовательным различием **ш** и **щ**): *пучтоща*^х loc.pl. 125об.; *цестъ* nom.sg. 397 и др.

Имеются в **Костр.** и обратные замены **щ** на **ш**: *заими^ш* gen.pl. 349; *про^звише* nom.sg. 831 и др.

Смешение букв **ш** и **щ** очевидно. Глухой коррелят в рассматриваемых говорах был именно долгим (по длительности, вероятно, приближаясь к <ш>).

Написаний, свидетельствующих о мягкости рассматриваемого согласного, в **Костр.** обнаружено не было, но к ним условно можно отнести случаи смешения **ш** и **щ**, ведь рефлекс <ш> должны были до какой-то степени сохранять мягкость.

Написания, свидетельствующие о твердости рассматриваемого согласного: *нищы^х* gen.pl. 135; *помъщыко^в* nom.sg. 323об. и др.

Перейдем к звонкому корреляту. В **Костр.** нам встретились лишь примеры, свидетельствующие о его долготе.

Написания с **ж**: *порожи^х* gen.pl. 708об.; *приъжа^л* 655 и др.

Написания с **жж**: *дое^жжа^л* 719об. и др.

Примеров, которые могли бы свидетельствовать о сложности, твердости либо мягкости рассматриваемого согласного, в **Костр.** обнаружено не было, но и в данном случае не следует забывать о наличии мягких реализаций <ж>.

Картина рефлексов глухого коррелята в окрестностях Костромы оказывается, по данным **ДАРЯ**⁷, чрезвычайно пестрой. Основные тенденции таковы: к северо-востоку растет число ареалов с реализацией [шш], на юге в ряде разрозненных островков с ней сосуществует реализация [ш'ш'].

О качестве долгого звонкого шипящего согласного в окрестностях Костромы⁸ можно сказать следующее: картина схожа с описанной выше для глухого коррелята. Преобладает реализация [жж], вкрапления [ж'ж'] незначительны.

Таким образом, в костромских говорах начала XVII в. оба коррелята были определено долгими. Раннее отвердение глухого могло быть спровоцировано ранним началом

отвердения реализаций фонемы <ш>. Долгий звонкий шипящий в XVII в. был, в свою очередь, близок мягким реализациям фонемы <ж>, однако впоследствии подвергся отвердению.

Обратимся к примерам из **Пош.** Замены **ш** на **щ** многочисленны и здесь: *пустощей* gen.pl. 239; *щеть* nom.sg. 139 и др.

Имеются в **Пош.** и обратные замены **щ** на **ш**: *откаши^к* nom.sg. 172; *свяше^нству* dat.sg. 52об. и др.

Смешение букв **ш** и **щ** несомненно и в данном случае. Таким образом, в начале XVII в. глухой коррелят не был сложным и мог по длительности приближаться к <ш> и в пошехонских говорах.

В **Пош.** встретились три написания, которые могли бы свидетельствовать о мягкости рассматриваемого согласного: *городищя* gen.sg. 391; *горо^дищя* gen.sg. 390; *живущюю* ass. sg. 172.

Имеются также и несколько примеров, свидетельствующих о его твердости: *помъщыко^б* nom.sg. 417об., 418об. и *помъщыцы^н* nom.sg. 299об. Не следует забывать и о предполагаемом более последовательном отвердении <ш> в пошехонских говорах начала XVII в.

Перейдем к звонкому корреляту. В **Пош.** встретились следующие примеры.

Написания с **ж**: *выжена* nom.sg. 12; *приежа^л* 212 и др.

Отдельно приведем пример, где на месте бифонемного сочетания, реализуемого комплексом [жж], обнаруживаем букву **ж**: *бежер^бя* так в рукописи «без жеребья» 223об. Он явно свидетельствует о долгом, а не сложном характере рассматриваемого звука.

Написания с **жж**: *прие^{жс}жа^л* 38 и др.

В **Пош.** был также обнаружен один пример, свидетельствующий о наличии в пошехонских говорах начала XVII в. сложных реализаций рассматриваемой фонемы: *прие^{жс}даль*

141. Отражает он также и мягкость хотя бы отдельных реализаций данного согласного. Примеров, отражающих его твердость, обнаружено не было, но следует иметь в виду и уже упоминавшееся отверждение реализаций <ж> в пошехонских говорах.

По данным ДАРЯ⁹, в окрестностях Пошехонья реализация [ш'ш'] сосуществует с [шш] практически на всей территории (в меньшей степени на севере). Отдельными раздробленными ареалами представлены и сложные мягкие реализации.

Что касается качества долгого звонкого шипящего согласного¹⁰, в северной части исследуемой территории преобладает реализация [жж], в то время как на юге [ж'ж'] всегда сосуществует с [жж]. В центре имеются также два ареала с реализацией [ж'д'ж'] (у Пошехонья и несколько восточнее). К юго-востоку от Пошехонья расположен также небольшой ареал, где представлена реализация [ж'д'].

В пошехонских говорах начала XVII в. глухой коррелят был определенно долгим и, по всей видимости, уже начинал утрачивать мягкость. Звонкий коррелят лучше сохранял сложные реализации и мягкость.

Таким образом, в костромских говорах XVII в. отверждение кратких шипящих шло медленнее, чем в пошехонских, а начавшееся отверждение <ш> спровоцировало отверждение долгого глухого шипящего, в то время как долгий звонкий шипящий, как и реализации фонемы <ж>, сохранял исконную мягкость.

В пошехонских говорах краткие шипящие утратили мягкость раньше, что, вероятно, привело к их расхождению с долгим глухим и долгим (окказионально также сложным) звонким шипящими. Глухой коррелят активнее подвергался влиянию отвердевшего краткого <ш> и раньше начал утрачивать мягкость. Звонкий коррелят стал отличаться от краткого <ж> и по способу образования (окказиональное сохранение смычного элемента), и по мягкости.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Оп. 2. № 11086. Исследованы лл. 1–948об.
- ² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. № 12540. Исследованы лл. 1–438об.
- ³ *Котков С.И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии: фонетика и морфология. М., 1963. С. 105–107.
- ⁴ Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика. / под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. М., 1986. Карта 63.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949. С. 126–127.
- ⁷ Диалектологический атлас русского языка. Карта 48.
- ⁸ Диалектологический атлас русского языка. Карта 52.
- ⁹ Диалектологический атлас русского языка. Карта 48.
- ¹⁰ Диалектологический атлас русского языка. Карта 52.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.15

Взгляд сквозь столетие: о чем скажет одежда

Якимова Агата Павловна, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: porfironos@yandex.ru

Ключевые слова: одежда, народный костюм, этнолингвистика, коммуникация, фотография, Болгария, болгарский язык

A look through a century: what clothes will tell you

Agatha P. Yakimova, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: porfironos@yandex.ru

Keywords: clothing, folk costume, ethnolinguistics, communication, photography, Bulgaria, Bulgarian language

Настоящая статья посвящена одежде как семиотической системе, в центре внимания — болгарский традиционный

костюм на старинных фотографиях. Материалом для исследования послужил большой архив фотографий XIX–XX вв., собранный на сайте lostbulgaria.com и свидетельства информантов о функциях одежды начала XX в., отраженные в региональных этнографических очерках.

Исследование культурной значимости одежды заключается не только в сборе иллюстративного материала, но и в анализе символики. В настоящее время собрано огромное количество материалов о народном костюме. В Болгарии с самого зарождения национальной этнографии костюму было уделено значительное внимание. Марин Дринов в конце XIX в. планировал издать второй том «Живой старины» с 40 фотографиями типажей и костюмов, но проект не удался¹. Однако, например, в окрестностях г. Русе фотограф Тишков запечатлел некоторые обрядовые действия и костюмы². В XX в. сугубо описательные методы этнографии сменились аналитическими, структурными или семиотическими методами. Символика, функциональность и культурологическая значимость народного костюма стали предметом многих исследовательских работ. Когда одежду начали рассматривать как набор символов, стало возможным и ее исследование как семиотического явления — элемента предметного кода культуры, использующего в качестве «языка» вещи, созданные человеком. По определению этнолингвистического словаря «Славянские древности», одежда — «наиболее семиотизированная часть предметного кода культурь»³, обладающая уникальными средствами для передачи большого количества смыслов, заложенных в ее компонентах с давнего времени. Именно этнолингвистический подход позволяет анализировать традиционную одежду как текст, как способ человека рассказать о себе.

Интересно, что в разных жанрах фотографии актуализируются разные функции костюма. Можно разделить снимки на студийные фото, репортажные и постановочные.

В студийной фотографии человек за камерой является лишь нарратором, а автор образа — запечатлен на снимке. Если учитывать, что в 1897 г. доля неграмотного населения в Болгарии составляла 84,36%, а среди женщин она достигала 93%⁴, фотография была долгожданной возможностью запечатлеть себя для истории, рассказать о себе. Составить такой рассказ помогал именно костюм. Гата Симеонова указывает на то, что «мотивы увековечения себя и выбор одежды для этого осмысленного поведенческого жеста <...> показывают связь с представлением о костюме как эстетической ценности или этническом знаке»⁵. Показательна фотография 1885 г. участника Сербско-болгарской войны: мы видим сидящего мужчину в военной форме с медалями, справа от него стоит его супруга в народном костюме, а рядом — маленькая дочь, одетая в платье городского фасона. Очевидно, что герой фотографии стремился запечатлеть важный для себя момент полноты жизни, успеха. Репортажная фотография, в свою очередь, позволяет «подглядеть» бытование костюма в его естественной среде: на снимках базара в Софии и фотографиях беженцев 1912 г. мы видим людей, которые оделись не ради съемки или участия в фестивале, а предстают перед нами в своем обычном наряде. Эти фотографии сохранили в себе результат повседневного выбора, который сделал человек другой эпохи, иного типа мышления. Так, например, на снимке беженцев в изношенной домотканой одежде мы видим, что из всех украшений на них сохранились лишь цветные пояски. Пласт фотографий, которые запечатлели «на земле» моменты обрядового действия — это скорее рассказ о том, каким видит героев снимка общество, костюм в данном случае обусловлен местными традициями и требованиями коллектива. Так постановочный снимок жителей села Горна-Студена перед сельской церковью в воскресный день августа 1877 г. представляет костюм Великотырновского района: женский костюм с двумя фартуками. Мужчины

одеты в белую одежду (*белодрешно облекло*). Интересно, что в этом селе находился штаб императора Александра II, на снимке видны люди в форме времен Русско-турецкой войны. Постановочные фотографии — это, как правило, реконструкция костюма, обряда. Здесь также присутствует осознанный выбор: актуализация национальной, региональной функции одежды.

Данный массив текстов — сплав фотоискусства и выбора костюма человеком — представляет собой интересный материал для этнолингвистического исследования. Если понимать одежду как набор символов и выраженное таким образом сообщение, возникает вопрос: для кого это сообщение, и кто может его прочесть? Очевидно, что для реализации коммуникативной функции символика одежды должна была быть осознаваема всем обществом. Свидетельства, подтверждающие это, находим в полевых записях болгарских этнографов, приведенных, например, в книге Р. Ганевой. Наиболее яркая цитата в этом отношении: «*Видиш ли булка с червена престилка ще познаеш, че е млада булка*» [Видишь молодую женщину с красным передником — понятно, что это молодуха]⁶. Приведем еще несколько примеров: «*Завие ли ерген гащник през коляно, значи е за женитба*» [Обернул ли холостяк концы ремня через колено — значит дело к свадьбе]⁷, «*От чукарката като гледаш, ще познаеш коя е главеница, толкова е ласкаво*» [«С холма как посмотришь, сразу понимаешь, кто тут невеста, так сверкает»]⁸.

Таким образом, ключевыми элементами сообщений являются в первом случае *червена престилка*, а во втором — «обернутый» *гащник*. Но их символика обнаруживается только в связи с другими данными: *гащник* холостяка оказывается обвит по колену, а передник — красный, и надет на молодую женщину. Чтобы прочесть эти символы, современный человек должен знать, что, например, парни и девушки танцевали, держась за пояс или ремень друг друга,

что концы пояса у молодого человека особо украшались и свободно висели именно для участия в хороводе (*хоро*), что передник бывал разных цветов, и старые женщины не надевали красные передники, а в давние времена их не носили и до замужества, что красный цвет считался самым красивым и выразительным — другими словами, чтобы прочесть символ, его нужно идентифицировать в контексте культуры. Третий пример не нуждается в сложной интерпретации, однако он довольно емкий и поэтичный. На поляне собралась сельские девушки, а костюм невесты, сговоренной, выделяет ее из общего хоровода: на ней много металлических украшений, серебро сверкает на солнце. Эта функция костюма — выделить человека из группы — сохраняется до сих пор, и наиболее примечательным в этом плане остается костюм невесты. Зритель прошлого воспринимал эти знаки интуитивно, исследователю же необходимо производить анализ представленных данных.

Интерпретация происходит благодаря ярким признакам, присущим предмету и обладающим определенной культурной значимостью, которая постоянно актуализируется в ситуациях социальной коммуникации. В описанных выше случаях информанты отметили красный цвет и само наличие передника, способ ношения ремня и его принадлежность, наличие и материал украшений. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» описаны значимые для символической функции одежды признаки — наличие/отсутствие предмета одежды, степень одетости, цвет, покрой, размер, способ изготовления и ношения, принадлежность, новизна⁹. С помощью этих признаков предмет или явление причисляется к родственным им другим предметам и явлениям, противопоставляются, включаются в категории. При этом сами признаки соотносятся с «кардинальными концептами добра — зла и жизни — смерти»¹⁰. Именно выделение оппозиций признаков — основной способ организации

семантического пространства культуры. Так, в описанных примерах красный передник соотносится с молодостью, жизнью, плодородием, в культурном дискурсе ему противопоставлен по цвету черный фартук: траурный, старушечий. Право носить металлические украшения девушка получала на помолвке: это был выкуп за невесту, металлу приписывали свойства оберега.

Склонность делать выводы из информации, лежащей на поверхности — одна из черт интуитивного мышления — пожалуй, именно этот вывод из книги нобелевского лауреата Д. Канемана¹¹ как нельзя лучше описывает успех коммуникативной функции одежды. Одежда — это как раз тот набор символов, в который облакал себя человек для первичной коммуникации, основанной не на языковых и речевых способах, а обращенной к интуиции (ср. *встречают по одежке*). Болгарская поговорка «Хубава дреха не прави хубав челяка» [Хорошая одежда не делает хорошим человека] указывает на тесную связь человека и его одежды в контексте социальных отношений. Параллелизм «качество одежды» / «качество человека» в полной мере реализуется в семантическом пространстве культуры¹². Известно множество примеров того, как терминология одежды мотивирует характерное наименование человека, соотнося статус человека и качество его одежды: *потуран*, *цървулан* ‘крестьянин, простак’ от названия крестьянских штанов *потури* и обуви *цървули*; *кавадуша* ‘пожилая уважаемая женщина’ от названия верхней одежды *кавад*, и другие. Но это соотнесение одежды и человека можно рассмотреть и в другом аспекте: костюм — это то, как человек традиционного общества мог рассказать о себе. Рассматривая старинные фото, мы сталкиваемся в первую очередь с рассказом человека о его положении в обществе, ведь костюм, по словам этнографа Г. Михайловой, «материализирует социальную жизнь и визуально ее документирует»¹³. В этом отношении примечателен, например,

портрет Стояна Дончева Каблешкова («чорбаджи Цоков»): герой сидит в расслабленной позе, в черной феске, в богатой, длинной верхней одежде — устойчивом символе достатка и состоятельности.

Обладая сведениями о дискурсе традиционного костюма в болгарском обществе, мы можем использовать фотографии не только как иллюстрацию к этнолингвистическому исследованию, но и как самостоятельный источник информации. Может не быть никаких пометок и пояснений, а представлен только образ человека и его одежда.

Примечания

¹ Симонова Г. Снимката като извор на визуалната етнография. URL: <https://litenet.bg/publish26/gatia-simeonova/snimkata.htm> (дата обращения: 16.03.2020).

² Там же.

³ Толстая С.М. Одежда // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3 К–П. М., 2004. С. 523.

⁴ Маркарян А. Как е изглеждала България в цифри преди 124 години (по статистическому сборнику капитана И. Атанасова 1897 г.). URL: https://m.offnews.bg/news/Obshtestvo_4/Kak-e-izglezhdala-Balgarriia-v-tcifri-predi-124-godini_648704.html (дата обращения: 16.03.2020).

⁵ Симонова Г. Снимката като извор на визуалната етнография. URL: <https://litenet.bg/publish26/gatia-simeonova/snimkata.htm> (дата обращения: 16.03.2020).

⁶ Ганева Р. Знаците на българско традиционно облекло. София, 2003. С. 61.

⁷ Ibid. С. 221.

⁸ Велева М. Облекло. Пирински край. Етнографски проучвания на Югозападна България. София, 1980.

⁹ Толстая С.М. Одежда... С. 523.

¹⁰ Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М., 2013. С. 131.

¹¹ У автора мысль выражена сложнее: «Склонность делать поспешные выводы из ограниченных данных так важна для понимания интуитивного мышления и так часто упоминается в этой книге, что я буду использовать для нее довольно громоздкое сокращение: WYSIATI, которое

означает: «что ты видишь, то и есть» [What You See Is All There Is].
Канеман Д. Думай медленно, решай быстро, М., 2013. С. 230.

¹² *Якимова А.П.* «Хубавата дреха не прави хубав челяка», или болгарские наименования человека — дериваты от названий предметов одежды // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. М., 2018.

¹³ *Михайлова Г.* Предисловие // *Ганева Р.* Знаците на българско традиционно облекло. София, 2003. С. 1.

Секция
«ЛИТЕРАТУРО-
ВЕДЕНИЕ.
ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ»

ВОПРОСЫ РЕЦЕПЦИИ И ПЕРЕВОДА

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.01

Чешский писатель Юлиус Зейер как герой анонимного мемуара в России

Анна Васильевна Грасько, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Ключевые слова: Юлиус Зейер, чешская литература, Россия, мемуар

Czech writer Julius Zeyer as a hero of an anonymous memoir in Russia

Anna V. Grasko, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Keywords: Julius Zeyer, Czech literature, Russia, memoir

Имя Юлиуса Зейера (1841–1901) — чешского писателя-неоромантика, к сожалению, малоизвестно в России, однако в его биографии и творчестве Россия, русская тема занимают особенное место. Можно сказать, что Россия стала для Зейера точкой постоянного притяжения — как творческого, так и личностного. Чешский писатель побывал в России четыре раза, причем интересно, что во время своего первого путешествия в 1873 г. он несколько месяцев был учителем латыни и английского языка сына графа П.А. Валуева, русского министра внутренних дел. Впоследствии Зейер еще три раза посещал Россию в разные периоды своей жизни: его привлекала во многом чужая и в то же время славянская страна с ее непростыми нравами, историей, причудливой географией. Россия стала той землей, о которой Зейер мечтал, много думал, писал многочисленным корреспондентам: А. Кашпару, И.В. Сладеку, К. Гейндриховой и другим. Русские впечатления

имели большое значение и для Зейера-писателя, русской темой пропитаны шесть его художественных произведений: роман «Андрей Чернышёв» (1876), новелла «Дарья», (1879), «Песнь о мести за Игоря» (1881), повесть «Алексей, человек Божий» (1899), «Песнь о горе доброго молодца Романа Васильевича» (1899), «Сказка о добром царевиче Ефстафе» (1900).

Подтверждение тому, что Зейер был тесно связан с Россией, мы находим и в другом источнике. Это уникальный мемуарный материал с интересной судьбой, а именно — статья «Чешский писатель и русский министр», напечатанная в русском историко-литературном журнале «Исторический вестник» (1902)¹ со следующим предисловием неизвестного русского автора: «Скончавшийся недавно чешский писатель Юлиус Зейер принадлежал к тем немногим иностранным литераторам, которые судят о России не по отзывам “Times” (“Время”) и “Neue Freie Presse” (“Новая свободная пресса”), а на основании непосредственного знакомства с нашим отечеством; поэтому кончина Зейера вызвала сочувственные некрологи даже в русской печати...»²

Далее содержание статьи представляет собой перевод чешской статьи «Julius Zeyer vypravuje o tom, jak se stal spisovatelem» («Юлиус Зейер рассказывает о том, как стал писателем»), написанной анонимным автором и опубликованной в еженедельном приложении «Воскресные письма» к чешскому журналу «Hlas národa» («Голос народа»). К сожалению, русский автор не указывает номер и год издания чешского источника, поэтому найти его пока не удалось. Однако известно, что данный материал был переведен на польский язык краковским профессором Романом Завилиньским и опубликован в варшавском издании «Słowo» («Слово») от 26 февраля 1901 г.³ Сама статья представляет собой записанный анонимом рассказ Зейера о его первых двух поездках в Россию. То есть мы имеем дело с мемуаром, причем двойным — Зейера и автора-анонима, по-видимому, — друга

Зейера, который вспоминает о том, как однажды вечером Юлиус Зейер пришел в его дом и рассказывал о России. Интересна и специфика повествования. Сначала аноним ведет себя как рассказчик, описывая ситуацию, в которой Зейер стал говорить о себе. Последующий устный рассказ писателя передан от его же лица — анонимный автор стилизует свое повествование под речь самого Зейера.

Можно сказать, что данный текст не обладает высокой степенью достоверности для научного исследования. При его анализе и сопоставлении приводимых в нем фактов с другими, более верными источниками (письмами самого Зейера, биографией Зейера, составленной Й. Воборником, научными статьями о жизни и творчестве писателя) становится очевидно, что в нем многое искажено или опущено. Однако важна не достоверность конкретных эпизодов повествования, а тот смысл, которому все эти эпизоды подчинены. На наш взгляд, здесь необходимо отметить два содержательных момента. Первый заложен в названиях обеих статей — и русской, и чешской. В чешском оригинале статья называется «Юлиус Зейер рассказывает о том, как стал писателем», русское название звучит более определенно — «Чешский писатель и русский министр». Таким образом, сопоставив два эти названия, мы можем понять, что речь идет об отношениях Зейера с русским министром и эти отношения каким-то образом связаны с его писательской судьбой. Действительно, центральное место в мемуаре анонимного автора занимает рассказанная Зейером история о его взаимоотношениях с семьей министра внутренних дел П.А. Валуева. Из рассказа Зейера, как его понял слушатель-мемуарист, было ясно, что именно благодаря Валуеву Зейер стал писателем. Из мемуара мы узнаем, что во время жизни в Петербурге Зейер еще не считал себя писателем, его первый рассказ на чешском языке — «Из бумажного рожка» — не был принят журналом, и это заставило его усомниться в своем литературном таланте: «Мне было тогда странно, что я чувствовал желание

работать, и такой уничижающий результат возбудил во мне ряд сомнений. Я думал, что я простой мечтатель»⁴. Веру в свои творческие силы разбудил в Зейере граф Валуев, который сам был не чужд литературному труду. «Однажды вечером на террасе он спросил меня, знаю ли я, что он занимается так же френологией, и, встав, тотчас принялся рассматривать всех присутствующих. Когда очередь дошла до меня, он удивленно воскликнул: “А ведь вы стихотворец, поэт! Почему вы скрываете это?” [...] “Вам следует здесь же приняться за работу!” — воскликнул он. Послушавшись его совета, я написал в волшебных окрестностях Тегеринского озера рассказ “Птица духа”, который “Люмир” поместил, за что я навсегда остался его верным сотрудником. Редакция, возвратившая мне мою рукопись, тотчас потребовала ее, но я уже ничего не дал ей. Таким образом, Валуев сделал из меня писателя»⁵. Из мемуара же мы видим, что Зейер с большим уважением и благодарностью относился к Валуеву. В данном «мемуаре» он описывает Валуева как человека «высоко образованного и даровитого»⁶ и, в частности, отмечает такой эпизод: при первой беседе, еще не зная, что перед ним русский министр, Зейер, на вопрос о том, нравится ли ему Россия, неосторожно ответил, что Россия ему нравится, но правительство в ней никуда не годится. На это Валуев только улыбнулся: «Это вы там, на западе, совсем не понимаете»⁷ и в знак уважения к гостю к обеду распорядился завернуть в его салфетку чешскую газету «Lidové noviny».

С точки зрения научной, мы можем не доверять полностью свидетельствам мемуариста. Однако то, что именно Валуев подтолкнул Зейера на литературный путь, является известным фактом биографии писателя и находит подтверждение у академических исследователей.

Другой важный смысловой момент — это тема Зейера и России. Обе публикации — и чешская, и русская — утверждают связь чешского писателя с Россией. В чешском источнике, переведенном на русский язык, Зейер рассказывает

о двух своих путешествиях в Россию — в 1873 и 1881 гг. Несмотря на то, что какие-то детали подверглись искажению, в целом мемуарист верно доносит основные факты, имена и впечатления Зейера. Об этом мы можем судить, опираясь на источник более достоверный и подробный опубликованную Кашпаром переписку с Зейером⁸. То, что рассказ Зейера об одном из его «русских» путешествий — был пересказан третьим лицом, тоже говорит о многом: для чехов была важна связь Зейера с Россией, она выделяла его из ряда других писателей, делала его человеческий образ более оригинальным, интересным. На это указывает и предисловие русского автора. Оно является безусловным свидетельством того, что имя Юлиуса Зейера не было пустым звуком в России конца XIX в., его знали и знали именно как автора, обращенного в своем творчестве к России и имеющего свой особенный независимый взгляд на нее. Подтверждает это и сам факт публикации статьи о нем в русском журнале.

Подведем итог. Исследованный мемуар, безусловно, не может считаться источником, доподлинно свидетельствующим о жизни, системе мышления и внутренних установках Зейера, однако он является своеобразным уникальным документом, который подтверждает тесную связь чешского писателя с Россией.

Примечания

¹ *H. H-ago*. Чешский писатель и русский министр // Исторический вестник. 1902. Т. LXXXVIII. С. 172–178.

² Там же. С. 172

³ Цит. по: *Plzeňské listy* 2.3.1901 S. 5.

⁴ *H. H-ago*. Чешский писатель и русский министр. С. 177.

⁵ Там же. С. 176.

⁶ Там же: С. 175.

⁷ Там же: С. 174.

⁸ *Kašpar A. Z korrespondence Julia Zeyera* // *Časopis Musea Království Českého*. 1902. V. 76; *Idem. Z korrespondence Julia Zeyera* // *Časopis Musea Království Českého*. 1904. V. 78.

**Русские писатели в чешской среде
первой половины 1920-х гг.:
периодика левого политического крыла
(газета «Руде право»)**

Анна Вячеславовна Амелина, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: anna.v.amelina@mail.ru

Ключевые слова: чешская межвоенная литература, чешская
периодика, русско-чешские литературные связи

**Russian writers in the Czech environment
of the 1920s: periodicals
of the left political wing
(newspaper Rudé Právo)**

Anna V. Amelina, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna.v.amelina@mail.ru

Keywords: Czech interwar literature, Czech periodicals, Russian-
Czech literary relations

Чешская общественность знакомится с русскими (по)революционными авторами в начале 1920-х гг. Для чехов это был золотой век их истории и культуры: они получили долгожданную национальную независимость, создали национальное государство. В культурной и политической жизни наблюдался невиданный до той поры плюрализм и свобода самовыражения, возникли новые как общественные, так и художественные течения. Причем литературные пристрастия читателей и авторов часто были тесно связаны с их политическими взглядами, а иногда ими и определялись. Такая политизированность явилась яркой чертой эпохи.

С другой стороны, в 1920-е гг. чешское общество только начинало знакомиться с русской пореволюционной литературой, и ее восприятие и оценка происходили во многом посредством периодических изданий, оперативно ориентировавших читателей и делавших для них первые переводы на чешский. Одновременно с этим русская классика в обновленной чешской плюралистической культуре также подвергалась переосмыслению. Именно поэтому анализ периодических изданий имеет большое значение для исследования чешско-русских литературных (и шире — культурных) связей в 1920-е гг. А принятие во внимание идеологического аспекта продемонстрирует, с одной стороны, многогранность чешской общественной мысли и интерпретации ею литературы, с другой — универсальность многих русских художественных произведений, в которых критики разных политических ориентаций видели иллюстрацию своих идей.

В рамках выбранного десятилетия выделяется два подпериода: первая половина декады, когда информация о русской литературе была минимальной, и вторая — когда стали налаживаться культурные и экономические взаимоотношения между нашими странами (напомним, что дипломатические отношения были установлены только в 1934 г.) в связи с появлением различных обществ и союзов силами инициативных групп¹.

Разработка этой объемной темы была начата нами с очень многочисленного и влиятельного левого политического крыла, в журналах и газетах которого Россия являлась основным объектом интереса: там рассказывали о проблемах молодого советского государства, о его взаимоотношениях с Чехией, о судьбах деятелей и идеологов революции. Первые полосы пестрели крупными портретами В.И. Ленина, И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева, М.И. Калинина, Ф.Э. Дзержинского и др. Главным левым печатным органом тогда являлась ежедневная газета «Руде право» / *Rudé právo* с воскресным литературным приложением «Делница бесидка» / *Dělnická*

*besídka*². Для левых изданий разделение анализируемого десятилетия на подпериоды особенно актуально, поскольку в первой половине 1920-х гг. чешская левая критика еще не испытывает такого влияния советской культурной политики и относительно свободна как в выборе произведений для перевода, так и в оценке творчества русских авторов.

Тема русской литературы в зеркале чешской периодики уже рассматривалась чешскими литературоведами в конце 1980-х гг.³ Однако случаи анализа восприятия конкретных авторов и произведений, тем более с учетом идеологических установок, единичны, и, кроме того, там не были учтены многие крупнейшие правые, либерально-демократические издания. Газете «Руде право» посвящен небольшой раздел книги М. Заградки «Советская литература и мы» (1981)⁴. Бóльшая часть этого труда связана с переводами, а собственно интерпретации творчества тех или иных авторов посвящены лишь отдельные абзацы. Заградка не отрицает политической ангажированности редакторов и авторов газеты, однако при этом делает акцент на широту их литературных взглядов и художественное чутье, ставя им в заслугу популяризацию русской литературы.

Итак, «Руде право» (окт. 1920–1995) — ежедневная газета, главное чешское издание левой направленности, политический рупор коммунистов, официальный печатный орган коммунистической партии Чехословакии. Культурную хронику издания вели, в первую очередь, Йозеф Гора (он же редактор газеты, поэт, публицист и переводчик с русского), Иржи Вайль (писатель и публицист, вначале ярый поборник большевиков, опиравшийся в своих статьях на положения советского пролеткульта, а в 1930-е гг. разочаровавшийся в результатах русской революции), Мария Майерова (вела театральную хронику; впоследствии мэтр социалистической литературы и основоположник чешского движения за права женщин).

Материал о русской культуре в «Руде право» можно разделить на несколько блоков: переводы художественных произведений и публицистики, статьи о русской литературе, театре, музыке, заметки о русских культурных событиях в Чехии и России. В нашем докладе мы остановимся на литературной критике. Она касалась по большей части творчества отдельных писателей, как классиков, так и современников, обзорные же аналитические материалы в это время еще очень редки.

Например, 27.04.1921 была опубликована статья Вайля «Сельская революционная поэзия». Деревенский вопрос, по мнению автора, являлся самым острым в стране советов, где мужики мечтают об аграрной советской республике, однако настоящими представителями крестьянства могут быть лишь те коллективистские поэты, которые воплотили в себе традиционную сельскую культуру. Автор выделял Н.А. Ключева, С.А. Есенина и П.В. Орешина, назвав первого из них самым талантливым, художественно искушенным и одновременно революционным, истинным певцом «красной России», и привел «Песнь солнценосца» как вершину его творчества. Всех трех поэтов критик считал новым явлением крестьянской культуры — уже не покорными мужиками, а борющимися за свободу, однако еще не свободными от своих религиозных традиций. Впрочем, в своих оценках Вайль очевидно испытывал влияние извне, поскольку ссылался на работу П.К. Безсалько. Кроме того, публиковались материалы о русских рассказах о животных, о влиянии русской революции на чешскую литературу, о современной украинской поэзии и т. д.

Из классиков больше всего писали о Ф.М. Достоевском. 01.11.1921 к столетнему юбилею со дня его рождения была напечатана заметка Вайля, который назвал русского писателя учеником Руссо, защитником угнетенных людей «подполья». 01.04.1922 сообщалось о найденной в Москве

и неизвестной ранее рукописи Достоевского «Исповедь Ставрогина», в которой он признается в изнасиловании девочки, которая вскоре после этого повесилась. Безымянный чешский критик утверждал, что, по слухам, этот неизданный отрывок является автобиографичным. Тем самым данная публикация, по-видимому, была призвана в корне изменить отношение не только к относительно положительному герою романа «Бесы», но и к самому писателю. Таким образом, Достоевский для коммунистов в эти годы стал «крепким орешком»: великого русского писателя невозможно было игнорировать, в лучшем случае его пытались представить предвестником революции и защитником бедноты, а в худшем — полностью дискредитировать его в глазах читателей. Схожим образом обстояли дела и с другими классиками (Л.Н. Толстым, Н.В. Гоголем, Н.А. Некрасовым и др.).

С современными авторами редакция поступала проще. Печатались и рецензировались прежде всего те авторы, которые приняли и воспели революцию. Больше всего внимания привлекала к себе фигура А.А. Блока. Тогдашних критиков интересовала лишь его поэма «Двенадцать», а раннее творчество или игнорировалось, или отрицалось. В некрологе от 18.08.1921 поэт был назван мягким и нежным лириком, не побоявшимся поддаться вихрю революции, веря, что она породит нового человека. 13.01.1922 и 25.12.1924 вышли рецензии на разные переводы поэмы «Двенадцать» (до этого чехи ее уже знали по театральной постановке). Вайль утверждал, что это произведение всегда привлекало переводчиков, поскольку являлось «содержательным поэтическим отражением революции»⁵. В поэме исчезает мягкий эстет Блок дореволюционный и появляется Блок революционный, слушающий звуки хаоса истории. В подобном ключе писали и о других русских авторах (в частности, о В.В. Маяковском, А. Белом, В.Я. Брюсове, В.Г. Короленко, А.Н. Толстом).

Примечания

¹ См.: *Zahrádka M.* Přehled československo-sovětských politických a kulturních styků v období 1918-1938 (téze 1. kapitoly dějin) // *Materiály k československo-sovětským literárním vztahům* / ed. V. Kostřica. Olomouc, 1989. Sv. 1. S. 43–59.

² Обзор левой периодики см. в статье: *Амелина А.В.* Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла // *Роль России в распространении знаний о славянстве* / отв. редактор Ю.А. Созина. М., 2019. С. 81–111.

³ *Materiály k československo-sovětským literárním vztahům* / ed. V. Kostřica. Olomouc, 1989, 1990. Sv. 1, 2.

⁴ *Zahrádka M.* Rudé právo a sovětská literatura // *Idem.* Sovětská literatura a my: o československo-sovětských literárních vztazích let 1918–1978. Praha, 1981. S. 116–152.

⁵ *Weil J.* Dva překlady ruské poesie // *Rudé právo*. R. 5/1924. Č. 301. 25.12.1924. S. 2.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.03

Переводческие ошибки в русскоязычных изданиях словенской детской литературы

Мария Михайловна Громова, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; e-mail: marija.gromova@list.ru

Ключевые слова: словенская литература, детская литература, художественный перевод

Translation mistakes in Russian-language editions of Slovenian children's literature

Maria M. Gromova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; e-mail: marija.gromova@list.ru

Keywords: Slovenian literature, children's literature, literary translation

С середины 1950-х гг. на русском языке издаются произведения словенского фольклора и классиков словенской

детской литературы (Тоне Селишкара, Бранки Юрцы, Леопольда Суходольчана, Франце Бевка и др.). Благодаря усилиям Татьяны Вирта, Ирины Макаровской, Ольги Кутасовой, Леонида Яхнина юные советские читатели получили возможность составить представление о круге чтения маленьких словенцев. В последнее десятилетие список переводчиков словенской детской литературы обогатился новыми именами; среди которых большинство составляют выпускники славянского отделения филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Публикация словенского фольклора на русском языке началась в 1956 г. с народных сказок, первоначально в переводе с сербскохорватского языка («Девушка-лебедь. Сказки народов Югославии» под ред. Н.И. Кравцова; «Славянские сказки» под ред. Т.Д. Зубковой). Из языка-посредника в русский перевод переходят «ложные друзья слависта» (последовательно *gorod* на месте словен. *grad* ‘замок, дворец’), сербские фольклорные элементы (*заморская вила* вместо словен. *morska deklica* ‘русалка’) и реалии времен османского ига, которого в Словении не было (*визирь*). Отдельные лексемы остаются без перевода (*юнак* — словен. *junač* ‘богатырь, герой’, *жупан* — словен. *župan* ‘мэр’). Область *Каринтия* (словен. *Koroška*) сохраняет сербское название — *Корушка*. В сборнике Славко Прегла «Сказки и рассказы» (1984, пер. Л. Яхнина) словен. *zmač* ‘дракон’ последовательно переводится как *Змей*: «Иду на битву со Змеем... я его схвачу руками и разорву на части»¹, хотя на иллюстрациях изображен узнаваемый европейский дракон.

В результате переводческого решения подчас меняется восприятие всего произведения. Так, в книге для малышей «365 сказок и историй на каждый день» (2014) была опубликована словенская народная сказка «Пастушок» (*Pastirček*) под названием «Подарок волшебниц». Герой сказки — маленький пастушок, укрывший ветвями спящих вил, чтобы те не обгорели на солнце. Вилы хотят наградить его кошельком,

в котором никогда не заканчиваются золотые монеты, но мальчик, никогда не видевший денег, подарку не рад: с монетами играть скучно, то ли дело живые коровы и овцы! Безымянный переводчик сделал пастушка юношей, и бескорыстный ребенок стал деревенским дурачком: «Посмотрел юноша внутрь и удивился: — Спасибо, конечно, — поблагодарил вежливо, — но зачем мне эти кругляшки? Не знаю я, что с ними делать...»²

Переводы словенской реалистической прозы для детей также не лишены переводческих ошибок.

Так, в 1961 г. в издательстве «Детгиз» вышла приключенческая повесть Тоне Селишкара (1900–1969) «Экипаж “Синей чайки”» (*Bratovščina Sinjega galeba*, 1936) в сокращенном переводе И. Макаровской. Книга отличается от остальных словенских детских повестей, переведенных на русский язык, тем, что не содержит ни одного упоминания о Словении и словенцах. В ней присутствует только один словенский топоним: дома на острове построены «iz obsekanega *kraškega* kamenja»³, то есть из камня с плато Карст (словен. *Kras*) в Словении, недалеко от побережья Адриатического моря; впрочем, прилагательное *kraški* также может относиться к любому карстовому рельефу, не обязательно словенскому. В переводе же дома построены «из отшлифованного *каринтийского* камня»⁴: очевидно, переводчица перепутала *kraški* ‘с Карста; карстовый’ и *koroški* ‘каринтийский’; Каринтия же расположена значительно дальше от моря, и трудно представить, чтобы оттуда везли камень на остров.

В 1964 г. в издательстве «Детская литература» вышла повесть Франце Бевка (1890–1970) «Тончек» (*Topček*, 1948) в переводе О. Кутасовой. В переводе не обошлось без «ложных друзей слависта»: «Там было написано, что отныне его фамилия пишется не Деветак, как *писали* его отец и дед, а по-итальянски — Деветта»⁵. В приведенном отрывке глаголом *писать* переведен глагол *pisati se* ‘носить фамилию’,

ср. оригинал: «Tam je stalo zapisano, da se poslej *ne piše* več Devetak, kakor so se *pisali* njegovi očetje in dedje, marveč Devetta»⁶.

Изобилует кальками и многочисленными «ложными друзьями слависта» автобиографическая повесть Бранки Юрцы (1914–1999) «Родишься только раз» (*Rodiš se samo enkrat*, 1972), вышедшая в 1976 г. в переводе И. Макаровской.

«Я родилась [...] как утверждает моя мама, в апреле. Под знаком *быка*. Я и впрямь становилась бодливой, если меня задирали»⁷ (*Zase mislim, da sem se rodila aprila mesca kakor trdi mama. V znamenju bika. Če sem se morala braniti, sem enkrat in stokrat pokazala roge*⁸). Правильно — *под знаком Тельца*.

«— А если священник откажется окрестить ее Бранкой? — спрашивали женщины. — Как это откажется? — *Господа есть господа!* — вздохнули женщины, заранее предвидя, как трудно будет уломать святого отца»⁹ («*In če župnik deklice ne bo hotel krstiti za Branko?*») — so vprašale Tišlerjeve ženske mojega očeta. «*Kako? Da je ne bi krstil?!*» «*Gospod so gospod!*» — so rekle ženske; že doma so vedele, da bo narobe¹⁰). *Gospod* — так в Словении (особенно в крестьянской среде) называют священников. Правильно было бы: «*священник есть священник*». Кроме того, католических священников по-русски не называют святыми отцами.

«За супом последовала *дунайская отбивная*, такая большая, что едва умещалась на тарелке»¹¹ (*Za juho smo dobili velik dunajski zrezek. Segal je skoraj po vsem krožniku...*¹²). *Dunajski zrezek* — это венский пницель, а *Dunaj* — город Вена.

«Мост этот не был обычным мостом. Он был поистине *великанским* мостом. Да и сама Драва не была обычной рекой. Это была *великанская* река»¹³ (*Ta most nad Dravo ni bil navaden most, ta most je bil velikanski most. Tudi Drava ni bila navadna reka, bila je velikanska reka*¹⁴). *Velikanski* по-словенски — огромный.

«Да, не идет мне кольцо, *и аминь!*»¹⁵ (Ne, ne pristaja mi, *pa amen!*¹⁶). Правильно было бы: «*и конец!*»

«Там его вылечили, но на фронт больше не послали. Его послали в Марибор. Надзирателем [...] Отец поехал за хлебом. Мы поехали за отцом, а заодно и за хлебом»¹⁷ (Tata, ki ga je krogla skoraj smrtno zadela, je ozdravel. Nič več ga niso poslali na fronto. Poslali so ga pa v Maribor. Za raznika [...] Oče je šel za kruhom. Mi smo šli za očetom in tudi za kruhom¹⁸). Это калька с идиомы *iti (s trebuhom) za kruhom* ‘отправиться на заработки в чужие края’, букв. «пойти (с брюхом) за хлебом».

Название главы из повести: «Черепки! На полу разбитая дощечка». В оригинале — «*Črep! Na tleh je tablica*». Это отсылка к детскому стихотворению Отона Жупанчича *Črep! na tleh je lonček...* Даже если не принимать во внимание отсылку, тут присутствует переводческая ошибка: ведь и в стихотворении Жупанчича, и у Бранки Юрцы не существительное *črér* ‘черепок’, а звукоподражание *črèp* ‘бух; тресь; бац’ — звук упавшей и разбившейся посуды.

Не избежали переводы и чрезмерной русификации. Так, одного из героев «Экипажа “Синей чайки”» отец «выдрал как сидорову козу»¹⁹, а герои повести Антона Инголича (1907–1992) «Тайное общество ПГЦ» (*Tajno društvo PGC*, пер. И. Макаровской) украшают речь идиомами, вряд ли известными словенцам: «Она туга на ухо и ей нужно кричать на всю ивановскую»²⁰, «штаб-квартира нашего общества — в желтом доме, *и никаких гвоздей!*»²¹. Встречаем «гвозди» и в переводе повести Бранки Юрцы «Родишься только раз»: «Он сокол, *и никаких гвоздей!*»²² (*Sokol je in si ne pusti od mene ukazovati*²³). Повесть Франце Бевка «Черные братья» (*Črni bratje*, 1952) в переводе О. Кутасовой (1977) звучит тяжеловеснее оригинала вследствие неумеренного употребления причастий: «Они задумчиво смотрели на другой берег — там ребяташки бросали в воду камешки, *подпрыгивавшие*

на волнах. Над ними свисали *багровеющие* ветви акаций, *трепещущие* под дуновением ветерка. Мальчики напоминали сейчас *потерпевших* кораблекрушение, с печалью *вспоминающих* о своем *затонувшем* судне»²⁴ (Zamišljeni so gledali onstran reke, od koder so paglavci metali kamenčke, ki so v ravnih črtah poskakovali čez mirne valove. Nad njimi so visele *orumenene* veje akacij in rahlo podrhtevale v sapi. Zasanjali so z odprtimi očmi. Bili so kot trije brezdomci, ki se s tihim otožjem spominjajo *potopljene* ladje²⁵) — шесть действительных причастий в переводе против двух страдательных в оригинале. Также восприятие текста затрудняется за счет предшествования анафорического местоимения в придаточном предложении антецеденту: «Он был уверен, что встретить *он* его сейчас, *Панпагалло* сразу бы догадался, что́ лежит у него в кармане»²⁶ (словен. Imel je občutek, da bo uganil, če ga le sreča, kaj nosi v žepu²⁷). Более естественным для русского языка был бы такой перевод: «Он был уверен, что встретиться ему сейчас *Панпагалло*, *тот* бы сразу догадался, что́ лежит у него в кармане».

В 2019 г. в издательстве «Питер» выходит «Волшебная книга полезных трав» (*Zelišča male čarovnice*, 1995) Полонцы Ковач (р. 1937) в переводе О. Смородиной. Большая часть словенских топонимов убрана из текста, игра слов утрачена (*presti* ‘прясть / мурлыкать’, *dobra misel* ‘добрая, хорошая мысль / растение душица’). Переводчице как будто незнакомы отдельные словенские лексемы: так, *proga* ‘железнодорожные пути’ в переводе то становится *ручьём* («Iz mesta je *srebrna proga* tekla v daljne kraje in *ob progi* je bil nasip»²⁸ — «За городом *горный ручей* стремился в дальние края, а возле *ручья* был пригорок»²⁹), то исчезает вовсе.

Таким образом, отдавая должное опыту и богатой практике советских переводчиков словенской детской литературы, а также энтузиазму переводчиков современных, тем не менее, следует отметить целый ряд не самых удачных

переводческих решений на лексическом, синтаксическом, идиоматическом уровнях. Обращают на себя внимание необоснованные лексические замены и кальки, чрезмерная доместикация и тяжеловесный синтаксис.

Примечания

- ¹ *Прегл С.* Сказки и рассказы / пер. со словен. Л. Яхнина. Любляна, 1984. С. 117.
- ² Подарок волшебниц. Словенская народная сказка // 365 сказок и историй на каждый день. М., 2014. С. 101.
- ³ *Seliškar T.* Bratovščina Sinjega galeba. Ljubljana, 1961. S. 5.
- ⁴ *Селишкар Т.* Экипаж «Синей чайки» / сокр. пер. со словен. И. Макаровской. М., 1961. С. 6.
- ⁵ *Бёвк Ф.* Тончек / пер. со словен. // Посвящается Югославии. Произведения словенских, хорватских и сербских писателей в переводах Ольги Кутасовой. М., 2015. С. 86–87.
- ⁶ *Bevk F.* Tonček. Ljubljana, 1958. S. 26.
- ⁷ *Юрца Б.* Родишься только раз / пер. со словен. И. Макаровской. М., 1976. С. 8.
- ⁸ *Jurca B.* Rodiš se samo enkrat. Ljubljana, 1972. 184 s. S. 8.
- ⁹ *Юрца Б.* Родишься только раз. С. 13.
- ¹⁰ *Jurca B.* Rodiš se samo enkrat. S. 13.
- ¹¹ *Юрца Б.* Родишься только раз. С. 128.
- ¹² *Jurca B.* Rodiš se samo enkrat. S. 147.
- ¹³ *Юрца Б.* Родишься только раз. С. 71.
- ¹⁴ *Jurca B.* Rodiš se samo enkrat. S. 82.
- ¹⁵ *Юрца Б.* Родишься только раз. С. 145.
- ¹⁶ *Jurca B.* Rodiš se samo enkrat. S. 166.
- ¹⁷ *Юрца Б.* Родишься только раз. С. 14.
- ¹⁸ *Jurca B.* Rodiš se samo enkrat. S. 16.
- ¹⁹ *Селишкар Т.* Экипаж «Синей чайки». С. 102.
- ²⁰ *Инголич А.* Тайное общество ПГЦ // *Инголич А.* Мальчик с двумя именами / пер. со словен. И. Макаровской. М., 1980. С. 49.
- ²¹ Там же. С. 48.
- ²² *Юрца Б.* Родишься только раз. С. 79.
- ²³ *Jurca B.* Rodiš se samo enkrat. S. 91.

- ²⁴ *Бевк Ф.* Черные братья / пер. О. Кутасовой // Отряд под землей и под облаками. Повести писателей Югославии. М., 1977.
- ²⁵ *Бевк Ф.* Črni bratje. Ljubljana, 1957. S. 139.
- ²⁶ *Бевк Ф.* Черные братья.
- ²⁷ *Бевк Ф.* Črni bratje. S. 62.
- ²⁸ *Kovač P.* Zelišča male čarovnice. Ljubljana, 2009. — (Zbirka Velike slikanice). S. 36.
- ²⁹ *Ковач П.* Волшебная книга полезных трав / пер. О. Смородиной. СПб., 2019. С. 34.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.04

Перевод и изучение произведений В. Токаревой в Китае: состояние и перспективы*

Дичэнь Чжоу, Пекинский педагогический университет,
Пекин, Китайская народная республика;
e-mail: katya.zhou@gmail.com

Ключевые слова: В. Токарева, творчество В. Токаревой, изучение В. Токаревой

Translation and study of V. Tokareva's works in China: present situation and prospects

Dichen Zhou, Beijing Normal University, Beijing, People's
Republic of China; e-mail: katya.zhou@gmail.com

Keywords: V. Tokareva, works of V. Tokareva, study of V. Tokareva

Виктория Самойловна Токарева — знаменитая русская писательница и сценарист. Ее произведения, отличающиеся уникальным творческим стилем, получили признание у читателей как в России, так и за рубежом.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования КНР, проект 19YJA740035

В Китае начали исследовать произведения В. Токаревой гораздо позже, чем в России. В 1986 г. профессор Чжэн Хайлин перевел рассказ Токаревой «Между небом и землей», в результате чего творчество Токаревой стало объектом внимания китайских переводчиков и исследователей. С нашей точки зрения, перевод и изучение ее произведений в Китае можно разделить на три этапа.

Первый этап (конец 80-х гг. XX в. — начало XXI вв.) был посвящен переводу творчества Токаревой. В течение двадцати с лишним лет в Китае были переведены и опубликованы такие ее рассказы и повести, как «Центровка», «Сто грамм храбрости», «Один кубик надежды», «Счастливей конец», «Плохое настроение», «Уик-энд», «За рекой, за лесом», «Сказать — не сказать», «Перелом», «Не сотвори», «Лавина» и др.

Общий анализ творческой индивидуальности Токаревой начался несколько позже, в связи с чем можно выделить новый, второй период изучения ее художественного наследия — начало XXI вв. — 2014 г. В центре внимания китайских исследователей оказались лингвистические особенности произведений Токаревой, специфика морфологии, синтаксиса, стилистических приемов в ее произведениях. Литературовед Ши Вэй пишет: «Она рассказала читателям серьезные этические и нравственные вопросы с легким юмором. Ее произведения были простыми и понятными, но не лишены глубины и актуальности»¹. По мнению литературоведа Сунь Чао, «обращение внимания на чувства простых людей в жизни и на духовный мир человека, простой язык, легкий юмор, использованные в произведениях религиозных текстов сделали Токареву “вечнозеленым деревом” современной русской литературы»².

На третьем этапе (с 2014 г. по настоящее время) изучения творчества В. Токаревой в Китае появился ряд работ, посвященных вопросам перевода рассказов Токаревой на китайский язык³. Их авторы сосредоточились на решении лексико-синтаксических, этнокультурных, художественно-

стилистических проблем, возникающих в процессе перевода произведений Токаревой, чтобы перевод был верен оригиналу текста, а текст — понятен китайским читателям.

С другой стороны, система образов, тематика, проблематика прозы Токаревой все также находятся в центре внимания китайских исследователей. Литературоведы анализируют такие типичные темы в творчестве Токаревой, как любовь, семья, жизнь и др., анализируют черты образов токаревских героинь⁴. По мысли литературоведа Чжан Цзяньхуа, женщины в произведениях Токаревой часто оказываются «естественными и элегантными. Потому что она хочет показать отношения между мужчинами и женщинами в своем воображении, которые так же естественны, как и жизнь»⁵.

Из вышесказанного видно, что китайские лингвисты, литературоведы и культурологи изучают как проблемы переводы прозы Токаревой, так и поэтику ее произведений. Стоит отметить, что перевод и изучение произведений Токаревой в китайской науке все же лишены системности. Во-первых, переводов произведений Токаревой на китайский язык мало. Во-вторых, наблюдается некоторое однообразие в методике изучения. В-третьих, исследователей больше интересуют ранние произведения Токаревой, а позднее творчество писательницы находится вне зоны внимания китайских исследователей.

Говоря о перспективах перевода и изучения произведений Токаревой в Китае, нужно отметить три аспекта, которые могут повлиять на более углубленное исследование творчества российской писательницы. Нам представляется необходимым 1) увеличить количество переводов произведений Токаревой на китайский язык и использовать разнообразные каналы для популяризации ее творчества среди исследователей и читателей, 2) применить междисциплинарный подход к изучению ее прозы, и, наконец, 3) способствовать развитию научного диалога между русскими и китайскими исследователями.

Примечания

¹ *Ши В. В.* Токарева: представитель современной русской женской литературы // *Мировая культура*. 2009. № 12. С. 13.

² *Сунь Ч.* Найти себя с юмором: индивидуальный стиль В. Токаревой // *Научный обмен*. 2011. № 2. С. 179.

³ Например, *Ван И.* Проблемы заполнения семантического пропуска в русско-китайском переводе — на примере повести В. Токаревой «Террор любовью». Пекинский университет иностранных языков, 2016. *Ван Х.* Перевод эмоционально-психологических описаний художественного текста — на примере повести Виктории Токаревой «Старая Собака». Пекинский университет иностранных языков, 2017.

⁴ *Юань Ю.* Темы и образы в женской прозе Виктории Токаревой. Сычуаньский университет иностранных языков, 2018.

⁵ *Чжан Ц.* Современное феминистское движение в России и русская женская проза // *Вестник Института иностранных языков НОАК*. 2014. № 3. С. 120.

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ И КИНО

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.05

Лацци в первых русских придворных пьесах последней трети XVII в.: задачи и функции*

Марианна Викторовна Каплун, Институт мировой литературы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: tangosha86@mail.ru

Ключевые слова: Лацци, интермедии, русские пьесы 1670-х гг., комедия дель арте, придворный театр, шутовские персоны, комедия, Грегори, Гивнер

Lazzi in the first Russian court plays of the last third of the 17th century: objectives and functions

Marianna V. Kaplun, Institute of world literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: tangosha86@mail.ru

Keywords: Lazzi, interludes, Russian plays of the 1670s, commedia dell'arte, court theater, buffoonery, comedy, Gregory, Hüfner

Вопрос о присутствии комических интермедий в русских пьесах при дворе царя Алексея Михайловича поднимался в ряде трудов, посвященных первому театру на Руси (речь идет о работах Н.С. Тихонравова, С.М. Шамина, К. Дженсен, И. Мейер и др.). В данном исследовании остановимся на рассмотрении русских интермедий 1670-х гг. в контексте традиций комедии дель арте. Проникновение элементов

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00014) в ИМЛИ РАН.

итальянского театра на русскую сцену можно объяснить установлением дипломатических контактов между Москвией и Флоренцией во второй половине XVII в.¹ Лацци (итал. *lazzo* 'шутка') — короткие сценки буффонного характера, трюки, импровизированные шутки, которые являлись неотъемлемой частью комедии дель арте². Подобные сценки можно обнаружить в четырех дошедших до нас русских представлениях: балете «Орфей» от февраля 1672 г. (автор неизвестен), «Артаксерксово действо» И.Г. Грегори (1672), «Иудифь» И.Г. Грегори (1673) и «Темир-Аксаково действо» Ю. Гивнера (1675).

Пьесы объединены выходами шутовских персон в напряженный момент действия. Как указывают К. Дженсен и И. Мейер, одним из действующих лиц «Орфея» был Пикельхерринг (Пикельгеринг, *Pickelhäring*), то есть шутовская персона в немецких обработках «английских комедий»³. В вологодском списке действующих лиц к пьесе И.Г. Грегори «Артаксерксово действо» упоминаются спекулятор (палач) Мопс и его жена Геленка, которые разыгрывают сценки на сюжет «Укрощения строптивой» У. Шекспира, чтобы снять напряжение между действиями. Например, первая, не дошедшая до нас интермедия «Артаксерксова действа», располагалась между первым и вторым действиями пьесы. Первое действие заканчивалось свержением Астини, и второе действие начиналось с поисков новой царицы для Артаксеркса⁴. Мопс и Геленка в первой интермедии, скорее всего, выясняли отношения и боролись за первое место в доме в духе комических персонажей Ганса Кнапкэсса и его Фрау из комедии о царице Эсфири и горделивом Амане (*Comoedia Von der Königin Esther und hoffärtigen Haman* из сборника «Die Schauspiele der englischen Komodianten in Deutschland») ⁵. Периодические выходы Мопса и его жены напоминали лацци в исполнении Дзанни (итал. *Zanni*) из комедии дель арте, комментировавшего основное действие

и пародирующего отдельные эпизоды. Как правило, выходы Дзанни не были связаны с основным действием и вводились с целью рассмешить публику⁶.

Эффектные выходы шутовских персон сохраняются и в следующей пьесе И.Г. Грегори «Иудифь» и связаны с тремя персонажами: служанкой Иудифи Аброй, солдатом Сусакимом и евнухом Вагавом. Комедийные персонажи в «Иудифи» появляются во время одного из напряженных моментов в пьесе и своими шутовскими выходками веселят публику, тем самым разбавляя трагический пафос действия. Например, когда Иудифь приходит в лагерь к Олоферну и действие достигает высшего напряжения, зрителям предлагается сцена шуточной казни Сусакима лисьим хвостом⁷. Сам герой не подозревает (или делает вид), что казнь ненастоящая, и устраивает целое представление с криками и смешными воплями во время поисков своей одежды, кафтана, шляпы и, в конечном итоге, собственной головы: «О вы, господа! Аще ли кто от вас из любви и приятства мою главу скрыл, и я того покорно без шляпы прошу и молю, чтоб мне он возвратил. Или вор Доох с собою в жилище свое взял?»⁸. Сусакимом активно использует мимику и жесты, чтобы сосредоточить на себе внимание зрителя и отвлечь аудиторию от грядущего действия. Амплуа «шутовского пророка» в пьесе приобретает евнух Олоферна Вагав, который в веселой манере предупреждает Олоферна о возможности потерять голову⁹. После казни Олоферна служанка Иудифи Абра говорит своей госпоже в духе «комедийной персонь»: «О! Никогда бы аз тако дерзостна была! Ох! Таковому храброму воину главу отсекла! Бес таковым обычаем госпожу мою да возлюбит! Что же тот убогий человек скажет, егда пробудится, а Иудиф з главою его ушла?»¹⁰. В речи Абры присутствуют классическая игра слов и двойной подтекст, характерный для лацци. Отметим, что в «Иудифи» в отличие от «Артаксерксова действия» лацци носят не формальный характер, а встраиваются

в повествование. Основной задачей лацци в данном случае является дополнительная характеристика главных действующих персонажей посредством их столкновения с второстепенными шутовскими персонами.

На различные задачи лацци в первых русских пьесах указывает присутствие интермедий не только в «библейских драмах» Грегори, но и в исторической драме «Темир-Аксаково действо» Ю. Гивнера о противостоянии среднеазиатского завоевателя Тамерлана и турецкого султана Баязида I. В «Темир-Аксаковом действе» в двух интермедиях присутствуют сценки с Пикельгерингом и Тельпелем¹¹. В первом действии пятого явления Пикельгеринг, который, как и в балете «Орфей», зовется своим именем, крадет у солдат сначала деньги, затем вино, еду: «Зде Пикельгеринг деньги у них украдет», «Зде Пикельгеринг вино украдет от них и выпьет», «Зде Пикельгеринг у них украдет жаренину»¹². Присутствие Пикельгеринга в ремарках пьесы говорит о желании авторов акцентировать внимание зрителя на внешнем облике и особой мимике (ужимках) шута, которые могли рассказать зрителю о персонаже и его роли. Вспомним персонажей комедии дель арте, игравших отведенную им роль и носивших маски, соответствующие выбранному амплу. Можно сделать предположение, что русский Пикельгеринг появлялся на сцене в особом костюме, подчеркивающим шутовской характер его роли, выделявая перед солдатами свои лацци¹³. Во втором действии второго явления «Темир-Аксакова действия» является Телпель (по тексту Тепел), то есть Тёльпель, от немецкого слова *Tölpel* — ‘тупица, дуралей, болван’¹⁴. Русский Тёльпель просится на службу и убеждает вояку Манеса в своих талантах, например, в отсутствии дерзости и дипломатических способностях (умении упросить, кого угодно, чтобы его не побили). Когда Манес бьет его по уху, Тёльпель кричит: «Аз пришол есмь испити, а не побоище восприяти». На что Манес отвечает: «Аз тя научю кощунствовати»¹⁵. Сцена с Тёльпелем дается перед появлением Тамерлана перед

своими воинами и началом войны с Баязидом. Несмотря на общность комической структуры в «Иудифи» и «Темир-Аксаковом действе» (шутовские сценки связаны с солдатским бытом), в «Темир-Аксаковом действе» комические персоны практически не характеризуют главных действующих лиц, а просто отвлекают внимание на себя перед сценами, насыщенными драматизмом.

Обращение первых русских драматургов, немцев по происхождению, к традициям комедии дель арте могло быть объяснено тем, что немецкое сценическое искусство XVII в. частично попало под итальянское влияние и Ганс Вурст (и вместе с ним Ганс Кнапкэсс и Пикельгеринг) «облекся в пестрый костюм Арлекина, подражая итальянским интермедиям и лацци»¹⁶. Основная задача лацци на русской сцене 1670-х гг. состояла в снятии напряжения с основного действия путем введения комических персон. Лацци в первых русских пьесах могли носить вставной характер («Орфей», «Артаксерксово действо») или включаться в основное действие, взаимодействуя с основными персонажами («Иудифь», «Темир-Аксаково действо»), что говорит о владении приемами комедии дель арте русскими драматургами немецкого происхождения последней трети XVII в.

Примечания

¹ См.: *Каплун М.В.* К вопросу о западноевропейских истоках первых русских комедий (по материалам посольского приказа второй половины XVII в.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 28–33.

² Театр. Актер. Режиссер. Краткий словарь терминов и понятий / сост. А. Савина. СПб., М., Краснодар, 2010. С. 185.

³ *Дженсен К, Майер И.* Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М., 2016. С. 57.

⁴ Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в.: В 5 тт. М., 1972. Т. 1. Первые пьесы русского театра. С. 121–122.

⁵ *Каплун М.В.* Реконструкция интермедий «Артаксерксова действа» Иоганна Готфрида Грегори // Герменевтика древнерусской литературы.

Сборник 19 / гл. ред. О.А. Туфанова, отв. ред. Е.А. Андреева. М., 2020. С. 138–139.

⁶ Театр. Актер. Режиссер... С. 185–186.

⁷ *Каплун М.В.* Персонажи-шуты в «Иудифи» И.Г. Грегори в контексте репертуара «английских комедиантов» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт культуры. 2015. № 3 (24). С. 63.

⁸ Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в... Т. 1... С. 442.

⁹ *Каплун М.В.* Персонажи-шуты в «Иудифи» И.Г. Грегори... С. 64.

¹⁰ Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в. Т. 1... С. 451.

¹¹ *Алпатов С.В., Шамин С.М.* Европейский юмор в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013 (4). С. 22.

¹² Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в.: в 5 тт. М., 1972. Т. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. С. 71.

¹³ *Тихонравов Н.С.* Русские драматические произведения 1672–1725 гг. В 2 тт. СПб., 1874. Т. I. С. XXIII.

¹⁴ *Дженсен К. Майер И.* Придворный театр в России XVII века... С. 133.

¹⁵ Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в... Т. 2... С. 77.

¹⁶ *Мокульский С.С.* История западноевропейского театра: в 2 ч. СПб., 2011. Ч. 1. С. 155.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.06

Трансформация «вечного образа» Гамлета в драмах абсурда Витольда Гомбровича «Венчание» и Славомира Мрожека «Танго»

Регина Владимировна Зиновьева, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Российская Федерация; e-mail: regina46@list.ru

Ключевые слова: кризисность, гамлетизм, трагикомическое, интеллигент, хам

Transformation of the “eternal image” of Hamlet in the absurd plays “The Marriage” by W. Gombrowicz and “Tango” by S. Mrożek

Regina V. Zinoveva, Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation; e-mail: regina46@list.ru

Keywords: crisis, hamletism, tragicomic, intellectual, boor

Феномену «гамлетизма» присуща полифоничность интерпретаций, проявляющаяся как на уровне индивидуальных прочтений трагедии Шекспира, так и на уровне национальных литературных традиций. В этой связи «польский гамлетизм» имеет давнюю литературную и культурно-историческую традицию. Я. Тшнадель, анализируя художественную реализацию шекспировского образа в истории польской словесности, говорит о сложившемся мифе польского Гамлета как о факторе самосознания польской интеллигенции. По мнению исследователя, главный герой Шекспира важен польскому читателю прежде всего потому, что он раскрывается «на фоне исторических судеб польского общества, а не — как в шекспировской трагедии — на фоне отдельной судьбы»¹. Неслучайно обращение писателей-абсурдистов, Витольда Гомбровича и его последователя Славомира Мрожека, в пьесах «Венчание» (1953) и «Танго» (1964) к «вечному образу» Гамлета означало преломление его сквозь призму социокультурных проблем того времени.

Общим для обоих писателей является, согласно мнению В.А. Хорева, «стремление к интеллектуальному раскрепощению человека, который испытывает постоянное давление политических мифов и коллективных эмоций»². Исследователь говорит о преодолении национальных мифов, так называемой «польскости», столь тяготившей писателей, стремившихся в своем творчестве отойти от заданной польскими

романтиками художественной системы. Поэтому обращение Гомбровича и Мрожека к «вечному образу» Гамлета в послевоенное время приобретает принципиально новое значение в отличие от произведений А. Мицкевича, Ю. Словацкого и С. Высяньского и знаменует отход от романтической традиции символизации реальности.

Целью данного исследования является попытка проследить функционирование и трансформацию «вечного образа» Гамлета в абсурдистских драмах В. Гомбровича «Венчание» и «Танго» С. Мрожека. Научная новизна работы заключается в том, что до настоящего времени сопоставление «вечного образа» Гамлета в этих пьесах не было предметом специального анализа.

В обоих произведениях представлен образ опустошенного мира, лишённого порядка, былых ценностей и нравственных ориентиров. Гомбрович, показавший картину послевоенного времени, пишет о своей пьесе следующее: «“Венчание” [...] — это драма современного человека, мир которого разрушился [...]. Ибо не только его мир уничтожили, но он и сам поддался уничтожению, и у него не осталось прежних чувств. Но на руинах старого открывается мир новый, полный страшных ловушек и непредсказуемой динамики, и лишённый Бога»³. Неслучайно, в ремарках к пьесе нам представляется «гнетущий и безнадежный»⁴ пейзаж, «во мраке»⁵ — образ «искривленного», «деформированного»⁶ храма. Везде чувствуются «пустота»⁷ и «пустыня»⁸. У Мрожека в «Танго», наоборот, возникает образ «захламленного» пространства, который создается посредством соединения логически несовместимых предметов, не совпадающих с друг другом ни по стилю и ни по времени. Появляется чувство «ошибочности, случайности и неряшливости»⁹. Я. Блоньски, определяя суть «Танго», отмечал, что пьеса Мрожека отражает «кризис и вероятный конец цивилизации»¹⁰. В свою очередь, Хелена Стефан видит в пьесе «Танго» «форму гротескной параболы»¹¹, смысл

которой говорит о «распаде современной системы ценностей на примере семьи»¹².

Вернуть утраченные ценности и порядок этому миру решаются герои Гомбровича и Мрожека, Генрик и Артур. Подобно шекспировскому Гамлету, который, по верному утверждению Г.С. Померанца, является «первым типом протоинтеллигенции»¹³, главные абсурдистские герои призваны «восстановить ценности, распатанные и разрушенные в процессе стремительных перемен»¹⁴. Генрик, по словам М. Гловиньского, «брошен в нешекспировский мир, который, однако, с миром Шекспира схож»¹⁵. Польский критик, исследуя природу монологов Генрика, восходящую к традиции английского классика, утверждает, что Гомбрович создает «пародию на речь героя Шекспира»¹⁶. Однако пародийная функция не является в монологах столь существенной. Гораздо более важной является «дезиллюзия»¹⁷: согласно Е. Яжембскому, она «выполняет функцию надсознания (творческой интуиции) главного героя пьесы, который не только исполняет свою роль, но и ведёт внутренний монолог, дистанцируясь от своего действия на сцене и анализируя собственные поступки». То, что в свое время было новаторством Шекспира, Гомбрович повторил в пьесе, придав рефлекслирующему сознанию Генрика новые исторические и социокультурные рамки. Герой Мрожека, Артур, как утверждает М. Пивиньска, — это своего рода *alter ego* писателя. «“Танго” [...] — это первая пьеса, в которой появляется драматический герой, жаждущий сделать что-то по собственному желанию [...]. По сути, Артур — это Гамлет, который решил стать Фортинбрасом, Конрадом и членом Союза польской молодежи»¹⁸.

В отличие от Генрика, который остается в системе заданных координат и вынужден функционировать в рамках шекспировского образа Гамлета, как об этом сам говорит Гомбрович, «поддаваясь формальной логике ситуации, это-

му императиву *Формь*¹⁹, Мрожек в лице Артура порывает с классической моделью построения действительности в драматическом произведении. Союз интеллигента Артура, польского Гамлета, с грозным и примитивным лакеем Эдеком, который является воплощением грубой силы и хамства, приводит к абсурдному снятию противоположностей двух характеров в драме, смешению стилей и знаменует окончательное уничтожение культуры.

Общей для писателей является также тема отношений отца и сына, связанная с «эдиповым комплексом». Г.Д. Гачев, предлагая идею национальных образов мира, складываемых из соотношения Космоса (Природы) — Психо (Душа) — Логос (Слово, Логика разума), видит в комплексе Эдипа одну из архетипических моделей польского бытия, при которой происходит низвержение Отца Сыном. «Отец отеснён — в ничтожность: и король безгласен при “либерум вето”, и в литературе Отец — слабый персонаж»²⁰, — пишет исследователь. Не случайно в обоих пьесах авторитет отца подавляется, равно как и авторитет Бога, что символически отражено в «Венчании» через описание разрушенного храма (дома Бога-Отца), а в «Танго» — путем отрицания «идеи Бога» как спасительной концепции существования человечества. Присущий героям богоборческий дух всецело объясняет их желание навести тоталитарные порядки в обществе и сравняться с Богом. «А если этот Бог, старый, просроченный Бог, что-нибудь будет иметь против, то возьму его за морду!»²¹ — исчерпывающе точно определяет свою позицию Генрик, которую перенимает и герой Мрожека, считая концепцию тоталитаризма наиболее приемлемой для общества послевоенного периода.

Тема богоборчества в польском литературном дискурсе имеет давние историко-культурные корни и восходит к идее эсхатологической миссии Польши, которая сопряжена с тематикой избранности польской нации как «Христа народов» либо «Христа Европы», уходящей, в свою очередь,

в проблематику еврейского франкизма и разработанной в дальнейшем в произведениях польских романтиков. В свою очередь, Г.Д. Гачев видит в идее мессианства польского народа, как уже было отмечено ранее, отображение Эдипова комплекса, то есть покушение на Христа с целью заменить его польским народом в «любви Матери Божией»²².

Богоборчество Гомбровича и Мрожека развивается по особому вектору, хоть и остаётся в русле общей польской проблематики. Прежде всего, оно оторвано от мессианского замысла, который нераздельно сочетался с эстетикой польского романтизма, и приобретает универсальный характер европейского масштаба. В случае с Генриком и Артуром, их богоборчество означает не только конец польского пути, связанный с невыполнением эсхатологической миссии и возникшей ввиду этого неутолимой горечи польской экзистенции, но и конец всей европейской цивилизации, утратившей вечные ценности в эпоху переходного времени (от Модерна в Постмодерн)²³. Поскольку, согласно А.Г. Дугину, проблематика Постмодерна содержится в преодолении Модерна без возврата к традиционной парадигме, любая форма, любая попытка вернуться к былой сакраментальной духовности становится симулякром. «Сущность постмодерна заключается в отрицании модерна без возвращения в премодерн (традицию)»²⁴, — пишет философ. Именно поэтому Генрик и Артур в итоге признают комичность своей идеи возродить ценности давно ушедшей эпохи. Пользуясь словами героев, всё это можно назвать откровенным «фарсом»²⁵, «маскарадом»²⁶ и неприкрытой пародией. Финальным аккордом звучит заявление Артура, которое выражает глубинную суть польского черного отчаяния и словно подытоживает экзистенциальный крах эпохи: «Возврата не будет, нет настоящего, нет будущего. Ничего нет! [...] Я уверовать не могу [...] Эта старая форма не сотворит нам действительности, я ошибся!.. Форма не спасёт мира»²⁷.

Таким образом, в польском литературном дискурсе вечный образ Гамлета претерпевает смысловую трансформацию. «Польский Гамлет» представлен в драмах Гомбровича и Мрожека как пародия на шекспировского интеллигента. Созданные обоими драматургами образы, сквозь призму которых отразилась судьба как западной, так и польской интеллигенции, выражают идею кризиса европейской цивилизации и одновременно знаменуют начало новой эпохи, лишенной традиционных ценностей. В драме Гомбровича главный герой Генрик, которому не чужды нравственные идеалы, старается следовать формальной логике сцены и «вписаться» в уже отжившие рамки шекспировского мира, тогда как в драме его последователя этого мира уже вовсе не существует, и главный герой в отчаянии вынужден признать его утрату. Мрожек своей пьесой словно подытоживает социокультурные изменения переходного периода. Союз его интеллигента и «хама» символизирует окончательный конец «эпохи Гамлетов» и крах традиционных ценностей во времена постмодерна.

Примечания

- ¹ *Trznadel J.* Polski Hamlet. Kłopoty z działaniem. Warszawa, 1989. S. 9.
- ² *Хорев В.А.* Витольд Гомбрович и Славомир Мрожек // Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура / под ред. В.А. Хорева. М., 2006. С. 114–116.
- ³ *Gombrowicz W.* Dziennik III, 1961–1969. Kraków, 1997. S. 46.
- ⁴ *Gombrowicz W.* Ślub. Kraków, 1988. T. 6. S. 9.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ *Mrożek S.* Wybór dramatów. Kraków, 1963. S. 89.
- ¹⁰ *Błoński J.* Dramaturgia modelów // Romans z tekstem. Kraków, 1981. S. 232.
- ¹¹ *Stephan H.* Mrozek. Kraków, 1996. S. 107.

- 12 Ibid.
- 13 *Померанц Г.С.* Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность // Григорий Померанц и Зинаида Миркина [Сайт]. URL: http://www.pomeranz.ru/p/lect_intell.htm (дата обращения: 03.09.2020)
- 14 Там же.
- 15 *Głowiński M.* Komentarze do «Ślubu» // Gombrowicz i krytycy. Kraków–Wrocław, 1984. S. 645.
- 16 Ibid. S. 646.
- 17 *Jarzębski J.* Gombrowicz i Szekspir // Pamiętnik Literacki CV. 2014. Z. 3. S. 79–91.
- 18 *Piwińska M.* Mroźek, czyli Słoń a Sprawa Polska // Dialog. 1966. N 5. S. 350–351.
- 19 *Gombrowicz W.* Ślub. S. 9.
- 20 *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995. С. 460.
- 21 *Gombrowicz W.* Ślub. S. 134.
- 22 *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. С. 460.
- 23 Терминология А.Г. Дугина.
- 24 *Дугин А.Г.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., 2009. С. 74.
- 25 *Gombrowicz W.* Ślub. S. 134.
- 26 *Mroźek S.* Wybór dramatów. S. 147.
- 27 Ibid. S. 147–148.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.07

Две парадигмы идентификации личности — версии Владислава Белзы и Янки Купалы

Анна Романовна Анютина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация; e-mail: an-an99@yandex.ru

Ключевые слова: полонизация, белорусизация, катехизис, самоидентификация, национальное самосознание, компаративный анализ

Two paradigms of personal identification — Vladislav Belza and Yanka Kupala versions

Anna R. Aniutina, National Research University
“Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation;
e-mail: an-an99@yandex.ru

Keywords: polonization, belarusization, catechism, self-identification, national consciousness, comparative analysis

Целью данного доклада является сопоставление парадигм идентификации личности через компаративный анализ двух текстов национальной поэзии начала XX в. — «Katechizm polskiego dziecka» («Катехизис польского ребенка») Владислава Белзы и «Хто ты гэткі?» («Кто ты такой?») Янки Купалы. Оба стихотворения предполагают выявление лояльности эксплицитного адресата к ценностям двух этносов — польского и белорусского соответственно.

Стихотворение В. Белзы (1900 г., напечатано в 1901 г.) продолжает актуальный польский дискурс рубежа XIX–XX вв.; к концу XIX в. в Польше начинается период позитивизма и настойчивого сопротивления прусским, немецким и российским влияниям. Кроме противодействия внешним тенденциям, актуализируется проблема с чтением для детей на польском — так начинают появляться приложения к газетам, подобные *Szkółka Polska* («Польская школа»), в котором Белза занимал позицию центрального автора и опубликовал рассматриваемый текст. В стихотворении соединяются две важные линии творчества Белзы — патриотическая и детская поэзия; второму была посвящена практически вся жизнь поэта: он дебютировал со стихотворением *Deszczyk wiosenny* («Весенний дождик») в газете *Przyjaciel dzieci* («Друг детей»), инициировал создание детской газеты *Promyk* («Лучик»), заведовал читальней

для молодежи¹ и т. д. В тексте Белза рассматривает осмысление принадлежности личности к польскому этносу через имперский нарратив, реконструированный автором с помощью перечисления имперской символики (*orzeł biały* 'белый орел', *lilia biała* 'белая лилия', «*Krwia i blizna*» («кровью и шрамом»)²).

Травестия Я. Купалы, датированная 1908 г., предполагает не столько спор с польским дискурсом (что также вероятно, как реакция на агрессивную полонизацию, которая велась в отношении белорусского этноса с начала XIX в.), сколько утверждение белорусской идентичности в привязке к конкретному типу местности, не маркированному географически, через определение адресата как сельского жителя: к началу XX в. большинство белорусов проживало в сельских районах. Травестируя, Купала в то же время обращается к польскому подходу формирования личности, который выводит Белза; идентичная структура — это не только спор, но и признание общей формы как варианта определения национального самосознания — признание варианта Белзы легитимным в рамках белорусского дискурса.

Янка Купала вырос в семье, в которой белорусский язык был маркирован как принадлежащий бытовой сфере, а польский — религиозной и образовательной. Первые поэтические попытки Купала были на польском, и только потом поэт перешел на белорусский; отказ от польского у Купалы сознателен: он происходит после его знакомства с творчеством Богушевича и с белорусскоязычными прокламациями на революционную тематику — это выбор не только в пользу языка, но и в пользу национального самосознания, тема которого развивается в стихотворении³.

Примечательно появление подобных текстов именно в польской и белорусской поэзии. С одной стороны, оба этноса находились в зависимом от Российской империи положении и национальный дискурс каждого из них подразумевал

противостояние русификации, таким образом происходило разделение на «своих», поддерживающих полонизацию / белорусизацию соответственно, и «чужих». С другой — политика белорусизации предполагала борьбу и с полонизацией, что частично было вызвано агрессивной пропагандой Российской империи. Стихотворения предлагают варианты решения подобной проблемы (выявления причастного к национальному сообществу человека) с помощью вопросно-ответной формы; в случае Белзы это:

— *Kto ty jesteś?*

— *Polak mały.*

— *Jaki znak twój?*

— *Orzeł biały.*

— *Gdzie ty mieszkasz?*

— *Między swemi.*

— *W jakim kraju?*

— *W polskiej ziemi.*

— *Czem ta ziemia?*

— *Mą Ojczyzną.*

— *Czem zdobyta?*

— *Krwia i blizną.*

— *Czy ją kochasz?*

— *Kocham szczerze.*

— *A w co wierzysz?*

— *W Polskę wierzę!*

— *Coś ty dla niej?*

— *Wdzięczne dziecię.*

— *Coś jej winien?*

— *Oddać życie.⁴*

— *Кто ты?*

— *Маленький поляк.*

— *Каков твой знак?*

— *Белый орёл.*

— *Где ты живешь?*

— *Среди своих.*

— *В какой стране?*

— *На польской земле.*

— *Что это за земля?*

— *Моя Родина.*

— *Чем получена?*

— *Кровью и шрамами.*

— *Любишь ли ты её?*

— *Искренне люблю.*

— *А во что веришь?*

— *В Польшу верю!*

— *Кто ты для неё?*

— *Благодарный ребёнок.*

— *Что ты должен сделать ради*

неё?

— *Отдать жизнь.⁵*

А в случае Я. Купалы:

<p><i>Хто ты гэтка?</i> — <i>Свой, тутэйшы.</i> <i>Чаго хочаш?</i> — <i>Долі лепшай.</i> <i>Якой доли?</i> — <i>Хлеба, солі</i> <i>А што болей?</i> — <i>Зямлі, волі.</i> <i>Дзе радзіўся?</i> — <i>Ў сваёй вёсцы.</i> <i>Дзе хрысціўся?</i> — <i>Пры дарожцы.</i> <i>Чым асвенчан?</i> — <i>Кроўю, потам.</i> <i>Чым быць хочаш?</i> — <i>Не быць скотам.</i>⁶</p>	<p><i>Кто ты такой?</i> — <i>Свой, здешний.</i> <i>Чего хочешь?</i> — <i>Доли лучшей.</i> <i>Какой доли?</i> — <i>Хлеба, соли.</i> <i>А чего больше?</i> — <i>Земли, воли.</i> <i>Где родился?</i> — <i>В своей деревне.</i> <i>Где крестился?</i> — <i>У дороги.</i> <i>Чем освящен?</i> — <i>Кровью, потом.</i> <i>Чем быть хочешь?</i> — <i>Не быть скотом.</i>⁷</p>
--	--

Как видно из приведенных отрывков, формат текста претерпел незначительные графические изменения. Он позаимствован у катехизиса, цель которого — выявить лояльных читателей к определенным ценностям (в случае оригинального катехизиса — к христианским). Эксплицитным адресатом в обоих случаях предстает человек, чью приверженность определенным принципам необходимо установить. В стихотворении Белзы такая проверка ценностей осуществляется путем соотнесения личности с имперскими символами, важными для польской идентичности; у Купалы — с ценностями и характерными белорусскими паттернами (*хлеба, солі* («хлеба, соли»), *зямлі, волі* («земли, воли»), *сваёй вёсцы* («своей деревне»)⁸), которые формируют крестьянский нарратив. Примечательно, что первоначально текст Белзы

носил название *Wyznanie wiary dziecięcia polskiego* («Символ веры польского ребенка») — это также сохраняло связь с церковной тематикой для сакрализации патриотической темы; символ веры — это система догматов христианского нравоучения, а в стихотворении — система символов, связь с которыми необходима для того, чтобы ассоциировать себя с патриотическим польским дискурсом.

Текст Белзы изобилует милитаристскими коннотациями (*krwιά i blizna, oddać życie*⁹ — «кровью и шрамами», «отдать жизнь»), потому как польская национальная идея конца XIX — начала XX вв. базировалась на мобилизации нации на борьбу за освобождение от угнетения соседними государствами — в первую очередь Российской и Германской империями¹⁰.

В стихотворении перечисляются национальные символы, узнавание которых выявляет причастного к сообществу (в данном случае — к национальному сообществу) человека. Через соотнесение себя с этими символами подтверждается лояльность ценностям актуальной политической повестки Царства Польского, то есть ценностям имперским — например, белому орлу (*orzeł biały*¹¹), который был польским гербом с 1295 г. Как и в начале XX в., этот узнаваемый, старейший символ связан в сознании читателя-поляка с именем Болеслава I — одной из ключевых фигур польской истории.

Стихотворение Купалы было написано вследствие ускорения развития художественной культуры Белоруссии после снятия запрета на публикацию текстов на национальных языках в 1905 г.¹² Этап формирования национального сознания белорусского этноса также предполагал появление научных трудов (например: «Белорусь» Е.Ф. Карского) и художественных произведений, определяющих критерии принадлежности к нему. Также пророческая риторика Купалы (абсолютом этого пророчества в его творчестве стало стихотворение «Пророк» 1912 г.¹³) предполагала написание подобного стихотворения — избранность поэта возлагает на

него роль того, кто не только консолидирует свой народ, но и сам может определить его цели (то есть «не быць скотам¹⁴») и идеалы. Купала принимает на себя роль того, кто задаёт вопросы с мессианским пафосом, — он заранее знает на них ответы.

Текст Купалы сочетает в себе две формы самоидентификации — локально-территориальную, маркированную лексемой «тутэйшы», которая конструируется в моноэтнических, то есть сельских поселениях, и национальную, которая конструируется в полиэтнической среде, соответственно, через сопоставление с чужой идентификацией — в конкретном случае с польской. Этноним «тутэйшы» используется Купалой как символ местной самобытности. Проблема определения собственной идентичности осложнилась для белорусов со включением белорусских земель в состав Российской империи — это искажало этническое самосознание и ставило серьезные вопросы о полноценности нации. Вследствие отсутствия опыта пребывания как единой нации, базой для этнонима становится привязка к месту как нечто константное — белорусы были в составе разных стран, но не меняли географического положения. К началу XX в. формируется два варианта использования термина «тутэйшы»: как основы для формирования чувства патриотизма (преимущественно среди интеллигенции) и как способа отделить себя от трех соседних наций — поляков, русских и литовцев¹⁵.

Белорусская культура на протяжении многих веков развивалась в полиэтнических государствах и всегда выражала необходимость противостоять иностранному культурному господству; в конце XIX — начале XX вв. такая необходимость фокусируется относительно польской культуры¹⁶, чем обусловлен и выбор текста для травестии. Столкновение с культурами, стоящими на позиции политических элит — в первую очередь, с польской — провоцировало консервативные настроения относительно их достижений, и в большей степени это касается польского империализма,

который становится объектом стилистического снижения в тексте Купалы.

Оба текста решают схожую проблему осмысления принадлежности к определенному этносу и определению актуальных для него ценностей. При сходной форме, очевидно заимствованной Купалой у Белзы намеренно, варианты решения проблемы представлены разные — через конструирование имперского нарратива (у Белзы) и нарратива крестьянского (у Купалы).

Примечания

¹ Белза, Владислав // Википедия [Сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Белза,_Владислав (дата обращения: 20.05.2020)

² *Bełza W., Tomczyk N., Rogowski S. Katechizm polskiego dziecka* // Zakł. Nar. Ossolińskich, 1990. S. 5.

³ *Kliabanau D. Wymiary “tutejszości” w twórczości Janki Kupały (wybrane zagadnienia)* // *Obce / swoje. Miasto i wieś w kulturze Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy* / red. nauk. K. Glinianiewicz, K. Kotyńska. Kraków, 2017. S. 95.

⁴ *Bełza W. Katechizm polskiego dziecka*. S. 5.

⁵ Катехизис польского ребёнка // Википедия [Сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Катехизис_польского_ребёнка (дата обращения: 20.05.2020)

⁶ *Купала Я. Кто ты гэткі?* // *Купала Я. Тутэйшыя*. Мінск, 2015. С. 34.

⁷ Подстрочник автора статьи.

⁸ *Купала Я. Кто ты гэткі?* С. 34.

⁹ *Bełza W. Katechizm polskiego dziecka*. S. 5.

¹⁰ *Кручковский Т.Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века*. Гродно, 2016. С. 120.

¹¹ *Bełza W. Katechizm polskiego dziecka*. S. 5.

¹² *Чаквин И.В., Терешкович П.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV — начало XX в.)* // Советская этнография. 1990. №. 6. С. 50.

¹³ *Студенко Т.С. Янка Купала и библейская пророческая традиция* // Славянский альманах. № 2007. 2008. С. 342.

¹⁴ *Купала Я. Кто ты гэткі?* С. 34.

¹⁵ *Kliabanau D. Wymiary “tutejszości” w twórczości Janki Kupały (wybrane zagadnienia)*. S. 93.

¹⁶ Ibid.

Движение как структурообразующий фактор произведений Д. Годровой

Светлана Анатольевна Кожина, Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: lana-0391@mail.ru

Ключевые слова: чешская литература, постмодернизм, нарратив, движение, пространство

Movement as a structure-forming factor in the works of D. Hodrová

Svetlana A. Kozhina, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: lana-0391@mail.ru

Keywords: Czech literature, postmodernism, narrative, movement, literary space

Структура нарратива в произведениях Д. Годровой представляет собой сложную систему взаимосвязей между ключевыми аспектами организации художественного мира: временем, пространством и системой персонажей. В постмодернистских романах писательницы отсутствует эксплицитно выраженное ключевое событие, а различные изображаемые сюжеты и мотивы несут в первую очередь символический смысл, идея которого приоткрывается лишь при соотнесении их друг с другом. Можно говорить, что структура произведений Годровой колеблется одновременно между «повествованием-тканью» и «повествованием-путем»¹, соединяя в себе неоднозначность, фрагментарность (основанную на интертекстуальности и чередовании системы точек зрения), отсутствие единственной трактовки с общей устремленностью текста к некоему конкретному, философскому смыслу. Особую роль, таким образом, играет способ, которым

автору удается добиться объединения различных уровней произведения, выстроить общую его концепцию и направить воображение читателя к определенной трактовке основной идеи. Именно эту роль в романах играет передвижение: как сам процесс перемещения персонажей между локусами, так и семантика пути в целом. В своей статье мы сосредоточим внимание на двух данных аспектах передвижения, представленных в творчестве автора.

В произведениях, составивших первую романную трилогию Годровой «Город мучений» (1999) («По двум видам» (1991), «Жукуль» (1991), «Тета» (1991)), сформировалась композиционная структура, характерная и для поздних трудов автора: отсутствие центральной линии повествования компенсируется наличием нескольких «центров» повествовательного напряжения². Текст разрастается (свивается) вокруг данных центров, в роли которых выступают в первую очередь определенные топосы. Для Годровой ключевым пространственным ориентиром является Прага, в частности — район Жижков (где расположена квартира на площади Йиржи с Подебрад), возвышенность и кладбище (одновременно как реализация пространственной дихотомии верха и низа, а также как мест связи настоящего и прошлого³) и т. д. В более поздних произведениях, а именно в «Воззвании» (2010), «Спиральных предложениях» (2015) и «Эта близость» (2019) символичность описываемых пространств, а также количество активизирующихся при их помощи ассоциаций только растет. Дополнительными локусами выступают, например, театр (театральные подмостки являются одним из принципов композиционной структуры романа «Спиральные предложения»), лес и равнина. Однако все перечисленные центры повествовательного напряжения, изображенные аллегорически, тесно взаимосвязаны друг с другом. Таким конституирующим принципом в романах Годровой выступает движение в широком смысле слова.

В узком смысле слова под перемещением в рамках произведения традиционно понимается акт пересечения персонажем границ, изображающих части художественного мира⁴, переход от одного хронотопа к другому. Движение в таком понимании становится способом взаимодействия различных пространственно-временных континуумов для построения повествования, в рамках которого персонаж фиксирует свои действия и их влияние на него. В романах Годровой присутствуют физические перемещения персонажей между отдельными обозначенными выше центрами. Так, например, Даниэла регулярно ходит на Ольшанское кладбище, в больницу на Буловце, в квартиры к другим персонажам (Богуньке, Алице, Йоске и др.). Однако все перемещения не демонстрируют очевидных изменений персонажа как такового, не несут за собой каких-либо признаков его открытого взаимодействия с окружающим миром, а служат способом передать повествование пространству, которое должно говорить само за себя. В «Куклах» одна из героинь, София Сыслова, отмечает, что, проходя через определенное пространство, человек оказывается невольным свидетелем его «вспоминания» — воскрешения его прошлого, а также всех взаимосвязанных событий. Примером могут служить и сцены из романа «Спиральные предложения», где в самом начале произведения главный герой, обозначаемый местоимением «я» и сливающийся с фигурой Даниэлы, символическим изображением самого автора, описывает запах, доносящийся откуда-то с места, называемого Хагибор (чеш. *Hagibor*, что в переводе с иврита значит ‘герой’), в детском языке называемый Хадибор (чеш. *Hadibor* ‘змеиный бор’), ассоциирующемся «с запахом клея от кулис Виноградского театра, а также запахом влажной муфты из ягненка персидского, еще не рожденного, в котором закрутилось столько судеб, [...], куда нас судьба тянет, туда идем, туда идет, туда иду»⁵. Позже возвращение нарратора уже ребенком к описанию Хагибора воскрешает для нас историю этого места во время Протектората Богемии

и Моравии, где играли еврейские дети, не имеющие возможности ходить куда-либо еще. Далее повествование словно само ведет своего героя дорогой ассоциаций и отсылок к описанию судеб евреев в разных концах света.

Воспоминания, ассоциации, пробуждаемые при контакте с определенным пространством, — ключевой аспект в творчестве Годровой. В первой романной трилогии «Город мучений» на примере Софии, открывающей для себя тайну мест, или Алицы Давидовичовой, вокруг жизни и смерти которой сплетаются повествования о жизни других людей, главным философским вопросом становится понимание собственной идентичности — изменения под влиянием памяти пространства. В более поздних произведениях вопрос о размытости границ собственного я словно уже не стоит: повествование перетекает из точки зрения одного персонажа в точку зрения другого, чередуется лицо глагола, — нарратив протекает в своеобразном безвременье, где персонажи представляют собой «систему личностно открытую»⁶. Их перемещение также носит характер актуализации воспоминаний пространства, но куда больше направлено на вовлечение читателя во взаимодействие, повторяя, что «все возвращается к себе»: «В мире эстетической игры встречаются мир фиктивный и реальный, авторский и читательский. Они, таким образом, наполняются сосуществованием трех миров: встреча мира реального и фиктивного приводится в движение светом эстетической игры»⁷. В последних работах Годровой более, нежели прежде, читатель является вовлеченным в путешествия и воспоминания персонажей и проходит вместе с ними своеобразный ритуал воскрешения и актуализации определенных представлений о мире и отдельных его воплощениях на страницах произведений, позволяя говорить о движении в широком понимании: от процесса порождения произведения непосредственно сквозь текст к восприятию его читателем.

Примечания

¹ Повествование-ткань — термин, введенный самой Д. Годровой в теоретической работе «На краю хаоса: поэтика литературного произведения XX в.» для обозначения типа сюжета, в котором отсутствует главная линия его развития, сюжет как бы разрастается сразу в нескольких направлениях (что в целом созвучно философской концепции ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари). Повествование-путь, с одной стороны, иллюстрирует тривиальное развитие эпического события, с другой — служит метафорой аллегорического пути персонажа к познанию собственного «я». См.: *Hodrová D. --na okraji chaosu--: poetika literárního díla 20. století*, Praha, 2001. S. 753–754.

² Здесь стоит отметить, что под таким «напряжением» следует понимать скорее сосредоточение аллюзий на некий элемент действительности или событие, символическое его изображение посредством отсылок и ассоциаций.

³ Кладбище — очевидный символ памяти о смерти (это Ольшанское кладбище), в то время как возвышенности в произведениях Годровой — символы истории: гора Бланик, Виткова гора и т. д.

⁴ *Тамарченко Н.Д.* Событие // Литературоведческие термины (материалы к словарю). Вып. 2. С. 79–81.

⁵ *Hodrová D.* Točité věty. Praha, 2015. S. 40.

⁶ *Hodrová D.* Paměť a proměny míst // *Hodrová D.* A kol. Poetika míst: kapitoly z literární tematologie. Praha, 1997. S. 21–22.

⁷ *Suchomel M.* Druhý stupeň trýzně // *Česká literatura* Vol. 54. No. 2/3. S. 307.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.09

Картины мира и их роль в «израильском цикле» Марека Хласко

Виктория Игоревна Федорова, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: vittka@mail.ru

Ключевые слова: нарратология, анализ художественного текста, повествование от первого лица, польская литература.

World models and their role in Israeli novels of Marek Hlasko

Viktoria I. Fedorova, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: vittka@mail.ru

Keywords: narratology, analysis of fictional text, first-person narrative, Polish literature

Так называемый «израильский цикл» Марека Хласко включает в себя шесть произведений («В день смерти Его», «Второе убийство собаки», «Обращенный в Яффе», «Расскажу вам про Эстер», «Грязные дела», «И все отвернулись»), которые были написаны в 1960-х гг., уже после полуторагодичного пребывания автора в Израиле, однако связаны с ним напрямую: именно в Земле Обетованной разворачивается действие этих произведений. Нас будут интересовать первые четыре из вышеперечисленных рассказов и повестей. Их объединяет, во-первых, форма повествования от первого лица, во-вторых, специфика точки зрения рассказчика и, наконец, сквозной сюжет.

Главный герой, Хласковер, поляк, которого каким-то образом занесло в Израиль, перебивается разными заработками, не гнушаясь самых сомнительных и даже криминальных. Поначалу сценарии часто весьма нетривиальных мошеннических действий для него пишет его партнер Роберт. Так, в «Обращенном в Яффе» и «В день смерти Его» Хласковер не просто соблазняет богатых женщин и выманивает у них деньги, а подкрепляет это хорошо продуманными историями якобы из своего прошлого, призванными вызвать сочувствие и одновременно влюбить в себя настолько, чтобы женщина отдала незнакомому по сути человеку значительную сумму денег. «Проделывает» Хласковер такое не только с женщинами, но и с мужчинами — уже по другим сценариям. У Хласковера есть и своя, непридуманная

жизнь. Однако если роли, написанные совместно с Робертом, даются ему легко, то события из его собственной — прошлой и настоящей — жизни не дают ему покоя, герой не может снять с лица чужую маску. Он вспоминает о тех, кто был ему дорог (об Эстер, ушедшей из жизни из-за его предательства, и об убитой собаке — единственном существе, по признанию самого Хласковера, искренне его любившем). Хласковер «ходит по кругу», продолжая предавать, обманывать, пытаясь «переписать» события прошлого, но повторяя все те же ошибки вновь и вновь. Картина мира (понимаемая как «дающая масштабы того, что является событием»¹) героя «израильского цикла» отлична от картины мира героев произведений Хласко польского периода. «Польский» Хласко восторгается и одновременно шокирует бунтарскими настроениями, лексикой, резкостью тона, героем — «своим парнем», который выражает настроения молодежи. Он чувствует и переживает *так же* и *то же*, что и они, простые ребята из рабочих районов Варшавы. Да, он тоже эгоцентричный, одинокий, но уверенный в своей правоте — Хласковер же нуждается в оправданиях. Не признавая и не принимая свою вину, он не способен преодолеть прошлое и выйти из замкнутого круга. Такой тип уединенного сознания мы называем «кризисным», его носитель видит тупиковость такого отношения к миру, но не может с этим ничего поделать.

Целью данной работы является определить на материале «Израильского цикла» роль картины мира автора-творца² в ее соотношении с картиной мира нарратора, что также косвенно позволит решить проблему смешения абстрактного автора и рассказчика, особенно остро стоящую для повествования от первого лица.

Для этого нам необходимо в первую очередь описать картину мира рассказчика, а также выявить иные ментальные «системы координат», присутствующие в тексте, и их корреляции с картиной мира нарратора.

Предполагается рассмотреть следующие аспекты:

1. Картина мира рассказчика.

Герой «израильского цикла» Хласковер — носитель уединенного, эгоцентрического сознания. Его внешняя уединенность обусловлена тем, что он эмигрант, к тому же нееврей. Такой «двойной» непричастности внешней соответствует особаго рода уединенность внутренняя. Отрицание Хласковером возможности коммуникативного события (как способности услышать и понять *другого*) носит намеренный характер и занимает устойчивую позицию в его рецепции мира: «Мир полон мусора, в котором одни люди пытаются другим объяснить что-то, понимание чего требует одного лишь мгновения. Я верю, что каждому дано такое мгновение и что никто не смог им воспользоваться»³. «Подумай, как было бы замечательно, если бы я выглядел так же, как ты. Нам не нужно было бы зеркало, чтобы бриться»⁴, — Хласковер не нуждается в *другом*, его собственное отражение вполне устраивает его в качестве собеседника, партнера, окружающего мира.

Иначе говоря, «я» героя является ценностным центром его собственной картины мира: «“Я” созерцает мир с позиции центра»⁵.

2. «Чужие голоса».

Мы сталкиваемся также с еще несколькими вариантами видения мира в пределах кругозора рассказчика — тот самый «чужой голос», который «жизненно важен для коммуникативного субъекта, но только в качестве носителя альтернативной, оспариваемой точки зрения, отрицание которой становится для говорящего средством самоутверждения»⁶.

Негр Ибрагим, стоящий сутками на улице лицом к стене в любую погоду, не дает Хласковеру покоя: «Это я, который по собакам... У меня тут двести фунтов. Возьми их, только уйди отсюда»⁷. Это идеальная позиция для Хласковера, позиция полной отрешенности и уединения, однако он не способен ее занять. Она сбивает его ценностный центр: именно

Ибрагим, а не Хласковер, оказывается истинным носителем уединенного сознания. Герой отвлекается, видя Ибрагима из окна гостиницы, забывает слова своей роли, написанной для него Робертом.

Молящийся старик в соседнем номере, носитель нормативного сознания, присущего императивной картине мира, обращается к Богу — авторитарному центру миропорядка, в то время как у Хласковера нет сил даже, чтобы говорить: «...а он молился — монотонно и истово, словно ему одному дана была сила переносить хамсин <...> как в молитве <...> есть только один Бог и только одна земля»⁸. Жизнь этих людей, не желающих отречься от своего Бога, по мнению рассказчика, состоит из постоянных испытаний, которые они стойко переносят, убежденные в верности своего выбора.

Иной вариант такой притчевой, предполагающей «ответственность свободного выбора в качестве бытийной компетенции актанта»⁹, картины мира существует лишь в воображении Хласковера. Он рассказывает истории из своей жизни, изменяя в ней события и моральные полюса и пытаясь представить свои действия как следование некоему нравственному закону, являющемуся одним из основных характеристик подобной картины мира. Однако она становится абсолютно искусственной, превращаясь в псевдопритчу. Для Хласковера это попытки самооправдаться и снять с себя ответственность за совершенное зло, но они абсолютно неубедительны.

Картина мира, предполагающая понимание и диалог (в концепции Бахтина), двойится, но уже в сознании самого героя. С одной стороны, он жалеет о своей неспособности существовать в ней: «Почему я никогда не говорил и не писал, что нет большего несчастья, чем жизнь без Бога, жизнь вопреки его заповедям — не знаю. Почему я не смог сказать, что самый большой грех — это потеря любви другого человека, не знаю»¹⁰. Но и тут он пытается найти объяснение своим

действиям: «Может, было слишком жарко, а может, я просто забыл»¹¹.

С другой стороны, герой с легкостью играет роль «обращенного» (Хласковер пытается обмануть приехавшего в Израиль миссионера, выдавая себя за еврея, будучи при этом католиком), открывшего для себя «ты», равноценного «я», обманывая своих жертв с целью выуживания денег и придумывая альтернативную реальность, где он любит Эстер и никогда ее не предавал.

3. Избыток авторского видения.

Таким образом, Хласковер оказывается носителем *кризисного* уединенного сознания, не будучи в состоянии ни занять позицию абсолютной *отрешенности* Ибрагима, ни следовать своему *убеждению*¹², как молящийся старик, ни быть способным к любви, *пониманию* и принятию равноценности другого. Он не желает признаться себе, что подобная жизнь — результат его *выбора*, не желает взять на себя *ответственность* за него. Попытки героя самооправдаться или взвалить свою вину на другого или обстоятельства оказываются недостаточно убедительными для читателя. Вспоминая беременную Эстер, погибшую из-за его предательства, Хласковер одновременно пытается оправдаться: «Еще я думал о том, что когда он [ребенок — В.Ф.] появится, Эстер не сразу станет такой, как прежде, и никогда уже не будет прежней, и думал обо всех женщинах, которым дети испортили фигуру»¹³. Говоря о Еве, которую он сдал полиции, после чего она покончила с собой, Хласковер винит что и кого угодно, только не себя.

В конечном итоге читатель понимает, что герой действует в иной системе координат, где правит не случайность, не *мнение*¹⁴, а некая объективная ответственность за выбор, совершенный героем. Это картина мира автора-творца.

Тема кризиса эгоцентрического сознания занимает особое место в литературе XX в. В «израильском цикле» она

раскрывается так широко по той причине, что картина мира, присущая ментальности такого эгоцентрического типа, сопоставлена с другими, недоступными для носителя уединенного сознания, где «я» является единственным ценностным центром мира. Возможно же это благодаря автору, организующему художественный мир в целое и действующему в иной модальности — модальности диалога и понимания.

Примечания

- ¹ *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970. С. 283.
- ² Подробнее об авторе-творце см.: *Тамарченко Н.Д.* Автор // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2008. С. 11–14.
- ³ *Хласко М.* В день смерти Его // *Хласко М.* Красивые двадцатилетние. М., 2000. С. 387.
- ⁴ *Hłasko M.* Drugie zabicie psa // *Dzieła zebrane.* Т. 5. Warszawa, 1993. Р. 35.
- ⁵ *Тюпа В.И.* Историческая реальность и проблемы современной компаративистики. М., 2002. С. 18.
- ⁶ Там же. С. 20.
- ⁷ *Хласко М.* Обращенный в Яффе // *Хласко М.* Красивые двадцатилетние. М., 2000. С. 474.
- ⁸ *Хласко М.* В день смерти Его... С. 382.
- ⁹ *Тюпа В.И.* Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М., 2001. С. 157. Там же подробнее о «притчевой» картине мира.
- ¹⁰ *Hłasko M.* Drugie zabicie psa... Р. 122.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² О креативной компетенции убеждения см.: *Тюпа В.И.* Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М., 2001. С. 158.
- ¹³ *Хласко М.* Расскажу вам про Эстер // *Хласко М.* Красивые двадцатилетние. М., 2000. С. 531.
- ¹⁴ Подробнее о модальности мнения и окказиональной картине мира см.: *Тюпа В.И.* Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М., 2001. С. 159.

Мотив смерти в романе С. Марич «Кинцуги тела»

Евгения Викторовна Шатько, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: eshatko@gmail.com

Ключевые слова: боснийская литература, автобиографический роман, Сенка Марич, Кинцуги тела, мотив смерти

The motive of death in the novel by S. Marić “Kintsugi of the body”

Evgeniia V. Shatko, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: eshatko@gmail.com

Keywords: Bosnian literature, autobiographical novel, Senka Marić, Kintsugi of the body, motive of death

«Автобиографическая работа о борьбе женщины со страшной болезнью»¹ «Кинцуги тела» Сенки Марич получила награду Меши Селимовича как лучший роман, опубликованный в 2018 г. в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Сербии и Черногории. Книга представляет собой «исповедь от второго лица»² героини, болеющей раком груди: она проходит путь от постановки диагноза, нескольких операций, потери груди, химиотерапии до принятия новой себя. Этот период ее жизни напоминает японскую технику восстановления керамических изделий — кинцуги, вынесенную в название романа: трещины и швы заполняются золотом, и это не только продлевает жизнь вещи, но и подчеркивает ее изъяны, делая неповторимой. Фрагментированная композиция романа напоминает осколки сосуда, собрать который в единое целое — задача читателя. История болезни и борьбы с ней перемежается воспоминаниями из детства и юности героини. Все эпизоды объединены общей темой — телесностью,

сопровождаемой натуралистичными описаниями физиологических процессов. «Я пыталась говорить о женском теле с самого первого познания его как женского, обо всем, что относится к глубокой интимности по отношению к самому телу, пораженному болезнью, когда оно полностью демистифицировано и когда в больничных палатах с ним обращаются почти как с вещью. Через это тело я пыталась говорить об эросе и смерти как о двух полюсах, которые друг друга не исключают, и настаивать на том, что тело, пораженное болезнью, все еще живо и способно чувствовать и желать»³. Марич повествует о женском организме, его болезнях, изменениях, сопровождающих их, о многом, о чем не принято говорить вслух: о травме взросления и травме умирания⁴.

В связи с тем, что сюжетообразующим в романе является мотив смертельно опасной болезни, в тексте повторяется танатологический мотив, который чаще всего связан с телесным выражением отмирания. Впервые героиня сталкивается со смертью в детстве, после неудачного падения: «Смерть — большой черный рот, приближающийся, чтобы тебя поглотить»⁵. Через несколько лет героиня будет наблюдать приближающуюся смерть отца, сможет ее подробнее рассмотреть и даже попытаться ей сопротивляться: «Комната наполнена странным, сильным, сладким запахом. Похожим на запах жасмина. Сначала ты думаешь, что он доносится из окна. Потом понимаешь, что он исходит от него, от его тела. Ты знаешь, что это запах смерти. Боишься, что и тебя унесет. Ты хочешь встать. Выбежать из этой комнаты. Но остаешься сидеть, берешь его за руку, держишь крепко, чтобы он тебя чувствовал, чтобы знал, что он не один. Может, ты пытаешься вырвать его из этого запаха. Может, именно тогда начинается твоя открытая, бешенная, кровавая борьба со смертью»⁶.

Позже смерть окажется чем-то темным и пугающим, но и героиня, точнее — ее тело, отравленное раком, само станет ее вместилищем («смерть, присутствующая лишь в виде синевы у тебя под глазами, молчит»⁷; «превращение твоего

взгляда во взгляд смерти»⁸). Клетки собственного тела предают ее, открывая путь врагу: смерть прячется то в опухолях, которые раз за разом уничтожают хирурги и химиотерапия, то в ее же собственном взгляде. С развитием болезни героиня придет к новому пониманию: «Ты полностью осознаешь, что смерть — это только смерть тела. Его капитуляция. Твое тело еще не готово сдаться»⁹.

О смерти невозможно говорить внутри семьи, но тем не менее это необходимо: «Ты не можешь им сказать ничего больше чем просто, что ты выживешь. Иногда их губы формулируют вопросы. Но слова не выходят из горла. Возможно, боятся, как бы один из ответов не нарушил хрупкую веру в твое бессмертие»¹⁰. Отношение других членов семьи к смерти, притаившейся у порога, всегда поданы через призму восприятия рассказчицы.

Смерть в романе никогда не выступает как спасение от физической боли, она может стать избавлением от мук: в детстве, засыпая, героиня надеялась, что однажды ее отец пропадет. «Недостаточно, если он уйдет, — тогда он сможет вернуться. Нужно, чтобы он умер. Какой угодно смертью. Ты не углубляешься в детали. Они не важны. Хочешь, чтобы он просто не вернулся. Представляешь себе жизнь без него. Жизнь, в которой — и ты в это веришь — возможно счастье»¹¹. В определенный момент героиня задумывается о самоубийстве как о способе победить саму смерть, переиграть ее на ее же поле: «Может, ты и готова закончить. Не из-за болезни, этого термита в груди, а из-за того, как она прокрадывается в твои глаза, забирает тебя из жизни. С этим ты не согласна. Но на какой-то миг хочешь закончить по-своему»¹².

Длительное лечение, осложнения, рецидивы создают ощущение постоянно присутствующей угрозы смерти: «Каждый день намечается новая смерть»¹³. Боль, нервное напряжение, страх, к которым, тем не менее, можно привыкнуть, заставляют героиню сомневаться в реальности происходящего, она живет в дне сурка: «... ты метафизическая версия

главного героя “Шоу Трумана”. Можешь умереть бесконечное количество раз. Каждый раз родишься заново. Как героиня безымянной видеоигры, к которой у тебя есть все чит-коды. Твоя жизнь вечна. Пока ты не сделаешь все идеально. Ты четко ощущаешь все места, в которых ты умерла. Смерть приходит легко, после каждого неверного шага. ... Каждая смерть — прощание с какой-то частью тебя. Одной из версий тебя. Умираешь и воскресаешь»¹⁴.

Мотив смерти в романе «Кинцуги тела» занимает важное место наряду с мотивами страха, боли и болезни. Для Мариич смерть не просто отсутствие жизни и не избавление от мучений, а сильный противник, страшный, темный, непознаваемый, которого, однако, можно одолеть, научившись принимать. Героиня, «усовершенствовав умение проигрывать» и «научившись позволять боли проходить через себя, как через сито»¹⁵, победила смерть, поджидавшую ее каждый день.

Примечания

¹ Senki Marić nagrada Meša Selimović // SEECult [Сайт]. URL: <http://www.seecult.org/vest/senki-maric-nagrada-mesa-selimovic> (дата обращения: 02.09.2020)

² Ibid.

³ Senka Marić za Dnevnik.ba: Važno je učiti djevojčice da mogu biti sve što žele i da su savršene kakve god jesu // Dnevnik.ba [Сайт]. URL: <https://www.dnevnik.ba teme/senka-maric-za-dnevnikba-vazno-je-uciti-djevojčice-da-mogu-biti-sve-sto-zele-i-da-su-savrsene> (дата обращения: 02.09.2020)

⁴ *Marjanović F.* Kintsugi tijela: Pukotine života // Etrafika.net [Сайт]. URL: <https://www.etrafika.net/magazin/70996/kintsugi-tijela-pukotine-zivota/> (дата обращения: 02.09.2020)

⁵ *Marić S.* Kintsugi tijela. Sarajevo, Zagreb, 2018. S. 33. Здесь и далее перевод Е.В. Шатько.

⁶ Ibid. S. 90.

⁷ Ibid. S. 80.

⁸ Ibid. S. 79.

⁹ Ibid. S. 108.

¹⁰ Ibid. S. 71.

¹¹ Ibid. S. 78.

¹² Ibid. S. 79.

¹³ Ibid. S. 102.

¹⁴ Ibid. S. 71.

¹⁵ Ibid. S. 120.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.11

**«Искусство ли выше жизни?»:
к проблеме сущности и существования
(на материале повести В. Паскова
«Баллада о Георге Хениге»)**

Наталья Александровна Лунькова, Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: lunkova_n@mail.ru

Ключевые слова: экзистенциализм, Ясперс, онтология, болгарская литература, болгарская проза

**“Is art more important than life?”:
on the issue of essence and existence
(An analysis of “A Ballad for Georg Henig”
by V. Paskov)**

Natalia A. Lunkova, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: lunkova_n@mail.ru

Keywords: existentialism, Jaspers, ontology, Bulgarian literature, Bulgarian prose

Творческий акт есть дерзновенный прорыв
за пределы этого мира, к миру красоты.

Николай Бердяев

Условия развития личности в современную кризисную эпоху не могут не заставлять нас обращаться к вопросам человеческого бытия. Такие его категории, как сущность

и существование, а также проблема их корреляции наиболее полно исследованы в философии экзистенциализма. В качестве объекта для настоящего анализа была выбрана повесть «Баллада о Георге Хениге» (1987) болгарского писателя Виктора Паскова (1949–2009), предметом же рассмотрения стала проблема соотношения сущности и существования, их связи с искусством как особой духовной формой освоения действительности.

Методологической основой работы послужила онтологическая концепция К. Ясперса. В философии немецкого экзистенциалиста одним из определяющих понятий является *пограничная ситуация* (впервые термин введен в работе «Разум и экзистенция» (*Vernunft und Existenz*, 1935)), под которой подразумевается такой вид ситуации (пространства взаимодействия человека и действительности), где индивид бессилён что-либо изменить. К пограничным ситуациям относятся смерть, борьба, вина, страдание, зависимость от случайности. Именно они способствуют переходу личности от неподлинного бытия к подлинному, заставляя ее переживать трагический опыт. Благодаря пограничным ситуациям повседневное, обыденное бытие наполняется иным содержанием, раскрывает истинное предназначение человека. В пограничной ситуации, «перед лицом физической, моральной или интеллектуальной гибели [...], в «безмотивной неудовлетворенности существованием» [...] сквозь предметное просвечивает и прорывается иной план бытия — «экзистенция» (*Existenz*), т.е. ноуменальный мир свободной воли, человеческая самость, внеположная всему предметному»¹.

«Баллада о Георге Хениге» — история о старом скрипичном мастере, представителе знаменитой чешской династии, который волей судьбы в начале XX в. попал в Софию, где основал свою школу, добился известности (на его «скрипках играли по всей Европе»²), но впоследствии был забыт учениками. Сосредоточенные на славе и богатстве, они фиксировали свою причастность к миру как к наличному бытию

(показательны описания пространства их мастерских, например: «Стены просторного помещения украшали новые дипломы на глянцева́й бумаге, подтверждающие высокое мастерство владельца. [...] Все здесь говорило, просто кричало об успехе — яркое, блестящее, хвастливое»³).

Сопоставление рассказчиком локусов мастерских Франтишека и Ванды — учеников Хенига — с бедным подвалом «пещерой» старика, где «пахло старостью, замшелостью, гнилью, смертью»⁴, подчеркивает контраст между отношением героев к «бытию-в-мире». Их ценностные картины мира диаметрально противоположны. Чуждый материальному благополучию, Хениг был целиком отдан единственному делу своей жизни — созданию музыкальных инструментов. Он с осуждением относится к потребительскому отношению к искусству и с негодованием воспринимает деятельность учеников: «Жалько, что я учил вас добри стари ремеслу. Ничего не научил Георг Хениг, очень жаль. *Не научил, как мастер работает не для деньги, не для клиент* [здесь и далее курсив мой — *Н.Л.*]. Работает, когда ничего не имеет [...] *Ремесло больше сами велики мастер*. Ремесло сами велики на свете, и мастер счастливи, когда работает»⁵.

Для Хенига вещный уровень бытия не имел значения. Он считал поистине богатыми лишь тех, кто по-настоящему верен музыке, и старался передать мудрость и жизненный опыт рассказчику — «царю, мальки царю Виктору»⁶, который, повзрослев, специально возвращается в прошлое, чтобы осмыслить свое место в мире. И в самом начале повести признается: «Скорее это рассказ обо мне. Потому что *я почти забыл, кто же я*, в сущности, такой...».

Выросший в небогатой семье, герой неоднократно подчеркивает, что все обитателей его родного квартала жили очень бедно. Разочарованные в таком существовании, сходящие с ума или спивающиеся от невозможности вырваться из нищеты, соседи рассказчика и его родители, подобно ученикам

Хенига, тоже оценивают себя преимущественно в категориях наличного бытия. Вот почему отец героя так стремится осуществить мечту своей жены о буфете — показателе богатства, залоге семейного благополучия: «Иметь буфет в то время было почти то же, что построить трехэтажную дачу с бассейном в наши дни»⁷. Почти обезумев, он перестает ходить на репетиции в театре и вместо бытия-в-искусстве выбирает бытие-в-мире, целиком посвящая себя изготовлению буфета и воспринимая это как доказательство своего права на лучшее существование: «Я больше не дурак и не бедный. [...] Знаешь, что ценится в этом мире? Вот это! Посмотри на него!.. Хорошенько на него посмотри, вот что ты упустил когда-то, мастер Хениг!»⁸ Можно было бы сказать, что буфет с множеством затейливых ящичков — настоящее произведение искусства, однако он создавался ради утилитарного использования — и потому предельно предметен. Если и допустить, что подобное изготовление мебели — искусство, то только такое, где форма становится «в конечном итоге техникой, конструкция — расчетом»⁹, и в таком неподлинном виде не может «делать ощутимой трансценденцию», показывать человеку, «что есть Бог и что есть он сам»¹⁰.

Противоположное отношение к бытию символически описано в создании последней скрипки мастера. Предположение смерти, которое становится моментом наивысшей творческой активности Хенига, — пример воздействия на человека той самой пограничной ситуации, которая «пробуждает субъект к экзистенции через радикальное потрясение его существования»¹¹. Переживание неотвратимости ухода наделяет пожилого мастера небывалой жизненной энергией, благодаря которой он изготавливает шедевр всей своей жизни — виолу д'аморе, скрипку для Бога: «Георг Хениг словно впал в *экстаз*. Движения его стали быстры и уверенны. Со стороны ощущение было такое, словно он *действует по чьей-то воле*, таким затуманенным был его взгляд, такими

точными — движения, таким странным *внутренним светом* было озарено его лицо»¹². Таким образом, через переживание пограничной ситуации человек может постичь свое предназначение, наполнить жизнь новым смыслом и преобразовать собственное бытие.

Подводя предварительный итог нашему исследованию, нужно отметить, что в «Балладе о Георге Хениге» именно через отношение к искусству «проверяется» подлинность бытия человека, который реализует в нем свою способность экзистировать. «Если уничтожен мир, прославлению которого служило искусство, то возникает вопрос, где же созидающий обнаружит подлинное бытие, которое дремлет, но должно благодаря ему обрести сознание и раскрытие. *Искусства сегодня как бы бичуются существованием*; нет алтаря, у которого они могли бы обрести покой, прийти в себя, наполниться содержанием»¹³.

Примечания

¹ *Аверинцев С.С.* Ясперс // Новая философская энциклопедия [Сайт]. URL: <https://iphlib.ru/library?el=&a=d&c=newphilenc&d=&rl=1&href=http:%2f%2f3625.html> (дата обращения 30.08.2020)

² *Пасков В.* Баллада о Георге Хениге // *Пасков В.* Детские истории взрослого человека. М., 2018. С. 85.

³ Там же. С. 145.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ Там же. С. 221.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Там же. 123.

⁸ Там же. С. 159.

⁹ *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 368.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Ясперс К.* Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М., 2012. С. 76.

¹² *Пасков В.* Баллада о Георге Хениге. С. 203.

¹³ *Ясперс К.* Духовная ситуация времени. С. 367.

Авторские фильмы об искусстве в польском кино 1970-х годов

Денис Георгиевич Вирен, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация;
e-mail: denis.viren@gmail.com

Ключевые слова: польское искусство, авторское кино, короткометражное кино, история кино, Анджей Папузиньский, Петр Андреев, Анджей Бараньский

Auteur films about art in Polish cinema of the 1970s

Denis G. Viren, The State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation; e-mail: denis.viren@gmail.com

Keywords: Polish art, auteur cinema, short films, film history, Andrzej Papuziński, Piotr Andrejew, Andrzej Barański

Фильмы об искусстве — явление с долгой историей, которое тем не менее находится на обочине интересов исследователей. Это можно объяснить как минимум двумя причинами. Во-первых, не во всех странах данное направление получило серьезное развитие. Допустим, в СССР по сравнению с ПНР оно было представлено намного скромнее. Во-вторых, его жанровые и даже видовые границы весьма размыты. Фильмы об искусстве существуют в пограничном пространстве между документальным, научно-популярным и игровым кинематографом, иногда заходя даже на территорию анимации. Это, несомненно, усложняет анализ и в то же время очень интригует.

Кино об искусстве снимали еще до войны, но тогда оно преследовало в основном просветительские цели. Настоящая революция в этой области связана с появлением во Франции на рубеже 1940–1950-х гг. движения «Группа тридцати»

и в первую очередь с именем будущего классика Алена Рене. Одним из двух важнейших направлений работы членов группы, как пишет историк французского кино Наталья Баландина, была «разработка так называемой *второй реальности* (курсив мой — Д. В.) — речь идет о фильмах, посвященных искусству. Этот жанр документального кино активно развивается в начале — середине 1950-х гг. под влиянием широкого распространения телевидения, расцвета движения кино клубов и короткометражного кино»¹. Ленты Рене «Ван Гог» (1948), «Гоген» и «Герника» (оба 1950) кардинально расширили представления о том, как экран может рассказывать о художнике или даже отдельно взятой картине. Они во многом стали точкой отсчета для последующих исканий кинематографистов, бравшихся за столь непростые материи.

За редчайшими исключениями фильмы об искусстве в тот период были короткометражными. Переходя к разговору о кино социалистической Польши, необходимо подчеркнуть, что именно на территории короткого метра тогда были возможны самые смелые эксперименты, коснувшиеся также фильмов об искусстве, а колыбелью поисков стала Студия просветительских фильмов в Лодзи. В общей сложности к концу 1970-х гг. в стране было снято около 600 короткометражных фильмов², относящихся к этому направлению, — количество поразительное и едва ли не уникальное в мировых масштабах.

Большая часть фильмов об искусстве носила вполне академический характер и вряд ли представляет особый интерес в плане развития киноязыка (что не отменяет их высококого качества). В докладе хотелось бы рассмотреть несколько примеров экспериментального толка, которые заслуживают называться «произведениями искусства о произведениях искусства». Данная формулировка почерпнута у одного из первых исследователей темы, настоящего энтузиаста фильмов об искусстве Збигнева Чечота-Гаврака. Учитывая упомянутые

объемы производства, неудивительно, что в Польше уже тогда предпринимались серьезные попытки теоретического осмысления явления.

В книге «Кинематографическое представление искусства», увидевшей свет в конце 1970-х гг., но во многом не утратившей актуальности по сей день, Чечот-Гаврак обозначает важнейшие проблемы, связанные с анализом фильмов об искусстве. Это и сложность жанровой классификации, о которой шла речь выше, и трудности с рубрикацией, и вопрос кинематографичности отдельных видов искусства, и любопытный концепт фильма об искусстве как новой формы художественной критики... Польский киновед предлагает базовое разделение на подвиды: аналитико-дидактический (кинолекция об искусстве образовательного свойства), поэтико-эссеистический («поэма об искусстве»), научно-популярный (нечто среднее между двумя первыми) и документально-репортажный (о современных художниках)³.

Предложенная классификация, конечно, во многом условна, однако позволяет хотя бы отчасти упорядочить разнообразный массив киноматериала. Благодаря фильмам, снимавшимся в Польше, у нас есть возможность составить представление не только об истории искусства, в том числе польского (циклы «Введение в искусствознание», «Романское искусство в Польше», «Традиции ремесел и народного искусства» и др.), но и о тех его явлениях, которые на момент съемок были новыми, только находились в процессе формирования.

Очевидно, что художники были заинтересованы в такого рода опытах и шли навстречу кинематографистам, принимая живое участие в съемочном процессе. Здесь становится очевидно, что последний подвид может сочетаться со вторым: картины о современных художниках в 1970-е гг. очень часто порывали с каноническими моделями повествования и предлагали новаторские формальные решения. Обратимся к трем примерам. Это фильмы, не похожие друг на друга,

представляющие различные авторские подходы, каждый из которых глубоко своеобразен.

Автор ленты «Хвала Быку» (*Bykowi chwala*, 1971) Анджей Папузиньский (1932–2017) подавляющую часть своей фильмографии посвятил разработке проблем художественного творчества и в конце жизни был признан классиком направления не только в Польше, но и за ее пределами. Картина «Хвала Быку» вошла в историю польского кино как первый радикальный эксперимент с формой в области фильмов об искусстве. Это портрет живописца, графика и плакатиста Франчишека Старовойского (1930–2009), лишенный, однако, типичных черт биографического документального фильма. Посмотрев его, зритель не узнает ничего о жизни Старовойского и почти ничего о его взглядах на искусство, зато вместо энциклопедической информации он получит нечто более ценное — погружение в лабораторию мастера, в его причудливый, пугающий мир, знакомство с предметами, окружающими и вдохновляющими его. С технической точки зрения важно отметить, что с самого начала производства фильм был заявлен как анимационный в силу использования сложных приемов, прежде всего многократных экспозиций и наплывов⁴.

С отчасти подобным решением мы сталкиваемся в дипломном фильме Петра Андреева (1947–2017) «Идет Мруз» (*Idzie Mróz*, 1973), только здесь режиссер, позднее активно работавший и в игровом кино, соединяет откровенно постановочные сцены с документальными, в финальной части блестяще переплетая их. Первый эпизод в ресторане демонстрирует представителей «старого» краковского общества, рассуждающих о современном искусстве: оно кажется им в лучшем случае непонятным, в худшем — примитивным. Второй эпизод: главный герой, художник-иллюстратор Даниэль Мруз (1917–1993), идет по Кракову, причем метод съемки (общие планы, нижние ракурсы, фигура дана сбоку

или со спины) и торжественная музыка создают атмосферу возвышенную и в то же время несколько нереальную. Третий эпизод поначалу напоминает обычное наблюдение за работой художника: обстановка дома, процесс рисования сопровождаются рассуждениями Мруза о качестве печати гравюр в XIX веке и сейчас... Вдруг слышатся странные звуки, героя окружают загадочные, сказочные персонажи, от которых ему приходится бежать, чтобы в итоге оказаться в белой комнате, где разыгрывается совершенно сюрреалистическая сцена шахматной партии, возможно, являющаяся ключом к художественному методу Мруза.

Третий фильм — «Струмилло» (*Strumillo*, 1977), повествующий о художнике и поэте Анджее Струмилло (1927–2020), — представляет собой совершенно иной тип поэтики. Он выдержан в стиле, характерном для режиссера Анджея Бараньского, впоследствии прославившегося главным образом игровыми картинами. Аскетичность приемов, неспешность повествования, сосредоточенность на деталях, меланхоличность настроения — все эти элементы особенно отчетливо проявляются в первой части, где крупным планом показаны руки художника, демонстрирующего вещи, привезенные из путешествий: шишку, камень, бабочку, растения... За кадром он рассказывает об их истории и значении для собственного творчества. При всей внешней неброскости сцена оказывает гипнотическое воздействие. Знаменательно, что лицо художника мы увидим только в самом последнем кадре⁵.

Все рассмотренные фильмы, несмотря на стилистические различия, преследуют одну цель: приоткрыть зрителю не только и не столько «кухню» художественного процесса, сколько внутренний мир художников, обнаружить импульсы, под воздействием которых рождаются те или иные произведения. Но самое главное, что в результате благодаря таланту кинематографистов возникли кинокартины не менее интересные, чем их герои.

Примечания

¹ Баландина Н. «Группа тридцати» и «синема-верите» // Я могу говорить. Кино и музыка оттепели. М., 2020. С. 303.

² Информация приводится по книге: *Czczot-Gawrak Z.* Filmowa prezentacja sztuki. Warszawa, 1979. S. 25.

³ Ibid. S. 19–20.

⁴ См. об этом подробнее: *Dondzik M., Jajko K., Sowiński E.* Elementarz Wytwórni Filmów Oświatowych. Łódź, 2018. S. 179.

⁵ В 2018 г. белорусский режиссер Андрей Кутило снял в копродукции с Польшей фильм «Summa» о последних годах жизни Струмилло, сосредоточившись на личности художника. Картина получила приз за лучший среднетражный фильм на самом престижном в мире фестивале документального кино IDFA, проходящем в Амстердаме.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ, ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Н.Р. Белова

Побелогорская рекатолизация Чешских земель
(по материалам реформационной комиссии
1627–1629 гг.)..... 4

Д.О. Жаров

Обозначение происхождения студентов иезуитских
университетов в Граце и Трнаве в конце XVI —
первой половине XVII вв.: географический
или этнолингвистический принцип..... 8

А.В. Богатырев

«Зело пристрашно...»: страх и родственные ему чувства
на страницах источника XVII столетия..... 14

С. Мацони

У истоков понятия «славянство»: Й.Г. Гердер,
Н.М. Карамзин и славянский элемент
в русской идентичности 22

К.А. Касаткин

Болгария в идеологии «русского» панславизма
(1820–1870-е гг.)..... 26

И.С. Путятина

Роль Перы Тодоровича в развитии радикализма
в Сербии (1875–1879 гг.)..... 31

А.В. Зайцев

Количество славянских народов
как политическая проблема 40-х — 50-х гг. XX в..... 36

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

С.А. Козлов

Язык из Киева проведет 42

Д.Ю. Чернышенко

Переписка П.А. Сырку как источник по содержанию
личной библиотеки..... 47

Б.С. Новосельцев

Электронная библиотека сайта Центрального
разведывательного управления США как источник
по изучению внешней политики Югославии
в 1940–1980-е гг. 52

Т.В. Гимадеев

«Чешский миф» коллаборациониста
Эмануэля Вайтауэра 57

ОБРАЗЫ, ОТРАЖЕНИЯ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ: ПЕЧАТЬ И ПРЕССА

К.В. Мельчакова

К вопросу о путешествии фотографа П.П. Пятницкого
в Боснийский вилайет: новые факты..... 63

С.О. Панин

Лев Троцкий о добровольцах на Балканских войнах
1912–1913 гг. 68

Е.В. Каменская

«Экссессы в условиях трудностей»: польские события
1970 г. в материалах советской прессы..... 73

К.О. Долголаптева

Актуальные тенденции формирования
национальной идентичности в Республике Беларусь
(по материалам СМИ)..... 79

**МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА:
УПРАВЛЕНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ**

И.И. Думиника

Роль православной церкви в борьбе с эпидемиями
в Бессарабии (XIX в.)..... 88

А.Н. Левандовский

Попытка освоения острова Сахалин Российской империей
(середина XIX — начало XX в.)..... 94

А.Ю. Перетяцько

«Эх, горе, ныне на тихом Дону три земли сошлись»:
авторы второй половины XIX в.
о «русских» на территории Войска Донского..... 98

С.А. Орешин

История славян на Сунже 103

О.Э. Лукьянчук

Роль и место ремесленного производства
в формировании индустриального общества на Беларуси
(вторая половина XIX — начало XX в.) 109

Е.П. Каткова

Югославская автомобильная промышленность:
от *ТАМ* до *Црвена Застава*..... 114

ПАМЯТЬ, ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА

И.И. Позднякова

Проблема Польского коридора
на Парижской мирной конференции..... 121

А.Р. Лагно

Память, история, политика в Польше и на Украине:
подходы к интерпретации
переселенческо-депортационных акций 1944–1947 гг. 126

Д.Д. Копанева, Т.Г. Черных, К.А. Костоусова

Образ героя-воина в сербском национальном
самосознании: к постановке вопроса..... 131

РОЛЬ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА

А.В. Зорин

Чешские и словацкие организации в США
в годы Второй мировой войны 136

Н.Ю. Шишов

Идеи славянской солидарности в политической риторике
ультраправых партий Словацкой Республики
в 2004–2018 гг. (на примере Народной партии —
Наша Словакия и Словацкой национальной партии) 141

М.В. Ведерников

Парламентские выборы в Словакии:
неожиданные результаты на фоне грядущего кризиса..... 147

А.К. Александрова

Референдум как инструмент политического давления
в условиях финансово-экономического кризиса
(на примере современной Греции) 150

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

А.А. Бакшаева

Записи на полях Христинопольского Апостола XII века 158

С.А. Борисов

Языковые и культурные контакты чехов Румынии..... 162

А. Дворачек

Стратегии вежливости в испанском и русском языках
на примере интернет-рекламы косметики..... 167

П.Ю. Караваева

Житие Святого Феодора Студита
в редакции Нила Сорского:
к интерпретации некоторых лексических замен..... 173

Н.И. Кикило

Показатели категории эвиденциальности
и да-конструкция: межкатегориальные
взаимодействия в македонском языке..... 178

Лю Ху

- Традиционная народная культура
провинции Шаньдун 185

Я.В. Малькова

- К семантико-мотивационной интерпретации
лексики, обозначающей недоброжелателя
(на материале севернорусских говоров)..... 188

М.М. Масальская

- Номенклатурные термины объектов
городского пространства на примере
Москвы, Софии и Варшавы..... 194

П.Б. Миронова

- Эмра и проблема определения
категории *двоедушник* 197

А.Г. Мосинец

- Предложения с причинно-аргументирующим
значением в болгарском языке 202

А.С. Улитова

- Становление норм словорасположения
в многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях
(на материале исторических повестей XVII в.)..... 207

М.И. Хажомия

- Глаголы взаимно-многократного способа
глагольного действия и их перевод
на сербский/хорватский и македонский языки 212

А.И. Чиварзина

- Серый цвет и его обозначения
в балканославянских диалектах
в сопоставлении с албанским и румынским 216

В.Ю. Шатин

- Система шипящих в костромских и пошехонских
говорах начала XVII в. 223

А.П. Якимова

- Взгляд сквозь столетие: о чем скажет одежда 229

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

ВОПРОСЫ РЕЦЕПЦИИ И ПЕРЕВОДА

А.В. Грасько

Чешский писатель Юлиус Зейер
как герой анонимного мемуара в России 238

А.В. Амелина

Русские писатели в чешской среде
первой половины 1920-х гг.: периодика
левого политического крыла
(газета «Руде право») 243

М.М. Громова

Переводческие ошибки в русскоязычных изданиях
словенской детской литературы 248

Дичэнь Чжоу

Перевод и изучение произведений В. Токаревой
в Китае: состояние и перспективы 255

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ И КИНО

М.В. Каплун

Лацци в первых русских придворных пьесах
последней трети XVII в.: задачи и функции 259

Р.В. Зиновьева

Трансформация «вечного образа» Гамлета
в драмах абсурда Витольда Гомбровича «Венчание»
и Славомира Мрожека «Танго» 264

А.Р. Анютина

Две парадигмы идентификации личности — версии
Владислава Белзы и Янки Купалы 271

С.А. Кожина

Движение как структурообразующий фактор
произведений Д. Годровой 279

В.И. Федорова

Картины мира и их роль в «израильском цикле»

Марека Хласко.....283

Е.В. Шатъко

Мотив смерти в романе С. Марич «Кинцути тела»290

Н.А. Луцькова

«Искусство ли выше жизни?»:

к проблеме сущности и существования

(на материале повести В. Паскова

«Баллада о Георге Хениге»).....294

Д.Г. Вирен

Авторские фильмы об искусстве

в польском кино 1970-х годов.....299

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**

Тезисы конференции молодых ученых
в рамках Дней славянской письменности и культуры
13–14 октября 2020 г.

Ответственные редакторы:
Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова

Дизайн обложки:
П.Н. Морозов

Компьютерная верстка:
С.В. Родионова

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты: inslav@inslav.ru

Подписано в печать 05.11.2020
Формат 60×90 1/16
Гарнитура Century Schoolbook.
Бумага офсетная
Печать цифровая
Объем 18 печ. л.
Заказ №
Тираж 500 экз.